

**УПОЕНИЕ ВЛАСТЬЮ.
РЕВОЛЬВЕР, СПИРТ И КОКАИН
1917 ГОД**

ВЛАДИМИР ШИГИН

Владимир Шигин
Упоение властью. Револювер, спирт и
кокаин. 1917 год

© Владимир Шигин

Глава первая

Упоение властью

Девятый вал «триумфального шествия Советской власти», покотившийся с ноября 1917 года из Петрограда по регионам России, одновременно явился и валом «триумфального шествия» революционно-миссионерской деятельности матросов.

С ноября 1917 по февраль 1918 года примерно из 40 губерний и городов страны поступили просьбы на присылку свыше 15 тысяч балтийских моряков. Из более 600 комиссаров, посланных Военно-революционным комитетом в провинцию, 167 были матросами. Почему так велик был у региональных ревкомов спрос именно на матросов? Ответить на это несложно. Именно матросы являлись на тот момент наиболее организованной, мотивированной и сплоченной вооруженной революционной силой. К тому же, именно матросы были уже овеяны славой (хорошей или плохой, в данном случае неважно) двух революций. Все это приводило к тому, что именно с прибытием в тот или иной город матросских отрядов, Советская власть там утверждалась весьма быстро. Таким образом, в первые недели после Октябрьской революции, именно матросы играли едва ли не главную регулирующую роль в политических отношениях населения России.

Историк военно-морского флота М.А. Елизаров пишет: «Матросские отряды, небольшие группы матросов, отдельные матросы-отпускники подчас обеспечивали «триумфальное шествие Советской власти» по городам и весям. Для этого иногда хватало, чуть ли не банки консервов в качестве «гранаты», поднятой матросской рукой на собрании «общественности» какого-нибудь провинциального городка. Матросы приезжали в такие городки или родные деревни, когда там имело место «брожение умов», сомнения в выборе властей в условиях неясности обстановки и отрывочной информации из столицы. У матросов таких сомнений не было. Они уже неоднократно убеждались в правильности советского пути. Они служили часто как бы решающей силовой «гирькой», которая перевешивала неустойчивое равновесие власти на местах в сторону созревшей там власти Советов, после чего в глазах обывателя эта «гирька» вырастала до огромных размеров. При

этом матросским комиссарам трудно было осознать всю силу закономерностей следования провинции за столицей. Происходившие на поверхности местной политической жизни, но созревшие глубоко процессы передачи власти Советам, при их непосредственном участии воспринимались матросами только как результат их решительности и силы новых мировых коммунистических идей. Это способствовало дальнейшему усилению экстремистских настроений в матросской среде».

В те дни окружены матросами в качестве охраны, комендантов поездов и различных помощников были не только первые «красные полководцы» Н.И. Подвойский, В.А. Антонов-Овсеенко, М.А. Муравьев, Н.В. Крыленко, но и разного рода советские чиновники. На этапе «эшелонной» гражданской войны, которая началась едва ли не сразу после Октябрьского восстания, матросы так же были незаменимы. Только они имели возможность, как вооруженная сила, пробиться в нужном направлении по железным дорогам, забитым демобилизованными солдатами, беженцами, мешочниками и т. п.

Историк военно-морского флота М.А. Елизаров вполне обоснованно пишет: «Матросы действовали как самостоятельная политическая сила, независимая от своих союзников по Октябрьскому восстанию – большевиков».

В те дни окружены матросами в качестве охраны, комендантов поездов и различных помощников были не только первые «красные полководцы» Н.И. Подвойский, В.А. Антонов-Овсеенко, М.А. Муравьев, Н.В. Крыленко, но и разного рода советские чиновники. На этапе «эшелонной» гражданской войны, которая началась едва ли не сразу после Октябрьского восстания, матросы так же были незаменимы. Только они имели возможность, как вооруженная сила, пробиться в нужном направлении по железным дорогам, забитым демобилизованными солдатами, беженцами, мешочниками и т. п.

Историк военно-морского флота М.А. Елизаров вполне обоснованно пишет: «Матросы действовали как самостоятельная политическая сила, независимая от своих союзников по Октябрьскому восстанию – большевиков».

Причем в той обстановке, случалось, что и начальники порой фактически являлись заложниками собственной матросской охраны. Красочный рассказ о поездке отряда кронштадтцев в начале 1918 года для вывоза из Украины сахара, оставил прикомандированный к ним старшим главсахаровский чиновник Н.Ф. Иконников. У кронштадтцев

был, собственно, один настоящий матрос, смотревший на команду свысока. За исключением его и комиссара, остальные представляли собою, по впечатлению Н.Ф. Иконникова, «гомогенную массу подонков портового города. У всех были винтовки, все щеголяло матросскими шапками, которые в то время одни устрашали больше оружия». Любимым их занятием было устройство власти на местах. Во время пути «мои кронштадтцы, – писал Н.Ф. Иконников, – не зная ничего и не желая знать о правилах железнодорожного движения, заботились лишь о скорейшем продвижении вперед, и, приставленный к виску машиниста револьвер склонял его к тому же мнению». В результате задача по вывозу сахара, невыполнимая для выполнения кем-либо другим в той, целиком анархической обстановке, кронштадтцами была решена. Во время командировки они загрузили себе вагон продовольствия и спирта, а Н.Ф. Иконникова (работавшего уже тогда на белых) за понимание их методов «революционных действий» одарили всемогущим в то время мандатом от Балтийского флота, в котором предписывалось «под угрозой революционной кары оказывать везде и во всем полное содействие» предъявителю.

Что ж, матросы в самом деле, делали только то, что считали нужным и делали это так, как считали нужным. Никто, при этом, не был им указ.

Историк М.А. Елизаров пишет: «Участие моряков в ликвидации центров старой власти, как в столице, так и на фронте накрепко привязало их к Октябрьской революции и вместе с ростом ее значения ещё более повышало роль матросов в общественном сознании. Этому много способствовала правая пресса. Продолжая называть революцию «переворотом», «путчем» большевиков и матросов, она пропагандировала их в глазах населения страны, нуждавшегося в персонификации революции. Причем, если большевиков, как политическую партию, можно было подозревать в политической корысти, то нападки на флот как общенациональный институт были малоэффективны, и пресса склонна была матросов оправдывать. Тем более что их «левый» радикализм в дооктябрьский период в значительной степени оправдывался фактом перехода власти к Советам. В сознании рабочих и других слоев населения надолго закреплялось мнение, что в Октябрьской революции матросы «поставили эту власть». Соответственно в советских газетах печатались многочисленные приветствия и разного рода комплименты в адрес «красы и гордости русской революции». При этом закреплялась уверенность матросов, что Октябрьская революция дело

их рук и создавалась почва для матросской миссионерской деятельности. Например, в приветствии рабочих Сысертского завода в адрес Балтийского флота, опубликованном газетой «Уральский рабочий» 3 ноября 1917 г. говорилось следующее: «Шлем тебе, родимый, наш горячий привет... Да будет твоя победа – победа наша!» В результате отношение к матросам стало меняться на бытовом уровне даже со стороны представителей среднего класса. Так, после октябрьских событий в Петрограде, многие дамы «общества» пооткрывали кафе (работавшие недолго за неимением продуктов). Главными посетителями их стали матросы, имевшие тогда, отличие от всех других, реальные деньги. Причем от содержательниц кафе можно было услышать такие оценки: «...Матросы совсем не звери. Напротив, такие забавные. Что-то хотят разыграть, каких-то новых джентльменов...». Что касается самих матросов, то они очень хорошо чувствовали высоту, на которую их вознесла революция и пользовались этим от души.

Стремясь сохранить свое влияние на матросов, Совнарком предпринимал меры для дальнейшей большевизации матросской массы. Так 20 ноября 1917 года Совнарком, под председательством В.И. Ленина, обсудил вопрос об оплате большевистских лекторов, которые не очень охотно соглашались ехать к буйным матросам. В ответ на это матросы стали сами вызывать к себе интересных им лекторов, среди которых были и левые эсеры, и анархисты, одновременно отвергая навязываемых сверху. Если выступление нравилось, то выступающих щедро одаривали продуктами, а не понравившиеся могли и расстаться с жизнью. Отказываться от матросских «приглашений» было нельзя. Так в своих воспоминаниях В.В. Маяковский, не стесняясь, рассказывает, как он, вприпрыжку, мчался к потребовавшему его к себе матросам гвардейского экипажа. Уже в пролетке поэт лихорадочно дописывал свой знаменитый «Левый марш», который, по его мнению, должен был понравиться радикально настроенным матросам. Ожидания Маяковского оправдались, «Левый марш» матросам понравился, и поэта щедро одарили тушенкой и мукой. А вот его коллега Н.С. Гумилев, не поняв, куда он попал, начал читать матросам стихи о царе, за что едва не поплатился жизнью. Спасло Гумилева только редкое самообладание, которое понравилось матросам, и они снисходительно простили «смелого контрика». Едва

успела избежать расстрела и выступавшая перед матросами «поэтесса-беспредметница» Нина Хабиас (Н. Оболенская). Войдя в раж, Хабиас призвала собравшихся матросов к... всеобщей революционной однополой любви. Те призыв не оценили и тут же решили извращенку расстрелять. Но пока голосовали, стрелять ли ее прямо на сцене, или вывести в подворотню, перепуганная Хабиас дала деру.

В 1936 году на экраны Советского Союза вышел фильм «Депутат Балтики», рассказывавший о единении революционных матросов с интеллигенцией Петрограда. Сюжет фильма был таков. Уже в первых кадрах матросы между делом расстреляли какого-то спекулянта, а затем ворвались в дом к всемирно знаменитому профессору Полежаеву, требуя от того припрятанной муки. При этом матросы ведут себя предельно нагло, ногами пинают двери, швыряют на пол рукописи. Главный матрос Куприянов (здоровенный бугай с двойным подбородком), кричит профессору о голоде. При этом матросы небрежно покуривают буржуйские сигары. Увы, у профессора, занимающегося общей физиологией растений, муки в доме нет. Расстроенные матросы уходят, но потом неожиданно решают послушать научную лекцию и требуют профессора к себе на минный заградитель «Амур». Разумеется, тот послушно приходит. На «Амуре» в это время жизнь бьет ключом – матросы рубятся в домино и пляшут веселый танец «Крокодила»: «По улице ходила большая крокодила! Она-она здоровая была...» Но тут появляется профессор и матросы, забыв о «крокодиле», затаив дыхание, начинают случать лекцию об общей физиологии растений. Лекция производит на матросов такое неизгладимое впечатление, что они щедро одаривают профессора здоровенным караваем хлеба и несколькими головками сахара. При этом, судя по размеру, каравай явно не казенный, а только что конфискованный у контры. Довольный профессор возвращается домой и вдвоем с женой играет на рояле. Что касается матросов, то они, проникшись любовью к общей физиологии растений, тут же решают избрать головастого профессора депутатом в Петросовет. Узнав об этом, профессор, ощущает себя счастливым человеком и дает гневную отповедь бывшим соратникам-ученым, которые его от этой затеи отговаривают. В финале картины недавний профессор, а ныне депутат Петросовета, с трибуны провожает матросов на фронт против «немецких белогвардейцев», выкрикивая революционные лозунги...

Возможно, что именно так в идеале и виделось девятнадцать лет спустя единение революционных матросов с петроградской интеллигенцией, но реальность была, увы, несколько иной... Примечательно, что в 1917–1918 годах среди матросов распространилась мода на смену фамилий и имен, чтобы лучше соответствовать своему новому высокому положению. Так, матросы 2-го Балтийского экипажа в декабре 1917 года массово подали прошение на смену своих имен и фамилий: «Шинкарев» на «Орлов», «Козьма» на «Владимир» (возможно, как у В.И. Ленина), «Скалдетский» на «Гром» и т. п. Соответственно месту матросов в революции шел процесс их внедрения в новые властные структуры. В результате всего этого матросский радикализм получил новый мощный канал влияния на ход политических процессов в стране.

* * *

Сегодня среди политиков существует модное выражение, введенное некогда Питиримом Сорокиным – «социальный лифт». Под этим выражением подразумевается стремительное перемещение людей из низшего слоя общества в более высший. Во все времена самые быстрые социальные лифты действовали во время революций. Не являлась исключением и российская революция 1917 года. Именно революционные социальные лифты вознесли на головокружительную высоту и революционных матросов. А как же без них? О примере П.Е. Дыбенко мы уже много говорили выше, но председатель Центробалта не был исключением. Революционные лифты закидывали высоко вверх и других матросов, причем зачастую совершенно не соответствовавших своим новым должностям.

Матрос Дыбенко П.Е.

Вот как описал свой карьерный взлет совсем еще тогда молодой матрос С.Н. Баранов. Волею случая, Баранов попадает на 1-й Всероссийский съезд военных моряков, начавший работу 18 ноября 1917 года. Далее он описывает события так: «Наша делегация приехала в Петроград несколько раньше других, и председатель ВМРК Вахрамеев привлек меня к работе по подготовке помещения. Все поручения я выполнял аккуратно, со старанием. Но вот мне поручили регистрацию прибывающих делегатов. Эта, казалось бы, совсем несложная канцелярская работа меня подвела: я регистрировал всех делегатов подряд и каждого по-разному, без всякой системы.

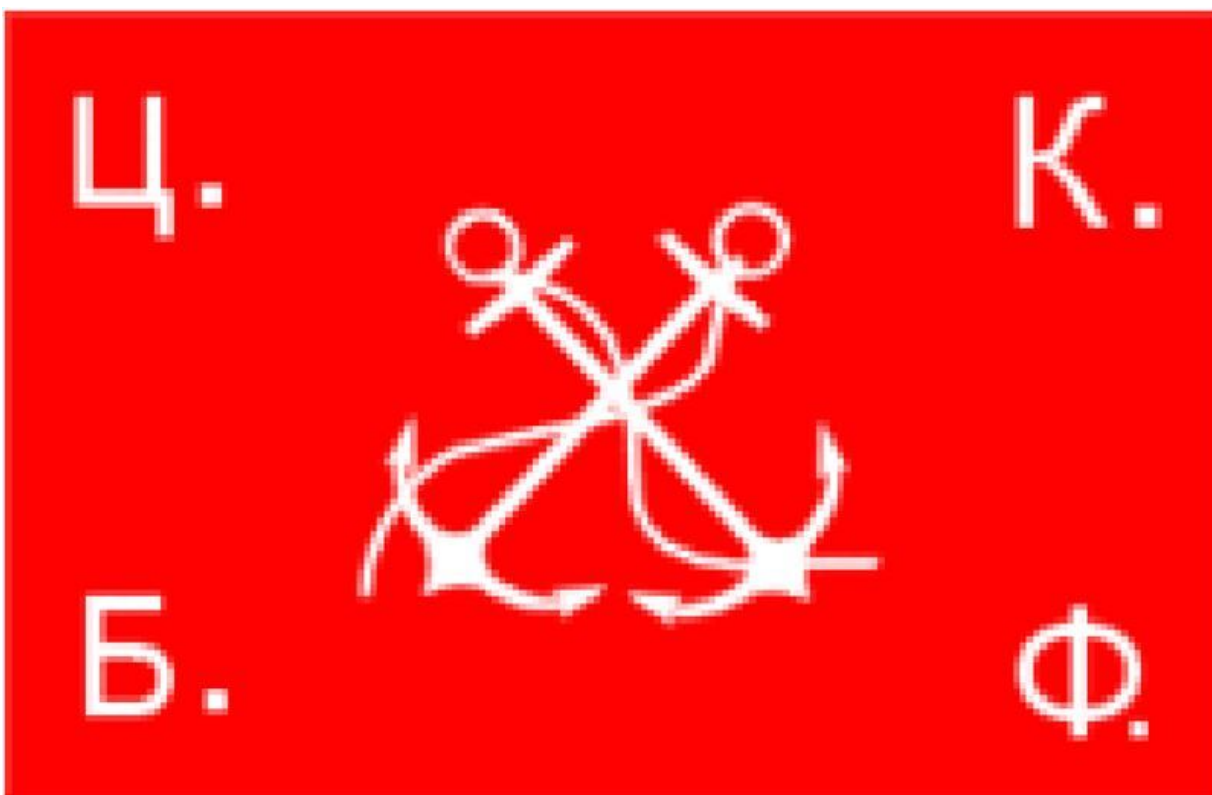
Ко мне подошел Мясников (матрос-большевик с учебного судна «Океан» В.Ш.) и спросил:

– С каких морей сколько прибыло делегатов и сколько из них большевиков?

Ответить сразу я не смог. Мясников посмотрел мою писанину, рассмеялся и показал ее Ивану Ивановичу Вахрамееву. Это меня

skonфузило. Видя, что в записях я не силен, Вахрамеев взял мою тетрадь, разлиновал один чистый лист на несколько граф, подписал их сверху, и мне оставалось только проставлять в каждую графу сведения из документа или словесного опроса.

Дело пошло хорошо и просто. Я проработал целую ночь, приводя свои бессистемные записи в должный порядок. Видимо, этот кропотливый труд был достойно оценен делегатами: на первом же собрании большевики меня единогласно избрали секретарем фракции. В разработку съездовских документов мне довелось вложить значительную долю своего труда. (Мною же, между прочим, был сочинен и наказ 1-й бригады крейсеров.) Ко дню открытия съезда зарегистрировалось сто девяносто делегатов. Наметили повестку дня, но никто не был уверен в том, что она удачна. Фракция большевиков решила согласовать ее с В. И. Лениным. Эта высокая честь выпала Р. Кронбергу и мне, как секретарю большевистской фракции. Мы получили удостоверение за подписью и печатью наркома по морским делам П.Е. Дыбенко. Будучи во всех отношениях средним матросом, я испытывал чувство большого волнения, которое испытывают, наверно, обычные люди, ожидая встречи с большим человеком». Увы, но пример неожиданной революционно-писарской карьеры Баранова далеко не единичен. Далее С.Н. Баранов встречается с В.И. Лениным. Надо отдать должное автору и в своих воспоминаниях он честно описывает свою вопиющую некомпетентность по всем морским вопросам (а что вообще мог знать матрос-недоучка из учебного отряда!) в разговоре с вождем большевиков. Баранов признается, что ни на один из заданных им Лениным элементарных вопросов (о калибрах орудий на кораблях и их водоизмещении, о задачах руководящих органов флота), он и его спутник-матрос Р. Кронберг так и не смогли ответить.

Флаг Центрального Комитета Балтийского флота

Уровень прибывших матросов был Ильичу, безусловно, понятен, но, тем не менее, сразу же после съезда С.Н. Баранов становится...членом ВЦИК и, как член Морской секции ВЦИК, входит в состав Законодательного совета морского ведомства, заменившего Адмиралтейств-Совет. Описывая свою деятельность в Законодательном совете, С.Н. Баранов ни слова не пишет о том, чем он там вообще занимался, зато подробно описывает адмиралтейского повара и его собаку, порядок рассаживания во время обедов и прочую ерунду. Что запомнил, то и написал...

Коллегой С.Н. Баранова по Законодательному совету морского ведомства оказался матрос Ф.С. Аверичкин – еще один типичный выдвиженец пенной революционной волны. Однако в отличие от подавляющегося числа матросов, которые не только на словах, но и на деле, были готовы отдать свои жизни за идеалы революции, матрос Аверичкин был откровенно труслив и циничен.

Из воспоминаний матроса С.Н. Баранова: «Помню, в один из критических дней во время наступления Юденича на Петроград, когда

белые подходили уже к Пулкову, мы беседовали втроем: он (контр-адмирал М.В. Иванов – В.Ш.), комендант Адмиралтейства Ф.С. Аверичкин и я. Обсуждали меры по обороне Адмиралтейства от врага. Аверичкин, ходя из угла в угол, в шутку (!!!) сказал:

– Ну, а если Юденич прорвется и победит, я тотчас же уеду в свою Тверскую епархию, и опять буду заниматься своим ремеслом – черчением. Сеня знает, весь минный отряд учился по моим чертежам. А там у меня много своих, они меня приютят.

Матрос Аверичкин Ф.С.

Вдруг поднимается с кресла Модест Васильевич. Лицо его налилось кровью. Подошел к Аверичкину и в страшном волнении заговорил:

– Да как вы смеее думать так! А мне, куда прикажете бежать, мне, который, вопреки козням моих коллег-офицеров, порвал с их средой, перешел на сторону большевиков и работает с ними от чистого сердца?!

Я встал между ними, думая, что вот-вот он ударит Аверичкина, а от его удара можно было и не подняться.

Немного успокоившись, Иванов продолжал:

– А вот я никуда не побегу. Придут белые – буду биться до последней пули. Попаду им в руки – скажу: «Я перешел к большевикам добровольно, я за Советскую власть, а теперь делайте со мной, что хотите».

И кто здесь большой революционер, бывший царский адмирал Иванов или матрос-балтиец Аверичкин? Впрочем, дальнейшая карьера труса и потенциального предателя Аверичкина сложилась очень даже неплохо.

В 1919 году он комиссар Петроградского военно-морского порта, затем член Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря. С июля 1920 года по июнь 1921 года – комиссар Морских сил Каспийского моря. Затем вновь член Реввоенсовета Морских сил Балтийского моря. После этого Ф.С. Аверичкин отметился на должностях командира Кронштадтского порта, командующего Каспийской военной флотилией. Последней должностью Аверичкина было кресло председателя Леноблсовета ОСОАВИАХИМа. При этом в истории Аверичкин так и остался истинным матросом-революционером, но, как мы теперь понимаем, если бы только политическая ситуация сложилась несколько иначе, только бы мы этого Аверичкина и видели – смылся бы куда подальше, где, затаившись, подрабатывал бы черчением.

Не были чужды многие революционные матросы золотому тельцу, желанию красиво одеваться и весело проводить свободное время. Из воспоминаний капитана 1 ранга Г.К. Графа: «Даже самые умеренные матросы, когда заходила речь о деньгах, прямо теряли голову, и ничто их не могло убедить. Матросы высказывали удивление, и им очень не нравилось, что офицеры считают для себя недопустимым тоже требовать увеличения жалования. По их понятию, это было в порядке вещей и так естественно, что поведение офицеров им казалось подозрительным: вот, мол, ничего не хотят принимать от революции... Когда появились деньги, то матросы, прежде всего, начали франтить. Появились высокие лакированные сапоги или даже просто резиновые, с голенищами, что – зеркало; короткий бушлат в талию, с пуговицами «на кавалерийский манер»; фланелевая рубаша в обтяжку и навывпуск;

фуражка набекрень, а летом – даже соломенная шляпа... Особое внимание уделялось волосам, стричь которые считалось положительно неприличным. Шик был в наибольшем «коке» и лихо закрученных усах. Получался самоуверенный, наглый и, в тоже время, жалкий вид. С деньгами появились и другие потребности: захотелось в рестораны, кафе, театры и кинематографы. Это требовало денег, которых все-таки не хватало. Лишить себя развлечений матросам было уже трудно; поэтому они не брезговали никаким источником, где можно было хоть что-нибудь достать. Нравственность быстро падала. Матросов все боялись. Революционная власть всячески заискивала перед ними и предоставляла им большие привилегии: они получали лучший паек, беспрепятственно ездили по железным дорогам, ходили даром в государственные театры и так далее. Все это, вместе взятое, кружило им головы. В результате, они окончательно развратились: научились бездельничать, грабить и убивать. Худший элемент, продолжая жить в командах, постепенно развращал и остальных. Так вырабатывался тип столь ненавистного всем революционного матроса».

Возможно, Г.К. Граф в своих воспоминаниях несколько и сгустил краски, но суть мечтаний определенной категории матросов, он, не всяких сомнений, передал правдиво.

* * *

В ноябре-декабре 1917 года по Петрограду прокатилась мощная волна страшных пьяных погромов, проходивших при самом активном участии матросов. Современники оценивают масштаб этих погромов равными февральским событиям 1917 года. Но если в феврале произошла революция, свергнувшая царское правительство, то в ноябре-декабре произошла своеобразная «революция» за свержение введенного с началом мировой войны «сухого» закона. Еще раз повторюсь, что если из далекого будущего нам сегодня погромы ноября 1917 года видятся, как незначительный эпизод отечественной истории, то у современников отношение к ним было совсем иным. Многие из современников ставили по значимости события ноября куда выше, чем октябрьский большевистский переворот. «Пьяная революция» началась осени 1917 года одновременно в различных

районах страны в виде «пьяных бунтов» солдатской массы, дестабилизирующих обстановку на местах и способствующих свержению власти Временного правительства. Объективно пьяные погромщики выступали союзниками большевиков. Это был настоящий русский бунт без участия социалистов.

При этом сами большевики резко отделяли Октябрьское восстание (а с ним и Февральскую революцию) от пьяных погромов, считая их проявлениями, как «анархической стихии», так и «происками буржуазной контрреволюции». В свою очередь, контрреволюционеры обвиняли большевиков, что именно их «октябрьский путч» и породил волну погромов.

Любопытно, что А.М. Горький, рассуждавший в то время о причинах пьяных погромов больше других, также рассматривал их, именно, как продолжение Октября. При этом главный упор в причинах появления погромов «буревестник революции» делал на психологию народа. В газете «Новая жизнь» А.М. Горький писал: «В этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии». Впоследствии, А.М. Горький от отрицания Октябрьской революции, достаточно быстро перешел к поддержке большевиков, и восхвалению Октябрьской революции. В силу этого он больше уже никогда не возвращался к теме связи этих двух событий: октябрьского переворота и ноябрьских погромов. Между тем, эта связь лишь подчёркивает народный характер Октября.

Проверка документов матросским патрулём

С другой стороны, право народа на алкоголь полностью соприкасается с демократическими требованиями. Позже это наглядно продемонстрировал опыт введения США «сухого закона» и опыт «антиалкогольной кампании» периода перестройки в СССР. Осенью же 1917 года большевистские руководители были в большом недоумении от погромов, которые никак не вписывались в их теоретические представления о последствиях социальной революции. Все их теоретические расчеты, весь классический марксизм летел к черту, соприкоснувшись с российской действительностью! Согласно целого ряда воспоминаний, в ноябре в руководстве РСДРП (б) царила растерянность, близкая к панике.

В одних регионах массовые пьяные погромы проходили под лозунгами большевиков, в других же, наоборот, сопровождалась антисоветскими демонстрациями. К погромному движению оказались причастны представители всех политических партий, от анархистов до

кадетов, а также представители ряда протестных социальных групп, в т. ч. и офицеры, которые из-за начавшихся переговоров о мире заняли антисоветские позиции. Что касается матросов, то они, как и большевики, считая себя по праву победителей, ответственными за власть в государстве, были куда больше большевиков связаны с алкогольными интересами масс. Именно поэтому матросы и оказались по обе стороны алкогольного фронта.

Заметим, что отечественная историография нередко упоминает о матросах, как о главной силе, прекратившей пьяные погромы. Однако на самом деле картина выглядела несколько иначе.

Для начала заметим, что матросы в конце 1917 и начале 1918 года представлялись представителям разных партий и обывателям достаточно однородной леворадикальной массой, но такое представление было обманчиво. На самом деле матросская масса была уже не столь однородна. Среди матросов, как это не покажется странным, имелись (и не так уж мало!) сторонники Временного правительства, т. н. «шкурники» – матросы, которые не хотели никаких революций, а просто желали спокойно дослужить и вернуться домой, хватало и откровенных уголовников. Много было и сторонников зажиточного крестьянства (кулаков), которые так же до конца не разделяли радикализма большевиков, левых эсеров и анархистов.

Из книги воспоминаний, уже упоминавшегося нами, матроса-большевика С.Н. Баранова «Ветер с Балтики»: «Ожесточенные споры прекратились. Былые защитники Временного правительства как-то растерялись, приуныли, и только беспринципные горлопаны еще будоражили команду, бог знает, чем. Вчера они требовали отпусков, сегодня – увеличения жалованья и улучшения обмундирования. Но со шкурниками мало считались. Серьезнее были противники, говорившие: «Авансом никого не будем награждать доверием, в том числе и большевистских вождей». Многие из них еще стояли за войну до победы, за укрепление союза России с Англией и Францией, говорили, что союзников подводить нельзя, забывая, однако, что это был союз империалистов, а не народов. Немало было и таких, которые деревенских кулаков считали крепкими и старательными крестьянами, бедняков – лентяями и пьяницами и делали выводы, что у нового правительства ставка в деревне должна быть на зажиточных крестьян.

Хотя словесная борьба по всем этим вопросам и продолжалась, но теперь она не носила такого ожесточенного характера, как прежде...»

Уже утром следующего дня после захвата Зимнего дворца Военно-революционному комитету сообщили, что охранявшие Зимний дворец солдаты и матросы, перепились вином из подвалов дворца. Представители Смольного выехали на место и убедились, что весь караул пьян, но поддерживает своеобразный порядок: в подвалы Зимнего допускаются только свои, штатских же не подпускают и близко. Причем разрешают пить на месте до бесчувствия, а на вынос вино не дают. Все же некоторым солдатам удавалось проносить вино на улицу. Там его покупали штатские, которые не могли попасть в Зимний. Пьяный караул заменили, но на следующий день пьянство продолжилось. Более того, выяснилось, что лейб-гвардии Павловский полк, ближе всех расквартированный к Зимнему, считает, что все вино в Зимнем принадлежит исключительно ему, и регулярно присылает своих каптенармусов за спиртным. Если же матросский караул не подпускал тех к вину, то павловцы высылали на помощь каптенармусам вооруженный отряд.

А вскоре состоялось фактическое второе взятие Зимнего дворца. На этот раз, на приступ пошли все – от солдат, до красногвардейцев, не говоря уже о городских люмпенах. При этом матросы не проявили никакого желания защищать завоеванную цитадель старого режима. Они уже были победителями и желали наслаждаться плодами своей победы, сами поглощая марочные вина и коньяки. Гуляли флотские так широко, что часто дело доходило до открытых бандитских нападений пьяных матросов на патрулирующих милиционеров. Поэтому матросов из дворца убрали, а в караул во дворец поставили солдат Преображенского полка. Но преображенцев хватило лишь на несколько дней, после чего их самих надо было спасать от белой горячки. Пришлось снова вызывать матросов. Но разве пчелы могут воевать с медом!

Что делать дальше, никто не знал. Пытаться отбить дворцовые запасы вина силой, было нельзя – это вызвало бы неминуемое кровопролитие. Было предложение переправить вино через Кронштадт в Швецию и там продать. Но от него сразу же отказались. Если бы вино попало в Кронштадт, то братва оттуда его уже бы не отдала.

По воспоминаниям писателя Ивана Бунина, балтийские матросы вообще всем другим алкогольным напиткам предпочитали в те дни французский коньяк марки «Martell». Что тут сказать? Только то, что дотолпе не видевшие ничего кроме казенной водки и самогона, братишки быстро сумели оценить прекрасное...

Возможно, именно тогда родился этот старый-престарый анекдот:

– Смольный?! Пиво или водка есть?

– Нет.

– А где есть?

– В Зимнем.

– На штурм! Ура-а-а-!!!

Выход из непростого положения нашел бывший член Центробалта унтер-офицер Г.П. Галкин, предложивший объявить, что вино из царских подвалов в ознаменование победы революции передается матросам и солдатам и будет ежедневно отпускаться представителям частей из расчета две бутылки на человека в день. Но если с вином из погребов Зимнего дворца, хоть таким образом, но удалось навести относительный порядок, то с множеством других винных складов в столице проблема осталась.

Что касается матросов, то, после взятия Зимнего дворца, наводя «свой» порядок в центре города, они много внимания уделяли пьяным. Однако число пьяных при этом не только не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось. При этом пьяницы вовсе не избегали матросов, а, наоборот, начали сбегаться со всего города к стоящим на Неве кораблям. Вскоре у каждого из кораблей шли массовые попойки. Причиной этого был теплый прием нередко оказываемый матросами братскому питерскому люмпену. Кроме этого матросы не брезговали и торговать излишками.

При этом, свергнув Временное правительство, революционные матросы совсем не торопились возвращаться в Кронштадт и Гельсингфорс. Еще бы, ведь в Петрограде перед ними раскрывались такие перспективы, от возможности прильнуть к нескончаемым винным запасам до вседозволенности в экспроприации ценностей у буржуев!

В те дни в столице распевали частушки:

*Ходят волны по реке
Белыми барашками.
Переполнен Петроград
Матросскими рубашками...*

Из воспоминаний анархиста Ф.П. Другова: «...Вспомнили, что помимо царского вина есть еще вино в других подвалах города. На помощь солдатам пришли dobroxоты из народа, которые разведывали, где находятся частные погребы и наводили солдат на мысль о разгроме этих погребов. Для ВРК (Военно-революционный комитет – В.Ш.) наступил самый критический период за все время переворота. По улицам бродили пьяные банды, терроризируя население стрельбой. Разгорелась вражда между солдатами и большевиками, иногда противодействовавшим погромам. В силах революции намечался раскол. В ВРК царило смятение. Телефоны заливались пронзительным

треском: «Громят, громят!» Дежурный член комитета снимал трубку и автоматически уже спрашивал только: «Где?», записывал адрес и тут же вешал рубку. Вопли и подробности его уже не волновали... Все свободные от караула солдаты латышских полков, состоявшие почти сплошь из большевиков с анархическим уклоном, были высланы на грузовиках для ликвидации погромов. Но это было непросто, солдаты громили винные погреба при полном вооружении, а иногда даже под прикрытием пулеметов. На улицы, где кутили солдаты, нельзя было высунуть носа, кругом носились пули, это солдаты отпугивали штатских от вина. Случайно подвернувшихся солдат из других частей силой затаскивали в погреб и накачивали вином. При такой обстановке, естественно, всякое появление большевиков вызывало форменное сражение, рабочие стали отказываться от участия в ликвидации погромов. Матросы тоже отказывались выступать против солдат. Погромная волна продолжалась несколько месяцев и кончилась только после того, как все винные склады были уничтожены».

Разумеется, что винные погромы стали, прежде всего, результатом послереволюционной анархии и вседозволенности. При этом следует принять во внимание и тот фактор, что народ просто изголодался по выпивке (тем более по дармовой), т. к. в России с начала войны действовал сухой закон. Поэтому определенная часть матросов видела в пьяных погромах именно проявление демократического протеста против «сухого закона», как пережитка старой власти. Послеоктябрьскую погромно-запойную вакханалию в столице поэт А. Блок увековечил в четверостишье:

*Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба
Гуляет нынче голытьба!*

Кроме повального пьянства, в матросской среде именно в первые послереволюционные дни началось и массовое употребление наркотиков. Это, прежде всего, был морфий, который доставался в основном на медицинских складах, которые были взяты под опеку

матросами. Кроме этого в ходу был кокаин, контрабанда которого во время мировой войны шла из Германии, как через прифронтовую полосу, так и, в виду слабой охраны границ, через Финляндию и Кронштадт. Как отмечает академик А.И. Фурсов, революционные матросы нередко ходили обкокаиненными. Матросы вообще составляли львиную долю потребителей кокаина. Достаточно часто, находясь под кайфом, они и осуществляли свои «революционные мероприятия», что вызывало вполне понятный ужас у обывателей. На одном из кораблей был раскрыт даже массовый «клуб морфинистов», членами которого состояли вполне, казалось бы, идейно надежные матросы. Торговля марафетом... и иными «средствами самозабвения» почти целиком находилась в руках кронштадтских проституток. В 1917 году их вывезли на «большую землю», но «жрицы любви», почти сразу же вернулись обратно.

Вообще кокаин в то время был весьма распространен по всей России. Однако и здесь матросская братва отличилась. Считается, что матросы, стали, если не изобретателями, то уж наиболее страстными поклонниками т. н. «балтийского чая» – адской смеси спирта и кокаина. Спирт матросы именовали кипятчком, а кокаин – сахаром. Отсюда и название. После употребления «балтийского чая» человек мог сутками не спать, при этом полностью терял не только чувство боли и страха, но и чувство жалости. Употребивший «балтийский чай» становился, по существу, настоящим зверем. Разумеется, употребление такого наркотика не могло долго выдержать никакое сердце, но это никого не останавливало. В то время действовал простой закон: пусть я умру завтра, но ты умрешь сегодня!

Вскоре наиболее сознательные и серьезные матросы осознали опасность пропить революцию. Они считали, что положение матросов, как авангарда революции, обязывает проявлять революционную сознательность. Именно поэтому лучшая часть матросов начала решительную борьбу с погромами. Свою положительную роль сыграл и проходивший в это время 2-й общештотский съезд, а также печальный опыт – поражение из-за массового пьянства участников матросского восстания в Кронштадте в 1905 году. Разумеется, что матросская борьба с пьянством сопровождалась левым экстремизмом. Отряды матросов, во главе с будущим мятежником М.А. Муравьевым, осуществляли налеты на пьяные толпы, уничтожая при этом без

всякой жалости не только винные запасы, но и самих перепившихся. Отметим, что навыки матросов в разгоне пьяниц, в определенной мере, способствовали их моральной подготовке к будущему разгону демонстрантов в защиту Учредительного собрания...

Демонстрация в Санкт-Петербурге 1917 год

В целом же, пьяные погромы оставили глубокий след в революционном сознании, как большевиков, так и матросов. Они повлияли на стремление большевистских руководителей полагаться отныне не на своевольных матросов, а на применение собственного насилия сверху. Что же касается матросов, то именно в это время среди них началось постепенное размежевание на сторонников и противников большевиков.

Именно тогда многие матросы почувствовали расхождение позиции новой власти с интересами населения, а, почувствовав это, начали осознавать, что им тоже, может быть, не по пути с большевиками. Многие матросы стали переходить к анархистам.

Непосредственным результатом пьяных погромов, имеющих большие отрицательные последствия, стало их влияние на проходившую в то время кампанию по созыву Учредительного собрания. С одной стороны, большевики серьезно опасались, что пьяная братва отобьется от рук, начнет выступать под лозунгом Учредительного собрания, и, в конце концов, попытаться перехватить власть. С другой стороны, сторонники демонстраций в защиту Учредительного собрания опасались тех же пьяных матросов. Как писал А.М. Горький, «во время винных погромов людей пристреливают как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего». В целом можно констатировать, что погромы повлияли на сознание наиболее политически грамотных матросов, в пользу предпочтения твердой власти перед парламентской.

Были и другие отрицательные последствия винных погромов для матросов. Так в Петрограде насчитывалось около 570 различных винных складов. С целью их обнаружения и уничтожения в этот период резко возросло число печально знаменитых матросских обысков, во время которых нередкими были грабежи, насилия и убийства. При этом на необходимости продолжения обысков у буржуев сходились, как матросы – сторонники твёрдого порядка, так и матросы-анархисты. Все участники обысков так же считали, что надо проводить их до полной ликвидации винных складов. Обыски складов и частных квартир, сопровождаемые поиском, как провокаторов-контрреволюционеров, так и просто буржуев, приносили хороший доход его участникам. При этом изымался не только алкоголь... Разумеется, начались неизбежные в таких случаях разборки между конкурирующими отрядами матросов, с солдатами и красногвардейцами по вопросам контроля за территориями, «крышеванию» винных складов и т. п. В обысках-грабежах начали участвовать и явные уголовники, переодетые в матросскую форму. К концу 1917 года признанными лидерами питерского бандитизма стали команда линкора «Республика» и 2-й Балтийский флотский экипаж, матросы которых почти каждую ночь устраивали самочинные расстрелы, «до 43 человек на брата», причем, творя весь произвол «от имени Советской власти».

Впрочем, в деле грабежей недалеко от уголовников отставали и комиссары во флотских форменках. Из воспоминаний капитана 2 ранга

Ф.Ф. Рейнгарда: «Меня как-то на улице встретил один из матросов «Александра II» (до 1915 г. Ф.Ф. Рейнгард служил на линкоре «Александра II» старшим офицером – В.Ш.) и попросил зайти к нему. Он жил с двумя матросами в одной из комнат на Николаевском вокзале. Все они были комиссарами на Виндаво-Рыбинской железной дороге. Ночью участвовали в разграблении какого-то винного погреба, и матросу захотелось угостить меня. Они имели много всевозможной провизии и с моим приходом устроили большой пир. Узнав, что я нигде не служу, начали уговаривать, чтобы я стал комиссаром всей Виндаво-Рыбинской железной дороги, и собрались уже телефонировать Ленину.

Насилу удалось уговорить, не делать этого. Когда я уходил домой, они позвали извозчика, положили ящик французского коньяку «Бисквит» в 48 бутылок, консервов, муки, ветчины, сахару, масла и подарили мне, сказав: чтобы не было голодно».

Данная цитата весьма показательна. Во-первых, как оказывается, матросы, не только убивали офицеров, но порой в трудную минуту выручали некоторых из них. Во-вторых, поражает уровень изобилия на матросском столе во время фактического голода в Петрограде. При этом Ф.Ф. Рейнгард открыто пишет, что матросы праздновали удачный грабеж, о чем и рассказали своему бывшему командиру. И, наконец, то, с какой легкостью матросы-комиссары тут же за столом решали серьезные кадровые вопросы, причем, не размениваясь по мелочам, телеграфируя напрямую Ленину, требуя от него утверждения предложенной ими совершенно посторонней и случайной кандидатуры.

Преодолеть вакханалию пьяных погромов удалось далеко не сразу, а постепенно, по мере истребления, как запасов спиртного, так и самих участников погромов. Уже после всех, казалось бы, принятых мер, только в ночь на 4 декабря 1917 года в Петрограде число массовых винных погромов перевалило за шестьдесят.

В то же время матросов активно использовали и для обеспечения Петрограда продовольствием. Так уже 13 ноября, в связи с саботажем чиновников министерства продовольствия, Военно-Морской революционный комитет принял 13 ноября следующее весьма характерное постановление: «Морской революционный комитет обещает Совету народных комиссаров полную поддержку, предоставив

в его распоряжение нужную физическую и техническую силу. Физическая сила – это весь флот, в качестве же технической силы могут быть предоставлены батальоны и писаря Балтийского флота». Уж не знаю, как от «технической силы», но от «физической» чиновникам действительно могло не поздоровиться.

* * *

Не прошло и недели после подавления мятежа Керенского-Краснова, как председатель Центробалта П.Е. Дыбенко становится народным комиссаром по морским делам, т. е., по существу, морским министром России. Бумагу о его назначении подписал лично В.И. Ленин.

Официально считается, что назначен на пост наркома по морским делам П.Е. Дыбенко был 9 ноября 1917 года прямо на 2-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов.

На самом деле Дыбенко был включен в состав Совнаркома чуть позднее. Официально, якобы из-за того, что был в тот момент занят борьбой с Красновым, а на самом деле, думается, из-за раздумий В.И. Ленина относительно его кандидатуры.

Зададимся вопросом, почему и Ленин, и вообще ЦК РСДРП (б) пошло на такой, на первый взгляд, неразумный шаг. Неужели они не понимали, что П.Е. Дыбенко не готов к столь серьезной стратегической должности, да еще в период мировой войны, что у него для этого нет абсолютно ничего: ни образования, ни опыта, ни прохождения соответствующих ступеней службы, нет даже элементарной грамотности. Конечно же, и Ленин, и остальные члены ЦК прекрасно понимали уровень Дыбенко, и тот очевидный факт, что для должности наркома по морским делам он не подходит. Не мог забыть Ленин и о только что нанесенном ему Дыбенко личном оскорблении.

Генерал П.Н. Краснов

Причин назначения Дыбенко было несколько. Во-первых, своей победой в событиях ноября 1917 года в Петрограде большевики были обязаны именно балтийским матросам. А потому понимали, что матросы, желают видеть в высших органах новой власти своих людей. Только тогда они успокоятся и на какое-то время останутся союзниками. В качестве именно представителя братвы и был заявлен в наркомы Дыбенко. Помимо этого, именно Дыбенко, несмотря на всю свою военно-морскую серость, в тот период имел реальные рычаги влияния на разношерстную и взрывную матросскую массу, которая не признавала над собой никаких авторитетов извне. Назначение Павла Ефимовича в таких условиях на пост наркома позволяло усилить его влияние на решение матросских дел, а так как в тот момент Дыбенко находился на позициях большевизма, это автоматически усиливало влияние партии на матросов. Помимо этого, назначение Дыбенко вне всяких сомнений, стало результатом серьезной интриги А. Коллонтай, которая, пользуясь огромным влиянием на ЦК и лично на Ленина,

протащила кандидатуру своего любовника в наркомы. При этом стоит оценить умение Коллонтай, которая, сделав наркомом Дыбенко, сумела и сама занять рядом с ним соседнее наркомовское кресло комиссара по социальному обеспечению. Отныне на заседаниях совнаркома Коллонтай имела за собой уже два гарантированных голоса, что позволяло ей быть весьма независимой в суждениях и оценках. Любовный союз двух наркомов, по общему признанию, олицетворял тогда романтику революции.

А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко

Помимо всего прочего, назначение Дыбенко имело и откровенно пропагандистскую составляющую. Простой матрос, ставший в один день морским министром – стал лучшей рекламой большевикам,

наглядной иллюстрацией к тексту «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем...»

И здесь большевики не ошиблись. Пропагандистский эффект от назначения Дыбенко был потрясающим. Назначение вызвало много шума. Если раньше его знали разве, что на Балтике, то теперь о Дыбенко заговорила вся Россия. У матросов Дыбенко вызывал искреннее восхищение: «Он был такой, как и все мы! А теперь раз-два и из простых матросов стал министром! Вот она какая, наша матросская власть!» У обывателей назначение Дыбенко, наоборот, вызвало панику, так как в этом назначении угадывалось начало крушения всех государственных устоев. Любопытно, что имя Дыбенко стало очень популярным, как среди матросов Англии, так и среди матросов воюющей с Англией Германии. И те и другие видели в Дыбенко символ матросской победы в борьбе за свои права. Особенно были потрясены в Англии – простой матрос стал первым лордом адмиралтейства!

Разумеется, что ничего не понимая в деле управления таким сложнейшим организмом, как военно-морской флот, Дыбенко был вынужден сразу же обратиться к специалистам. Такие специалисты нашлись. В их числе был начальник бригады крейсеров Балтфлота капитан 1 ранга М.В. Иванов. Уже 29 октября В.И. Ленин, с подачи П.Е. Дыбенко, направил ему телеграмму с просьбой прибыть из Гельсингфорса в Петроград, а 1 ноября принял его в Смольном. Через несколько дней Лениным было подписано постановление о назначении Иванова товарищем (заместителем) морского министра. К работе в новом аппарата были так же привлечены капитан 1 ранга Е.А. Беренс и контр-адмирал В.М. Альтфатер, а так же ряд других старших офицеров, согласившихся служить новой власти.

Став наркомом, П.Е. Дыбенко не только покидал Центробалт, но и автоматически становился его оппонентом, т. к. именно Центробалт узурпировал к тому времени значительную долю командных функций и бывшего морского министра и командующего Балтийским флотом. Таким образом, введя Дыбенко в состав Совнаркома, Ленин сталкивал лбами Дыбенко с его ближайшими вчерашними товарищами. Эта интрига обещала неминуемый раскол в рядах матросской братвы, снижение авторитета Центробалта и, как следствие этого, его дальнейшее упразднение. Помимо всего прочего, назначение Дыбенко

позволяло надеяться на его управляемость хотя бы некоторое время. Да и тот факт, что буйный и своенравный вожак матросской вольницы отныне будет под присмотром «на коротком поводке», так же было далеко не лишним. Что и говорить, назначив П.Е. Дыбенко наркомом по морским делам, В.И. Ленин сделал сильный политический ход. Теперь оставалось только подождать, когда новоявленный нарком сломает себе голову и тогда уже припомнить ему все.

Что касается самого Павла Ефимовича, то именно непродолжительное время его наркомства стало высшей точкой карьеры Дыбенко. В дальнейшем при всех своих стараниях он уже никогда и близко не подберется к этой головокружительной властной вершине. Воспоминания о днях былого величия, как и мечты о возвращении на политический олимп не покинут Павла Ефимовича до его смертного часа...

В 1927 году в «Анкете участника Октябрьского переворота» для Истпарта ЦК РКП (б) П.Е. Дыбенко написал: «6 ноября я снова вернулся из Гатчины в Петроград, сдав отряд тов. Сиверсу, и вступив в исполнение обязанностей народного комиссара по морским делам... Примерно одна треть всего прежнего состава морского министерства отказались работать, саботажники были арестованы и вместо них назначены преданные революции моряки. С первых же дней своей работы в Морском комиссариате пришлось организовывать отряд моряков под командованием матроса Мясникова... Назначением этого отряда явилась борьба с контрреволюцией и саботажем».

Мы уже знаем, что особенностью Дыбенко была его поразительная наглость и хамское отношение к окружающим. Став же наркомом, Павел Ефимович мог позволить себе и куда большее.

Н.К. Крупская в «Воспоминаниях о Ленине» писала, что сразу же после назначения Дыбенко наркомом, между ним и Лениным началась еще более сильная конфронтация, причем по самым разным поводам. Фактически Дыбенко откровенно задирает Ильича, показывая ему, кто в доме хозяин. Из воспоминаний Н.К. Крупской: «...Мы сидели за чаем, разговаривали с проходящими товарищами. Я помню, что среди них были Коллонтай и Дыбенко. Началось все в 4 часа вечера. По пути в залу Ильич вспомнил, что оставил револьвер в кармане пальто. Он вернулся, но револьвера не было, хотя никто чужой в квартиру не входил. Очевидно, его взял один из охранников. Ильич сделал выговор

Дыбенко за отсутствие дисциплины среди них. Дыбенко был крайне огорчен. Когда Ильич вернулся из прихожей, Дыбенко протянул ему револьвер, возвращенный охранником».

"Моряки-делегаты II съезда Балтфлота. Гельсингфорс". В.А. Серов

В чем суть скандала? А в том, что Ленин после Октябрьской революции фактически оказался под присмотром матросов. При этом матросы вели себя не как телохранители, а как конвоиры. Разумеется, что умный и проницательный Ильич не мог не понимать, что, взяв власть в России, он сам неожиданно оказался заложником у матросской вольницы, а, следовательно, и заложником у Дыбенко. Последний же, чувствуя за спиной поддержку братвы, вел себя с Лениным на равных, позволяя себе не только откровенно фрондировать, но и столь же откровенно хамить. Вряд ли это Ленину

нравилось, однако на первых порах изменить ситуацию он не мог, приходилось терпеть.

При этом все, что требовалось от Дыбенко, тот уже исполнил. Должный пропагандистский эффект его сенсационное назначение уже произвело. Матросам так же была кинута кость в виде «матросского наркома» и они ее ухватили. Центробалт доживал свои последние дни, а у самого Павла Ефимовича обострились отношения со многими матросскими авторитетами, которые не желали видеть его возвышения над собой.

В январе 1918 года в Петроград прибыла для переговоров о сепаратном мире германская делегация. После представления Дыбенко, как военно-морского министра, граф Кайзерлинг, как говорят, воскликнул: «Возможно ли, что этот человек – военно-морской министр? Он не может связать двух слов. Возможно, он храбрый человек, но видеть его в качестве министра – невероятно. Это же мощь плебея. Такого просто не может быть!» Что касается А.М. Коллонтай, то после Октябрьской революции, в правительстве одновременно оказались два ее любовника – бывший Шляпников и нынешний – Дыбенко. В этот период Коллонтай много трудилась и на ниве интимных взаимоотношений мужчины и женщины в эпоху социальных революций, обосновывая свою знаменитую теорию «стакана воды», призванную навсегда уничтожить семью сделать проблему сексуальных отношений столь же простой, как питье стакана воды. Коллонтай восторженно писала: «Брак революционизирован! Семья перестала быть необходимой. Она не нужна государству, ибо постоянно отвлекает женщин от полезного обществу труда, не нужна и членам семьи, поскольку воспитание детей постепенно берет на себя государство». Теоретические изыски Коллонтай возмутили даже В.И. Ленина, и он велел Коллонтай унять ее крылатый эрос. Обиженная А.М. Коллонтай посчитала необходимым заняться созданием домов для инвалидов войны. Решение замечательное, однако она не нашла ничего лучше, чем отнять под инвалидный дом знаменитый монастырь – Александро-Невскую лавру. Монахи закрылись в монастыре, зазвонили в колокола. К стенам монастыря стал стекаться народ. Коллонтай вызвала на помощь красногвардейцев. Толпы людей, возмущенных действиями женщины-наркома, росли. Люди кричали: «Коллонтай – антихрист! Не дадим лавру!» Красногвардейцы, не

решившись на конфронтацию, ушли. Тогда взбешенная Коллонтай вызвала на помощь дыбенковских матросов, которые штыками и прикладами разогнали верующих, после чего принялись и за упрямых монахов.

Став «наркомшей», А.М. Коллонтай быстро вошла и во вкус хорошей жизни. Теперь, если она, куда и выезжала, то только на собственном лимузине, или в спецвагоне, с личным поваром и запасам лучших продуктов. Коллонтай без зазрения совести, например, реквизировала вещи знаменитой балерины Кшесинской. В конфискованном у балерины горностаевом манто она (по ее же собственному признанию) писала отказы на просьбах о помиловании. А вечерами откровенничала в своем дневнике: «Стреляют всех, походя, и правых, и виноватых. Конца жертвам революции пока не видно». 23 января 1918 года все газеты Советской России опубликовали декрет “Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви”, 16 февраля 1918 года был издан декрет об отделении армии от Церкви и расформировании института военного духовенства. Военные храмы оказались вне закона и закрылись. В результате иноверческих храмов в Кронштадте стало больше чем православных, так как они, под эти декреты не попадали.

После этого с кораблей сразу исчезли все священники. Исчезли незаметно, без всяких эксцессов. Следует отметить, что в целом матросы относились к корабельным батюшкам, если и без особого пиетета, то в целом, вполне терпимо. Здесь сказывалось все же православное воспитание. Поэтому кровавые эксцессы в феврале 1917 года священнослужителей на Балтийском флоте не коснулись. При этом следует оговориться, что корабельные батюшки и сами вели себя тихо, чтобы не вызывать матросского недовольства. С приходом же к власти безбожников-большевиков, священникам просто намекнули, что они на флоте уже не к месту. Те намек поняли и исчезли. Впрочем, никто по ним особо не тосковал. Матросов волновали уже не проблемы спасения души, а проблемы всемирной пролетарской революции, причем с непременным матросским акцентом.

Забегая вперед, скажем, что 15 июня 1918 года Кронштадт посетил патриарх Тихон. Встречали его со всеми подобающими почестями. Патриарха встречали толпы народа, среди которых было много и рабочих, и матросов. В газете «Петроградский церковно-епархиальный вестник» справедливо отмечалось: «День посещения Патриархом Кронштадта был большим праздником для православных жителей этого города. И праздник этот чувствовался везде и всюду». Патриарх посетил кронштадтские храмы и отдал долга памяти отцу Иоанну Кронштадтскому. Его проповедь была адресована революционным матросам. Патриарх, в частности, сказал: «Кронштадт известен не только нашему Русскому государству, но известен и всему миру. Есть два главных основания его широкой известности. Первое основание – это то, что Кронштадт есть грозная крепость военная, защита столицы нашей. Второе основание, вторая причина его известности, более знакомая и более близкая всем нам, это то, что Кронштадт представлял из себя великую твердыню духа в лице молитвенника незабвенного о. Иоанна, который более 50-ти лет трудился и молился в этом городе. Теперь нет ни той, ни другой твердыни.

Иоанн Кронштадтский

Уже не стоит грозным станом град для внешних врагов. Пала его твердыня, пала потому, что все мы потеряли крепость духа. Слово Божие говорит: «семя свято – стояние миру», т. е. земля наша держится праведниками. Священная история многими повествованиями указывает, что Господь терпит грехи людей, если есть праведники на земле. Не будем оплакивать падение внешней твердыни, ибо все это поправимо. Будем заботиться, чтобы нам развить твердыню духа Христова, чтобы каждый из нас являл собою крепость духовную. Тогда, при этой крепости духовной, разовьется и мощь физическая. По тому одушевлению, с каким встречали меня в столице, по вашему многолюдству, можно видеть, что начинается возврат к прежнему благочестию... Объединяйтесь около пастырей своих, будьте крепким оплотом веры православной. Господь да укрепит вас, да ниспошлет благословение вашему граду и всем вам».

Фактически Тихон призывал к прекращению революции, но никто, даже самые радикально настроенные матросы не посмели прервать его

речь. Декларируя самые безбожные лозунги, подавляющее большинство из них все еще оставались в душе православными людьми. ...А убийства офицеров не прекращались. Но на это уже никто не обращал внимания. Только в ноябре-декабре 1917 года анархистствующими и бандитствующими матросами в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле было убито около трехсот морских офицеров, столько же армейских и просто «буржуев». Войдя во вкус, многие братишки перешли вскоре к откровенным грабёжам и убийствам простых обывателей, терроризируя Петроград так, что на его улицы стало опасно выходить даже днем. При этом правительство оставалось ко всему происходящему совершенно безучастно, терпя эти преступления, так как конфликтовать с матросами было пока весьма опасно.

Мало кто знает, но в январе 1918 года петроградские анархисты решили «крепко разобратся с США», взорвав бомбой американского посла Д. Френсиса. При этом своих намерений они нисколько не скрывали. Американскому послу было напрямую объявлено, что его непременно разорвут в клочья, если в США не освободят арестованных за организацию теракта американских анархистов Т. Муни и А. Беркмана. Разумеется, что исполнителями убийства были определены матросы. Почему именно они? Да потому, что все знали — изничтожь матросы хоть дюжину послов, им все сойдет с рук. Однако послу повезло. Из США вскоре пришла новость, что смертная казнь американским анархистам заменена на длительное тюремное заключение. И матросы посла Д. Френсиса помиловали...

* * *

С момента победы Октябрьской революции в Петрограде матросы полностью контролировали штаб большевиков в Смольном. Именно они осуществляли его охрану и решали большинство внутренних административных вопросов. Даже в своем собственном штабе большевики попали в зависимость от матросов. Из воспоминаний генерал-лейтенанта М.Д. Бонч-Бруевича. Прибывшего в Смольный по приглашению своего брата известного большевика В.Д. Бонч-Бруевича: «Пропуска для нас были уже готовы; вслед за каким-то

лихим матросом, вышедшим к нам навстречу, мы торопливо прошли по забитой вооруженной толпой широкой лестнице Смольного... Наш проводник бесцеремонно работал локтями и подкреплял свои и без того красноречивые жесты соленым матросским словцом. В расстегнутом бушлате, с ленточками бескозырки, падавшими на оголенную, несмотря на зимние морозы, широкую грудь, с ручными гранатами, небрежно засунутыми за форменный поясной ремень, он как бы олицетворял ту бесстрашную балтийскую вольницу, которая так много успела уже сделать для революции в течение лета и осени 1917 года.

– Пришли, товарищи генералы, – сказал он, останавливаясь около ничем не примечательной двери, и облегченно вздохнул.

И тут только я понял, сколько неумной энергии и настойчивости проявил этот здоровяк, чтобы так быстро протащить нас сквозь людской водоворот, kloкочущий в Смольном. Едва успев приметить на предупредительно распахнутой матросом двери номер комнаты – семьдесят пятый, я переступил порог и увидел радостно поднимавшегося брата...» Отметим, что матрос-проводник не только сумел провести генералов сквозь толпы недружественных им людей, но и без всякого стука запросто распахнул перед ними дверь в кабинет одного из лидеров партии большевиков. Последняя деталь мелкая, но характерная.

Важную роль в распространении информации о победе Октябрьской революции и о первых советских декретах по России и по всему миру принадлежала, 25-киловаттной искровой радиостанции Главного Морского штаба «Новая Голландия». Радиостанция была оборудована на петроградском острове Новая Голландия и являлась самой мощной на тот момент в России. Обслуживали ее, разумеется, матросы. Важную роль «Новой Голландии» понимало и Временное правительство, и большевики. Во время Октябрьского переворота «Новая Голландия» одной из первых была занята революционными матросами, которые быстро нашли общий язык с матросами-телеграфистами. Буквально через несколько часов после захвата Зимнего дворца именно «Новая Голландия» передала сенсационное сообщение о падении Временного правительства и приходе к власти большевиков. При этом именно матросы решали, что передавать в эфир, а что нет. А так как в первые послереволюционные дни между

матросами и большевиками отношения были вполне доверительными, то матросская цензура на телеграммы была достаточно условной. В последующие дни «Новая Голландия» стала, по существу, радиостанцией уже не только революционного флота, но и Советского правительства. Но матросы-телеграфисты требовали к себе особого уважения и власть этого игнорировать не могла. Именно поэтому, в ночь на 9 ноября 1917 года в «Новую Голландию» лично приехал В.И. Ленин. Вождь большевиков благодарил телеграфистов за поддержку и попросил их распространить написанное им воззвание «Радио всем» с призывом к армейским и другим комитетам, солдатам и матросам взять в свои руки дело заключения мира с Германией, а так же ряд декретов Советской власти.

Кроме выполнения личных поручений Ленина «Новая Голландия» держала постоянную связь с Московским Советом. В целом радиостанция стала серьезным козырем в руках большевиков. Именно через «Новую Голландию» они информировали российскую общественность о своих победах и поражениях врага, делая это, разумеется, в самом выгодном для себя свете. По существу, военноморская радиостанция стала главным инструментом в пиар-компании большевиков в первые месяцы Советской власти. Но и в этом случае большевики находились, опять же, в полной зависимости от матросов!

К моменту Октябрьской революции практически все крупнейшие деятели РКП(б) уже обзавелись лично преданными им матросами-активистами, через которых пытались воздействовать на матросские массы. Менее всех в данном случае преуспел, как ни странно, В.И. Ленину. По совету А.М. Коллонтай, он, в свое время сделал ставку на П.Е. Дыбенко и жестоко в нем просчитался. Больше попыток приблизить к себе кого-то из матросов Ленин уже не предпринимал. Следует отметить, что в отличие от других руководителей партии, к матросам Ленин вообще всегда относился достаточно прохладно и осторожно, видимо, имея для этого какие-то свои основания. Впрочем, некоторое время обязанности секретаря у В.И. Ленина в Смольном все же исполнял матрос Я. Иванов.

Очень серьезной фигурой среди революционных балтийцев являлся Н.Г. Маркин, игравший роль некоего матросского «серого кардинала». По воспоминаниям, Н.Г. Маркин внешне был замкнут, лишен дыбенковского популизма, но влияние его на матросскую массу было

не меньшее. Если через П.Е. Дыбенко первое время находили общий язык с матросами В.И. Ленин и А.М. Коллонтай, то через Н.Г. Маркина на матросов оказывал свое влияние Л.Д. Троцкий. Кстати, Маркин оказывал Троцкому определенные услуги еще до Октября. Н.Г. Маркин, зная «секрет прямого действия», вспоминал впоследствии Л.Д. Троцкий, после избрания его председателем Петроградского совета «в один поистине прекрасный день» заменил квартирную блокаду в доме, в котором жила семья Л.Д. Троцкого, на «диктатуру пролетариата». Он наладил выпуск газеты Совета «Рабочий и солдат» и затем «расширял свой опыт, – устанавливал диктатуру пролетариата в Петрограде».

Председатель исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Лев Давидович Троцкий

В первые дни после Октября, когда на Л.Д. Троцкого легло министерство иностранных дел и «невозможно было, казалось,

подступиться к делу» из-за того, что «все участвовали в саботаже. Шкафы были заперты. Ключей не было», он вновь обратился за помощью к Н.Г. Маркину. У Н.Г. Маркина 2–3 дипломата «посидели сутки взаперти «и на другой день Н.Г. Маркин принес ключи и пригласил меня в министерство». Далее, как известно, Н.Г. Маркин вместе с И.А. Залкиндом, также направленным в МИД Л.Д. Троцким, и сотрудником МИДа Е.Д. Поливановым, которого Н.Г. Маркин рекомендовал Л.Д. Троцкому, с помощью матросов-шифровальщиков, выполнили задачу публикации тайных царских международных договоров и выполнили, как общепризнанно, весьма успешно. Н.Г. Маркин был и редактором, и выпускающим, и корректором, и автором вступительной статьи первого выпуска сборника документов (всего их было 7). В этот период, как пишет Л.Д. Троцкий, Н.Г. Маркин стал фактически негласным министром иностранных дел, т. к. сам Л.Д. Троцкий был занят в Смольном общими вопросами революции.

Как представляется, здесь Л.Д. Троцкий несколько слукавил. Историк М.А. Елизаров пишет: «Задача публикации тайных международных договоров была чрезвычайно важной, но ее выполнение имело «геростратовский привкус». Он мог усилиться, если бы ее выполнял еврей Л.Д. Троцкий, несмотря на его революционный авторитет. Н.Г. Маркин же при выполнении этой задачи своим народным матросским «имиджем» делал менее рискованной работу по опубликованию документов. Задача опубликования тайных царских международных договоров, или, говоря словами Л.Д. Троцкого, «прикрытия этой лавочки» носила, безусловно, леворадикальный характер. По сути, она подменяла законы дипломатии ставкой на мировую революцию. Но в целом успех здесь деятельности Н.Г. Маркина еще более усилил общероссийский авторитет матросов. Примечательно, что в это время от Н.Г. Маркина зависел и такой «щекотливый» вопрос, как выделение денег. Именно к нему, как к члену Наркомфина, обратился В.Д. Бонч-Бруевич 30 октября с просьбой выдать 200 рублей на создание аппарата Совнаркома».

В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий

Примерно тем, кем являлся Н.Г. Маркин для Л.Д. Троцкого, для Я.М. Свердлова стал матрос П.Д. Мальков, назначенный 29 октября комендантом Смольного («на ходу, несколькими членами ВРК – как пишет П.Д. Мальков; а, скорее всего, «назначился» по собственной инициативе). Должность П.Д. Малькова способствовала тому, что он во многом взял на себя бытовую сторону деятельности Председателя ВЦИК, как своего непосредственного начальника, был дружен с его семьей, активно занимался воспитанием сына и т. д. Через П.Д. Малькова в значительной степени контактировали с матросами и такие видные большевистские лидеры, как В.Д. Бонч-Бруевич и Ф.Э. Дзержинский. Пришедшие с П.Д. Мальковым из Гельсингфорса матросы с группой кронштадтцев составили основной костяк первой комендатуры Смольного. П.Д. Мальков с матросами решали вопросы, как налаживания внутренней работы Смольного и его охраны, так и (до упразднения ВРК и образования в декабре 1917 года ВЧК) борьбы с «контрреволюцией», наведения «революционного порядка» в столице. В этих важных вопросах матросы целиком доминировали, т. к. красногвардейцы не обладали достаточными военными знаниями, а солдатская масса была в основном политически аморфной.

Члены ЦИКа. 1917 год

Но вскоре большевики нашли себе более дисциплинированных и более лояльных латышских стрелков. С зимы 1917–1918 года латыши постепенно начали оттеснять матросов в охране Смольного, так как оказались более управляемы, чем матросы и не имели никаких политических амбиций. И хотя латыши также склонны были выполнять только те распоряжения, которые признавал их комитет, но П.Д. Малькова они уважали и ему подчинялись. Сам же П.Д. Мальков закрепился на своем посту настолько крепко, что после переезда правительства в Москву автоматически стал комендантом Кремля.

К «матросским генералам» следует отнести и «старого большевика» мичмана Ф.Ф. Раскольников, который, правда, значительно потерял свой авторитет у матросов после неудачи июльской демонстрации и своего неучастия в Октябрьском восстании из-за сомнительной «инфлуэнции».

Ф.Ф. Раскольников являлся членом ВЦИК, замом П.Е. Дыбенко по Морскому наркомату, занимал другие важные посты, в частности, одно время рассматривался даже как альтернатива Н.В. Крыленко на посту

Главкомандующего. Он, разумеется, был ближе к руководству большевистской партии, чем непредсказуемый и независимый П.Е. Дыбенко. При этом если в начале революции Ф.Ф. Раскольников ориентировался на В.И. Ленина, то в 1918 году полностью «лег» под Л.Д. Троцкого, став его любимцем.

Большим авторитетом пользовался в руководстве большевиков и матрос-большевик Т.И. Ульянов, имевший свой личный кабинет в Смольном (№ 74, рядом со знаменитой комнатой № 75, предшественницей ЧК). Т.И. Ульянов ведал вопросами продовольственного снабжения Петрограда. При этом личные кабинеты в Смольном могли порой иметь и довольно случайные матросы, каковым был, например, некий матрос Воронцов. В его кабинете, по воспоминаниям Л.Д. Троцкого, часто отдыхал, лежа на диване, И.В. Сталин.

«Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников

* * *

Следует отметить, что после вхождением в декабре 1917 года левых эсеров в Советское правительство, матросское влияние там еще больше усилилось. Дело в том, что бывшие на «вторых ролях» левые эсеры, увидели в матросах своих союзников в борьбе против верховенства большевиков. Сами искавшие в это время себе союзников для противодействия большевистскому гегемонизму, матросы, с радостью, откликнулись на этот союз. Теперь левые эсеры и матросы часто выступали против большевистских решений уже единым фронтом.

Несколько слов следует сказать и о главных «союзниках» революционных матросов – отрядах Красной Гвардии. По своему боевому опыту, сплоченности, организованности и вооружению эти отряды очень сильно уступали матросам. Набранные из рабочих-добровольцев, которые не имели между собой такой спайки, как матросы, в боевых столкновениях красногвардейцы были неустойчивы и малоэффективны. Кроме этого, в силу того, что запись в красногвардейцы проводилась наспех, в их рядах было немало не только откровенных люмпенов, но и настоящих уголовников. Все это уже вскоре после революции привело к тому, что Красная гвардия будет повсеместно распущена. Во время октябрьских событий 1917 года в Петрограде отряды Красной гвардии годились лишь для выполнения вспомогательных функций: нахождения в пикетах, охране второстепенных объектов, поддержания порядка на улицах. Если отряды Красной гвардии и использовали в боевых действиях против казаков или юнкеров, то лишь совместно с матросами. Отметим, что отношения между красногвардейцами и матросами с самого начала были достаточно напряженными, если не враждебными. Матросы откровенно презирали красногвардейцев за неумение воевать, за отсутствие той массовой храбрости, которую демонстрировали сами. Думаю, что имела место и ревность. Дело в том, что ЦК РСДРП (б) объявило слабо вооруженные, необученные и разрозненные отряды рабочих своей гвардией, тем самым декларируя их особый статус, в то время, как матросы, так и остались просто матросами. При этом всем было очевидно, что в боевом отношении гвардия большевиков не

идет ни в какое сравнение с балтийцами. Из протоколов заседаний Центробалта, видно, что тема взаимоотношений между матросами и Красной гвардией несколько раз затрагивалась на его заседаниях. Члены Центробалта высказывали свои обиды на то, что красногвардейцы получали от партии большевиков весьма высокое денежное содержание, которое не шло, ни в какое сравнение с матросским, притом, что сами красногвардейцы в реальных боях разбегались во все стороны, а в остальное время предпочитали заниматься пьянством и грабежами. Что касается пьянства и грабежей, то здесь и сами матросы были не промах, но в остальном их недовольство было достаточно справедливым. Как не крути, но не показушные отряды Красной гвардии, а именно революционно настроенные матросы были главной ударной силой Октябрьского переворота в Петрограде. В том, что большевики демонстративно преувеличивают значение Красной гвардии, матросы видели сознательное принижение своих заслуг перед революцией.

В мае 1918 года А.М. Горький в своей газете «Новая жизнь» приводил свидетельства, как вышедшие из подчинения большевикам банды красногвардейцев численностью до нескольких сотен человек грабят села в Петербургской губернии, убивают, пытаются, обкладывают крестьян контрибуцией. К этому времени отряды Красной гвардии переродились в откровенно бандитские. В том же мае отряд Красной гвардии под командованием бывшего штабс-капитана Наумова захватил и начал грабить Царское Село. После этого части «особого назначения» ВЧК были вынуждены просто перебить «наумовцев» как собак. В течение лета полки «особого назначения» уже всюду уничтожали красногвардейцев в Луге, Гатчине, Новой Ладоге, Тихвине. Официально эти бои преподносились, как подавление кулацких восстаний, но какие могли быть «кулацкие восстания» в городах? К сентябрю 1918 года Красная гвардия была официально расформирована, а частично и истреблена.

Конец 1917 и начало 1918 года стали апогеем матросской власти и их влияния на происходящие в стране политические события. При этом если в начале, матросы удовлетворялись властью и вседозволенностью только в Петрограде, то затем им этого стало уже мало. И тогда революционные матросы двинулись в российскую

провинцию. Если до этого Россия о них только слышала, то теперь она их увидела.

Уже в ноябре 1917 года, в связи с тревожным положением на юге, Петроградский Военно-Революционный комитет потребовал от Балтийского флота группу матросов-агитаторов для посылки на Черное море и Украину. 2 ноября в Гельсингфорс был командирован представитель Военно-морского революционного комитета матрос Л. Любичский. Донося о выполнении этого задания, Центробалт сообщал: «...заседание выбрало из себя 20 человек, которые посланы к Вам для отправки их на юг в качестве агитаторов, которым прошу приготовить вооружение их револьверами и обеспечить вплоть до денежного довольствия...» Агитаторы-балтийцы были приняты М.С. Урицким, у которого получили инструкции, после чего отбыли по месту назначений. А спустя две недели Петроградский ВРК уже слушал доклад о результатах их работы в Киеве, Харькове и на Черноморском флоте.

Началась и отправка первых матросских отрядов: «Нами послано к Вам (в Киев – В.Ш.) 750 человек матросов, которые нами были собраны в 3 часа дня в Центробалте, где весь отряд был построен поротно и сдвоенными рядами. Были встречены горячей речью и тремя хорами духовой музыки и с этими тремя хорами музыки были направлены на вокзал. Публики было собрано около 30 тысяч человек военных и вольных, и все провожали до самого вокзала. Все улицы были заняты народом, негде было пройти. В 5 часов 40 минут были отправлены с вокзала».

6 ноября Петроградский ВРК решил «познакомиться с отрядом балтийцев для организации летучих отрядов по всей России». Только из кронштадтцев в ноябре 1917 года было создано 10 отрядов по 50 человек каждый «для урегулирования продовольственного дела и препровождения продовольственных грузов на места и для прекращения расхищения хлеба и продовольственных грузов».

Всего по всей стране оперировали десятки и сотни летучих морских отрядов, уничтожая контрреволюционеров и устанавливая Советскую власть в провинции.

Из воспоминаний матроса Северного летучего отряда: «Отряд этот состоял из моряков Балтийского флота, находившихся в Петрограде, и 17-го сибирского стрелкового полка, вызванного после Октябрьской

революции Петроградским Военно-революционным комитетом из 12-й армии. В конце ноября по директиве Военно-революционного комитета нас направили на образовавшийся Дутовский фронт. Отряд двигался по линии Череповец Вологда – Пермь – Свердловск, везде укрепляя Советскую власть. В Вятке была оставлена часть отряда из сибирских стрелков и балтийских моряков. В Свердловске разоружили казаков-уссурийцев, боролись с бандой Ваньки Каина, которая терроризировала рабочих Исетского завода. Ванька Каин был уничтожен отрядом. Дальнейший маршрут: ст. Полетаево – Челябинск Троицк – Оренбург. После взятия Оренбурга северный отряд был направлен на южный фронт».

Матросские отрядами являлись посланцами новой власти, причем посланцами, посланными не для переговоров и уговоров, а для решительных действий. И они начали действовать...

Глава вторая

Убийство генерала Духонина

Между тем, матросские вожаки готовили новую провокацию, от которой должна была содрогнуться вся Россия. 8 ноября 1917 года Верховный Главнокомандующий российской армией генерал Н.Н. Духонин получил приказ Совета Народных Комиссаров, подписанный Лениным, о незамедлительном начале предварительных переговоров с немцами по поводу перемирия. Ставка Верховного Главнокомандования русской армией предпочла не отвечать на эту депешу. Спустя сутки В.И. Ленин потребовал генерала к прямому проводу. Разговор длился два с половиной часа. Когда Духонину в ультимативной форме было отдано распоряжение немедленно подчиниться новому правительству, он ответил категорическим отказом. Духонин заявил, что никто не уполномочивал Совет Народных Комиссаров на принятие таких судьбоносных решений. В ответ Ленин продиктовал приказ: «Мы увольняем Вас с занимаемой должности за неповиновение». Одновременно генерал Н.Н. Духонин был объявлен Совнаркомом «врагом народа», тем самым, большевики обозначили для народных масс причину задержки мира с Германией и назначили главного виновника этой задержки. При этом Духонину предписывалось по законам военного времени продолжить службу до тех пор, пока его сменщик, прапорщик Крыленко, не прибудет в ставку. Н.Н. Духонин отправил экстренную телеграмму командующим всех фронтов о том, что он не подчиняется новому правительству, в отставку не подает и запрещает ведение мирных переговоров с противником. В результате он очень скоро получил депеши от генералов Володченко, Пржевальского и Щербачева, в которых те заявили о своей поддержке Духонина. Страна вплотную подошла к Гражданской войне.

Тем временем 11 ноября Н.В. Крыленко с 49 матросами «Авроры» прибыл на фронт, в Псков, где находился штаб Северного фронта, «прощупать почву» для разгона Ставки и начала мирных переговоров с Германией. Результатом этой поездки стало отстранение от должности целого ряда генералов, в том числе и оказавшего решающую услугу

большевикам своим «невмешательством» в октябрьские события в Петрограде командующего Северным фронтом генерала В.А. Черемисова. Поводом для его снятия с должности стало несвоевременное прибытие генерала к Н.В. Крыленко с докладом.

13 ноября Н.В. Крыленко дал объяснение своих действий на заседании ревкомитета 5-й армии в Двинске. При этом он заявил, «что революционное отрешение командного состава является в настоящее время задачей текущего момента и что нужно шагать через трупы». 14 ноября Н.В. Крыленко и матросы-авроровцы вступили по собственной инициативе в сепаратные переговоры с противостоящими Северному фронту немцами. Последние отнеслись к Крыленко и к его матросам с пониманием, выразив готовность к дальнейшим переговорам.

Между тем, 19 ноября 1917 года Н.Н. Духонин распорядился освободить из тюрьмы в Быхове генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и других лиц, арестованных после корниловского мятежа, предоставив им возможность выехать на юг России для организации сопротивления большевикам. Что касается матросов, то этот поступок генерала был расценен, как проявление самой махровой контрреволюции, а сам Духонин стал символом этой контрреволюции.

Лавр Георгиевич Корнилов

Вернувшись из Пскова в Петроград, Н.В. Крыленко доложил ЦК РСДРП (б) о ситуации на Северном фронте и сразу же был направлен в Могилев, где располагалась Ставка Верховного Главнокомандующего, чтобы срочно сместить откровенно игнорирующего новую власть Духонина. Вместе с Крыленко отправился и отряд матросов, под началом ближайшего друга П.Е. Дыбенко мичмана С.Д. Павлова, бывшего прапорщика 176-го запасного пехотного полка. Именно Дыбенко и переаттестовал вчерашнего прапорщика в мичмана. Основу отряда составили матросы с линкоров «Гангут», «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Комиссаром отряда был послан кронштадтский матрос С.Д. Кудинский. От РСДРП (б) присматривать за матросами отправился недоучившийся студент психоневрологического института, бывший председатель Кронштадтского горкома РСДРП (б) и член исполкома Кронштадтского совета С.Г. Рошаль. Всего матросский отряд насчитывал около трёх тысяч человек. При этом матросы не являлись

охраной нового Главковерха, как считают некоторые историки. Они были совершенно самостоятельны. Более того, скорее Н.В. Крыленко был «при матросах», чем они при нем. Как отмечал находившийся тогда в Могилеве журналист А.

Дикгоф-Деренталь: «Матросы обращались с новым «Верховным» запросто – не он ими командовал, а они им». Не случайно участник могилевских событий матрос И.Г. Григорьев в своих воспоминаниях впоследствии так и напишет: «...С нами ехал тов. Крыленко».

О том, как проходила сама поездка уже известный нам матрос И. Григорьев, вспоминал так: «До Витебска ехали без происшествий, и в Витебске сделали чистку населения, вылавливая негодный элемент, делая обыски и обходы. Прodelав это в Витебске, мы дальше на остановках забегали в имения, где таковые встречались..., в некоторых местах вылавливали офицеров, бежавших из Петрограда и других городов. И мы их или же доставляли в штаб, или же на месте пускали в расход». Действия матросов произвели жуткое впечатление на обывателей. Разумеется, слухи о зверствах матросов в Гельсингфорсе и Кронштадте до этих мест доходили, но воочию увидеть, что представляют собой матросы революции, жителям внутренней России довелось впервые.

Генерал-лейтенант Н. Н. Духонин – и. о. верховного главнокомандующего русской армией в ноябре – декабре 1917 года

Заявление об эксцессах со стороны матросов,двигающихся на Ставку, сделал Викжель (влиятельный профсоюз железнодорожников) но принять серьезные меры по их остановке не осмелился. В.И. Ленин по поводу этого заявления произнес речь на съезде крестьянских депутатов, в которой разоблачал «непроверенные обвинения» и заявил, что «революционная армия никогда не произведет первого выстрела».

При этом матросы во главе с Павловым, видя, что их не останавливал ни Викжель, ни одна из воинских частей, на которые надеялась Ставка, набирались по дороге уверенности и прибыли в Могилев, уже как хозяева положения. Что касается Крыленко и отчасти Рошаля, то увидев, все возрастающую неуправляемость братвы, они еще в дороге пытались наладить хоть какие-то собственные отношения с генералами. Эти робкие попытки Крыленко и Рошаля решить дело миром, вызывало возмущение матросов, породив у них сомнения в истинной революционности своих руководителей. Вследствие этого матросы окончательно вышли из

подчинения. Теперь Крыленко следовало быть особо осторожным, чтобы лишний раз не раздражать матросов и думать уже о собственной безопасности.

Знаменательно, что незадолго до приезда Крыленко, генерал Н.Н. Духонин, дабы не проливать братскую кровь, убрал из Могилева верные ему ударные батальоны. «Я не хочу братоубийственной войны, – заявил он командирам этих батальонов. – Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона».

Главкомврх Н. В. Крыленко

3 декабря (20 ноября по старому стилю) 1917 года Н.В. Крыленко и матросы прибыли в Могилев. Дата занятия Ставки была выбрана не случайно: именно в этот день в Брест-Литовске должны были начаться сепаратные переговоры о перемирии советской делегации с противником. И они без промедления начались, так как единственное

препятствие – генерал-лейтенант Н.Н. Духонин и возглавляемая им Справка – было устранено.

Из воспоминаний очевидца: «...Около 10 утра, в Могилев вступили матросы. В лохматых шапках, в черных шинелях, с винтовками за плечами, с лицами победителей, – они группами ходили по тротуарам могилевских улиц, останавливались на перекрестках, толпились у домов... В городе разразился тогда настоящий погром».

Вот весьма любопытный документ, демонстрирующий реальную атмосферу в матросском отряде, посланном в Могилев, для наведения революционного порядка (стилистика текста сохранена): «8 декабря сего года в 3 часа ночи на станции Могилев на Днестре матросами Балтийского флота временно прикомандированным к начальнику гарнизона города Могилева был совершен расстрел одного из своих товарищей, Ивана Цветкова. Команды крейсера «Рюрик», по приговору самих товарищей, за поступки и бесчинства, творимые упомянутым матросом за время его командировки.... Обстоятельства же и причины, побудившие балтийских матросов привести столь строгий и суровый приговор – расстрел своего товарища следующие: 8 декабря сего года в 2 часа ночи на перроне станции Могилев появился матрос, впоследствии оказавшийся Иваном Цветковым, команды крейсера «Рюрик», который увидел двух прогуливавшихся на перроне иностранных офицеров (японского и французского), крикнул по адресу их: «Корниловцы, контрреволюционеры!» Но, не успокоившись этим, матрос Цветков, приблизился к офицерам и с револьвером в руке стал грозить, наставив револьвер французскому офицеру в грудь. Но благодаря смелости другого, японского офицера, который подошел и откинул руку матроса Цветкова, таким образом, не мог привести в исполнение своей угрозы. Вырвавшись из рук пьяного и буянившего матроса, иностранные атташе бросились бежать в буфет 1-го класса станции Могилев, откуда, пробравшись через двери заднего хода, добрались до своего автомобиля и уехали. Буйствовавший же матрос Иван Цветков, ворвался в буфет и стал производить полный дебош – бил посуду, бутылки с водой «Нарзан», что называется «громил буфет», и, в оставшихся в буфете людей бросал всевозможные вещи и даже произвел из револьвера, имевшегося при нем, три выстрела, чем, конечно произвел большую панику на окружающих и плохой, по отношению к матросам взгляд.

Второй проступок, совершенный Цветковым, был таков: Цветков, напившись пьяным, выбил стекла у штабного вагона и когда один из товарищей сделал ему замечание, то он нанес последнему штыком рану в шею. Третий случай такой: при обыске гостиниц, руководимым начальником гарнизона города Могилева с помощью матросов, один из них, а именно Цветков, позволил себе красть всякие попавшиеся вещи и однажды при обыске украл несколько бутылок вина, которые нечаянно, или с целью им были и разбиты у входа, чем накладывал позорное пятно на балтийских матросов и, в частности, на тех товарищей, которые находились при обыске. Четвертый поступок Цветкова следующий: 6-го декабря с.г. начальником гарнизона было дано приказание матросам отправиться в город Старый Быхов с целью утвердить положение в данном городе и произвести ряд обысков и арестов, для разгужения контрреволюционеров, в надежде, что балтийские матросы, во имя своей традиции выполнять революционное серьезное дело с сознательностью революционера матроса-гражданина. Но и тут матросом Цветковым был совершен прискорбный, неприятный по отношению к своим товарищам, оскорбительный поступок. Когда приехали на станцию Быхов, матрос Цветков держал себя вызывающе и в присутствии массы людей и представителей выкрикивал, что мы разнесем все здесь в Быхове, если вы не устроите нас в хороших квартирах. И вот, комендантом города Быхова было сказано, чтоб они, покамест, нашли себе квартиру для переночевки, матрос Цветков и один красногвардеец отправились найти такое помещение или вернее квартиру. Идя вместе с красногвардейцем, матрос Цветков отстал на несколько шагов и дал в своего же товарища выстрел из револьвера, к счастью обошедшийся благополучно. Вот все эти освещенные выше факты, совершенные Цветковым. Остались безнаказанными, хотя брались с него подписки. Что он ничего грязного и позорящего Балтийский флот производить не будет, но все это оказалось пустыми словами и ничего несостоящими записками. И, наконец, последний прискорбный случай, который положил позорное пятно на матросов. Он заставил товарищей, находящихся с ним, серьезно задуматься и смыть ту грязь и позор, какой на них накладывал на всех матрос Цветков. И вот 8-го декабря с.г. в 3 часа ночи матросы, прикомандированные к начальнику гарнизона, вынесли определенное единогласное постановление: В

виду того позора, который был наложен матросом Иваном Цветковым всему Балтийскому флоту и, в частности, нам, несущим и исполняющим ответственные и революционные поручения и во имя своей традиции, мы присуждаем Цветкова товарищеским судом за все указанные выше проступки к смертной казни через расстреляние».

Отметим, что данный документ подписали одиннадцать матросов с разных кораблей и частей, в т. ч. и с крейсера «Рюрик», на котором ранее служил И. Цветков. Это значит, что приговор выносился матросским сходом, т. е. вполне в духе того времени. Матрос Иван Цветков, разумеется, был отъявленным негодяем и пьяницей (а может и наркоманом) и приговор являлся, безусловно, справедливым. Вообще-то уже за одну попытку убийства военных атташе, Цветкова сразу следовало, как минимум, выгнать из отряда. Но тогда матросы дело своего сотоварища замяли, т. к. на японца с французом им было глубоко наплевать, а Цветков был своим. Сошли Цветкову с рук и все его последующие прегрешения. Однако когда он преднамеренно попытался убить сослуживца, этого ему уже не простили. Почему? Да потому, что матросы поняли – буйный Цветков стал опасен для них самих. Уверен, если бы Цветков не поднял руку на своего товарища, а просто продолжать дебоширить и пьянствовать, никто бы его и пальцем не тронул. В этом и заключалась сама суть тогдашней матросской революционной демократии – матросы могли сколько угодно вытворять самые страшные вещи, но, исключительно, вне пределов собственного матросского социума. Собственную же безопасность матросы оберегали зорко и опасных для себя маньяков ликвидировали безжалостно.

* * *

В день прибытия в Могилев 3 декабря Н.В. Крыленко отдал приказ о своем вступлении в должность Главковерха и передал генералу Н.Н. Духонину, что тот будет отправлен в Петроград в распоряжение Совнаркома. По воспоминаниям А. Дикгофа-Деренталя, Н.В. Крыленко принял дела в революционном духе – силой сорвав погоны с Н.Н. Духонина.

После этого Духонин был арестован, привезен на железнодорожный вокзал, где его отвели в штабной вагон Крыленко для последующей отправки в Петроград. Но покинуть Могилев генералу не удалось. У поезда почти сразу собралась толпа вооруженных матросов, требующая выдачи Духонина.

На стихийном митинге у поезда матросские ораторы истерично призывали не допустить бегства Н.Н. Духонина, как это уже произошло с Л.Г. Корниловым и А.Ф. Керенским. Робкие доводы Н.В. Крыленко и комиссаров о том, что Н.Н. Духонин добровольно сдался, никуда бежать не собирается и будет доставлен в Петроград для революционного суда, на матросов никакого впечатления не произвели.

Военный министр Временного правительства и Верховный главнокомандующий А. Ф. Керенский

Вскоре в вагон к Крыленко ворвались трое матросов. В руках у одного из них был плакат, сделанный на оберточной бумаге, с крупной надписью углем: «Смерть врагу народа!» Н.В. Крыленко попытался, было, остановить матросов, крича: «Товарищи! Оставьте! Генерал Духонин не уйдет от справедливого народного суда!» Но его никто не слушал. И Крыленко, и составлявшие его охрану матросы «Авроры», были смяты и оттеснены.

Мало того, самого Крыленко матросы, тут же обвинили в контрреволюционности и пригрозили скорой расправой. После этого Н.В. Крыленко полностью отказался от защиты доверившегося ему генерала.

В вагон немедленно ворвалась еще одна группа матросов. Они вывели Духонина на площадку. Генерал пытался что-то сказать, но его никто не слушал. На площадке вагона произошла короткая борьба. Духонин держался за поручни и не уступал натиску, хватавших его за руки матросов. В это время один из них выстрелил генералу в голову. Этим выстрелом Духонин был сразу убит наповал. По воспоминаниям матроса И. Григорьева – убийцей был матрос Васильев с посыльного судна «Ястреб».

Из воспоминаний участника событий в Могилеве Г. Лелевича (Л.Г. Калмансона): «Неожиданно на площадке, где только что стоял Духонин, появился высокий, здоровенный матрос в огромной бурой папаше и обратился к толпе с речью: «Товарищи, говорил он, мы дали бежать Корнилову, мы выпустили его из своих рук. Не выпустим, по крайней мере, Духонина!» Толпа снова потребовала Духонина; его вывели, с него сорвали погоны, и тот же высокий матрос ударом немецкого штыка сбросил его в толпу, которая с каким-то стихийным неопределенным криком растерзала бывшего главнокомандующего».

Согласно другой версии, генерала удалили сзади прикладом по голове, раскроив череп и раздробив верхнечелюстные кости. По еще одной версии первый удар генералу нанес матрос с надписью на ленточке «Севастополь», кричавший при этом: «Корнилов бежал, этого уже не выпустим!» С ленточкой в данном рассказе явный перебор, т. к. матросы в Могилев прибыли не в бескозырках, а в папашах бурого цвета, которые вспоминают все очевидцы событий. Впрочем, в каждом правиле бывают исключения и, возможно, некий матрос, для большего форсу, действительно снял папаху, надев бескозырку. Согласно еще

одной версии, вначале толпа матросов набросилась на генерала и стала избивать его. Окровавленный генерал даже не защищался. И только после этого кто-то из толпы выстрелил, после чего Духонин сразу упал. После этого его принялись колоть штыками, потом перебросили на другую сторону железнодорожного пути и оставили только тогда, когда убедились, что перед ними бездыханный труп.

По воспоминаниям же генерала М.Д. Бонч-Бруевича, матросы не стреляли в генерала и не били его прикладом, а вогнали Духонину штык в спину, после чего он лицом вниз упал на железнодорожное полотно. При этом М.Д. Бонч-Бруевич (свои мемуары он писал в СССР в 50-е годы) достаточно неуклюже попытался оправдать очевидных преступников, сославшись на некоего матроса гвардейского экипажа, состоявшего комендантом штабного поезда Крыленко, что тот, «хорошо знавший матросов, якобы уверял М.Д. Бонч-Бруевича, что это сделала уголовная шпана, примазавшаяся к ним...» В любом случае генерал Духонин, по-видимому, был убит сразу. В поднявшейся суматохе с только что убитого генерала стащили сапоги. Пропали его часы и бумажник. Затем матросы бросились в город на поиски жены убитого генерала. Женщину спасло от расправы случайность – она оказалась в церкви у всенощной, и ее не нашли дома.

Впоследствии командир матросского отряда мичман С.Д. Павлов, не без гордости, напишет в своей автобиографии: «Ставку захватили, арестовали Духонина. Матросами моего отряда Духонин был убит».

Генерал А.А. Голембиевский впоследствии вспоминал: «Только через два дня удалось убрать труп генерала, причем на теле было обнаружено 16 штыковых ран, 3 шашечных в голову и 2 огнестрельных в спину. Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» пишет по поводу убийства Духонина следующее: «...Толпа матросов – диких, озлобленных на глазах у «главковерха» Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась».

Из воспоминаний матроса И. Григорьева: «Она (братва – В.Ш.) дальше разделалась уже с мертвым, нанеся ему бесконечное количество ран, кто во что попало, и поставила его на видном месте в телячьем вагоне, стоя приспособила, чтобы публика интересовалась царским генералом».

Тело Духонина на деревянных носилках отволокли на соседний железнодорожный путь и штыками швырнули в скотный вагон. Ночью

труп ограбили: сняли сапоги, шинель и мундир с брюками, не пропадать же добру! Следующим утром о трупе Духонина вспомнили. Пьяные матросы таскали голый труп по вагону, ставили в угол, вставляли в рот дымящиеся папиросы. Отметим, что точно так же матросы издевались над трупом битого в марте 1917 года вице-адмирала А.И. Непенина. Невольно возникает вопрос, а ни одни и те же люди совершали убийства в Гельсингфорсе и Могилеве, или же просто фантазии революционных матросов в деле глумления над трупами была столь примитивна?

Андреан Иванович Непенин

* * *

Конечно, в Петрограде понимали, что зверское убийство матросами генерала Н.Н. Духонина – это фактическое начало гражданской войны. Оставался, правда, последний шанс удержать Россию от этого кошмара

— наказать виновных. Но выступить с осуждением действий матросов, не говоря уже о том, чтобы хотя бы формально наказать убийц, в Совнаркоме побоялись. Ведь разгоняли российских депутатов и убивали Верховного Главнокомандующего не какие-нибудь анархизирующие матросские банды, а люди, непосредственные подчиненные наркому по морским делам Совнаркома П.Е. Дыбенко и лично преданные ему. Поэтому, если бы только В.И. Ленин и его сподвижники в те дни заикнулись об аресте «дыбенковских гвардейцев», завтра матросы разогнали бы их самих.

Новый главнокомандующий, бывший прапорщик Крыленко так объяснял происшедшее в Могилеве: «Народная ненависть слишком накалилась. Несмотря на все попытки спасти его (Н.Н. Духонина — В.Ш.), он был вырван из вагона и убит. Бегство генерала Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса. Товарищи! Будьте достойны завоеванной свободы!» Из Могилева Н.В. Крыленко сообщил Л.Д. Троцкому: «В связи с убийством Духонина необходимо юридическое оформление дела, акт дознания по моему предложению совершен. Тело отправлено в Киев. Если передать дело судебному следователю, обязательно вскрытие в Киеве, даже вплоть до выкапывания. Предлагаю прекратить дело постановлением государственной власти... Акты дознания достаточно реабилитируют от всяческих кривотолков... но возбуждение дела с обязательными допросами матросов едва ли целесообразно».

На эту телеграмму Л.Д. Троцкий ответил: «Было бы бессмысленно и преступно передавать дело в руки судебных чиновников старого закала. Если необходимо, можете передать дело революционному суду, который должен быть создан демократическими солдатскими организациями при Ставке и руководствоваться не старой буквой, а руководствоваться революционным правосознанием народа».

Интересно, что уже через год в своих воспоминаниях «Смерть старой армии» Н.В. Крыленко, как мог, оправдывал жестокое убийство Духонина. Он сожалел лишь о том, что последнего командующего русской армией не расстреляли: «Объективно нельзя не сказать, что матросы были правы. Их отправляли в бой, и в тылу они оставляли живым виновника их возможной смерти, объявленного врагом народа». Зверская расправа над Верховным Главнокомандующим всей российской армии потрясла всю Россию.

Из воспоминаний военно-морского представителя в Ставке контр-адмирал А.Д. Бубнова: «По прибытии на Могилевскую станцию Крыленко вызвал к себе генерала Духонина, которого матросы зверски убили при входе в вагон, где находился Крыленко, и таким образом кончил свое существование последний законный Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России, а с ним кончила свое существование и Ставка – последний оплот русской законной верховной власти...»

И советские, и белоэмигрантские историки, в объяснении предпосылок убийства Н.Н. Духонина, склонны подчеркивать изначальную непримиримость интересов большевиков и Н.Н. Духонина. Непримиримость эта объяснялась тем, что В.И. Ленин с Н.В. Крыленко и И.В. Сталиным, в разговоре со Ставкой по прямому проводу 9 ноября, дали от имени правительства команду Главковерху начать немедленно переговоры с немцами о перемирии, а тот отказался ее выполнить. Однако предопределенности трагедии не было. Обе стороны прекрасно понимали степень крайнего напряжения армии в ожидании мира. Еще в ночь с 24 на 25 октября, когда в Ставке стало ясно, что образуется Советское правительство, от нее на фронты поступило распоряжение о присылке в Смольный по офицеру Генштаба для участия в составлении квалифицированного проекта договора о перемирии. На переговорах 9 ноября Н.Н. Духонину вполне были понятны слова В.И. Ленина: «Если промедление приведет к голоду, развалу или поражению, или анархическим бунтам, то вся вина ляжет на вас, о чем будет сообщено солдатам». Н.Н. Духонин прямо не отказывался начать переговоры. Но он совершенно недооценивал авторитет новой власти, а новая власть недооценивала офицерскую психологию переосмысления привычных понятий о чести, верности союзническому долгу и пр., недооценивала технических трудностей немедленного начала переговоров с боеспособной немецкой армией. Была удачная кандидатура на должность нового Главкома, которая устраивала как большевиков, так и Н.Н. Духонина – генерал М.Д. Бонч-Бруевич. Но обе стороны не приложили достаточных усилий для этого назначения. Главковерх – прапорщик не только затруднил взаимопонимание с офицерами, но он не имел достаточного авторитета и у матросов. Н.Н. Духонин стал также жертвой противоречий собравшихся в первой половине ноября в Могилеве

социалистов – сторонников «однородно-социалистической» власти во главе с В.М. Черновым и украинских националистов. В результате Рада сделала невозможным своевременную эвакуацию Ставки в Киев.

Военно-морской историк М.А. Елизаров пишет: «Последствия убийства Н.Н. Духонина были глубокими как с политической, так и с психологической точки зрения. Убийство резко углубило раскол между офицерами и солдатами. Затерроризированные офицеры, проводя панихиды по Н.Н. Духонину, приходили к выводу, что с новой властью им еще сложнее будет ужиться и обращали взгляды к Дону. Солдаты, получив перемирие и почувствовав приближение демобилизации, психологически готовились идти на самые крайние меры для достижения своих целей... Последствия убийства главковерха русской армии были позитивными с точки зрения укрепления власти большевиков. Только теперь наступил поворотный момент на фронте в их сторону. Солдаты на фронте законность власти большевиков и Совнаркома рассматривали в первую очередь не с точки зрения её появления в результате восстания 25 октября, а с точки зрения программы большевиков и их первых реальных действий по ее выполнению. Серьезность факта убийства Н.Н. Духонина, с естественным осуждением его большевистской властью, показывала солдатам, что левее революционное правительство ждать уже не следует. Проводившиеся повсеместно на фронте армейские съезды и другие совещания заменили старые комитеты на большевистские. Убедились в серьезности большевиков и немцы. В течение нескольких дней после убийства были подписаны соглашения о перемирии на фронтах. После этого всё больше начали давать знать о себе международные факторы Октябрьского «переворота», а сам он – превращаться в «революцию».

Отметим интересную деталь. После возвращения матросского отряда матросов из Могилева в Петроград, группа матросов отряда была принята лично В.И. Лениным. Это значит, что Ленин хотел побеседовать с ними, возможно, желал узнать какие-то подробности. Вряд ли он пригласил матросов к себе, чтобы обрушиться с руганью за убийство генерала Духонина. Вызов к «первому лицу» после удачно проведенной военной операции (в данном случае после фактического уничтожения Ставки Верховного Главнокомандования) является даже не поощрением, а самой настоящей наградой. Поэтому ответить на

вопрос, как же на самом деле отнеслось руководство большевиков к убийству генерала, остается открытым.

Ну, а слова «отправить в штаб к Духонину» в смысле «расстрелять без суда» станут в годы гражданской войны нарицательными. Любопытно, что их употребляли, отправляя на казнь своих врагов не только красные, но и белые. Поводя итог событиям ноября 1917 года в Могилеве, можно сделать один вывод – матросы продемонстрировали там не только, свое, якобы, нарочитое неподчинение большевикам (в данном случае в лице Н.В. Крыленко), но и столь же открыто обозначили себя, как самостоятельную, самодостаточную и мощную леворадикальную политическую силу. Теперь они решали важнейшие государственные вопросы по собственному усмотрению, без оглядки на официальную власть в России.

Бессмысленное и зверское убийство генерала Н.Н. Духонина вызвало ненависть у противников большевиков и испуг самих большевиков. Что бы и кто бы ни говорил, но именно убийство матросами Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил России подвело страну вплотную к Гражданской войне. Теперь от начала массового самоубийства Россию отделяли всего два шага. Первым спасительным шагом должен был стать срочный сепаратный мир с Германией. Вторым шагом должен был стать созыв Всероссийского Учредительного собрания, который должен был стать выразителем общенародной воли. Причем, если по первому пункту у большевиков и их противников имелись принципиальные разногласия, то в том, что немедленный созыв Учредительного собрания жизненно необходим, единогласны в конце 1917 года были почти все. Почему почти? А потому, что матросы и здесь имели свое собственное мнение, как, впрочем, и в вопросе о заключении мира с немцам. И не учитывать это мнение в той политической обстановке, не могли ни их противники, ни их союзники.

Глава третья

Власть на двоих не делится

В те дни в ЦК РСДРП (б) кипели нешуточные страсти. Часть партийных лидеров, не без оснований, опасались, что сосредоточение всей власти в руках одной партии чревато серьезными проблемами в ближайшем будущем и требовали поделиться частью должностей с ближайшими союзниками – левыми эсерами. Но это не входило в планы В.И. Ленина. Борясь с осторожными коллегами, он заявил: «Если будет ваше большинство – берите власть в ЦИК и действуйте, а мы пойдем к матросам». «Именно этой, вспоминал позднее Л.Д. Троцкий, – смелой, решительной, непримиримой постановкой вопроса В.И. Ленин оградил партию от раскола и добился победы».

Перспектива призвания матросов для партийных разборок сразу испугала ленинских оппонентов.

Насколько ленинская угроза была реальной? Угрожая матросами, В.И. Ленин рассчитывал на неготовность их к компромиссам, на неспособность матросов отказаться от плодов победы в Октябрьского восстания и успеха в подавлении мятежа Керенского-Краснова. И все же он в данном случае был достаточно самоуверен. Так глава оппозиции А.В. Луначарский, возражая В.И. Ленину, доказывал, что, по его сведениям, большинство матросов будут не согласны начинать гражданскую войну из-за того, больше или меньше будет власти у большевиков. И Луначарский был отчасти прав. В то время большинство матросов, действительно, высказывалось за «единство фронта революционной демократии» и за недопущение «торга между лидерами партий». Более того, матросы вообще склонялись к тому, чтобы взять всех левых лидеров, во избежание конфронтации и сговор, «под матросский надзор» для «создания власти подлинно рабочих и крестьян», под которой подразумевалась власть самих матросов. Если бы Ленин действительно «пошел» за помощью к матросам, то, скорее всего, ушел бы от них несолоно хлебавшись. До сих пор остается неясным, блефовал ли Ильич, угрожая своим оппонентам, или же на самом деле не владел ситуацией. Как бы то ни было, но последнее слово в данном вопросе В.И. Ленин оставил за собой.

При этом, как и до октября 1917 года, так и после него В.И. Ленин не изменил себе, и всячески открещивался от посещения ни то, что Гельсингфорса, но даже близкого Кронштадта. В истории большевизма он так и остался единственным большевистским деятелем, чья нога ни разу и не ступила на брусчатку Якорной площади цитадели матросского вольнодумства.

Думается, что всевозможные отговорки типа того, что Ильич был перегружен работой и т. д., здесь неуместны. На самом деле причина непосещения Лениным Кронштадта крылась в той стойкой внутренней неприязни (а может и боязни), которую он всегда испытывал к излишне свободолобивым матросам. Возможно, эта неприязнь началась с момента первого, не слишком приятного для Ленина, контакта с матросами во дворце Ксешинской в июле 1917 года. Однако вообще не общаться с матросами вождь большевиков не мог. Матросы такого невнимания ему бы не простили. Поэтому Ленин избрал для себя такой вариант, как встречи с небольшими группами пробольшевистски настроенных матросов у себя в Смольном. Но и здесь не все получалось гладко. Так в начале ноября 1917 года Ильич встретился с группой матросов-агитаторов, которые отправлялись на юг для революционной пропагандистской и организаторской работы. После беседы с ними В.И. Ленин на листке записал: «Матросы организуют группу в 100 агитаторов в южные хлебные губернии. Только что я столкнулся с ними». На самом деле столкнуться удалось далеко не по всем вопросам. Пока речь шла об общих «революционных материях», матросы согласно кивали головами, но когда Ильич попробовал прощупать их относительно изгнания из Совнаркома левых эсеров и создания «однородного социалистического (т. е. большевистского) правительства», то сразу получил от ворот поворот.

Март 1917-го. Митинг матросов на Якорной площади

В феврале 1918 года В.И. Ленин принял у себя в кабинете еще одну группу матросов, на этот раз делегатов Кронштадтского Совета, приехавших в Петроград для организации агитационных групп и направления их в приморские районы страны. Эта беседа протекала почти в том же русле, что и предыдущая. Пока Ленин говорил на общие темы, все шло хорошо, но когда заговорил о «плохих» левых эсерах и анархистах, то никакого взаимопонимания не нашел. Более того, матросы сразу же выдвинули ему ряд своих требований, относительно соблюдения большевиками принципов «матросской демократии». И Ленин вынужден был им уступить. В написанной тут же записке Я.М. Свердлову, он попросил удовлетворить все требования кронштадтцев. После этого В.И. Ленин перестал встречаться даже с группами революционных матросов.

* * *

Между тем, матросы повсеместно входили во вкус своего революционного миссионерства. Уже через два дня после падения Зимнего председатель судового комитета «Авроры» матрос А. Бельшев и его заместитель матрос П. Андреев отправили в редакции петроградских газет следующее письмо: «...Мы заявляем, что пришли не громить Зимний дворец, не убивать мирных жителей, а защитить и, если нужно, умереть за свободу и Революцию». Текст письма наглядно говорит, что матросы к этому времени уже твердо уверовали в то, что на них возложена особая революционная миссия и они полностью к ней готовы. Именно поэтому они и объявляли на всю Россию об этом своем особом предназначении. При этом еще раз оговоримся, что в дни Октября матросы вовсе не отождествляли себя с большевиками, имея по наиболее важным вопросам свои особые взгляды, и действовали, как вполне самостоятельная политическая сила.

Поэтому вскоре, без всякого согласования с Совнаркомом и наркоматом по морским делам, Центробалт начал самолично формировать многочисленные матросские отряды и отправлять их устанавливать Советскую (а реально, матросскую) власть в российские регионы.

Уже 1 января 1918 года с флота в различные отряды ушло более 40 тысяч матросов. Напомним, что к 1917 году в Балтийском флоте насчитывалось немногим более 80 тысяч матросов, таким образом устанавливать Советскую власть на просторах России ушла половина личного состава воющего флота. На Южный Урал для разблокирования от войск Дутова железной дороги и обеспечения снабжения Петрограда продовольствием был отправлен весьма многочисленный сводный отряд балтийских матросов, т. н. «Северный летучий отряд» под началом мичмана С.Д. Павлова.

В конце декабря 1917 года отряд Павлова захватил Троицк, изгнав из него казаков А.И. Дутова, после чего был переброшен под Бузулук, где Павлова назначили командующим Оренбургским фронтом. Именно с отрядом мичмана Павлова связаны печально знаменитые приказы о национализации и обобществлении всех женщин городов, куда прибывали революционные моряки, от 16 до 50 лет. И хотя этот псевдореволюционный кураж продолжался недолго, свое дело в демонизации образа революционных матросов и их вождя Дыбенко он сделал.

С уходом большого количества старых матросов на кораблях Балтийского флота стала остро ощущаться нехватка специалистов. Ряд кораблей и судов, несмотря на военные действия, пришлось из-за некомплекта команд перевести в резерв.

Поняв, что большевики не очень-то горят желанием делиться властью, часть балтийских матросов решили создать собственную республику. Данный факт малоизвестен, между тем он весьма примечателен. Инициаторами создания собственного матросского государства выступили матросы линкора «Петропавловск», во главе с корабельным писарем С.М. Петриченко. Для этого эксперимента был избран, расположенный недалеко от Ревеля остров Нарген. Территория острова составляла всего 18,6 квадратных километров, а население единственной деревушки Сторбюн (Лыунакюла) около 200 человек.

На острове располагались несколько артиллерийских батарей, прикрывавших с моря подходы к Ревелю. К концу 1917 года часть этих батарей еще не была готова, и на них трудилось несколько десятков строителей. 17 декабря 1917 года на остров прибыло два десятка матросов с линкора «Петропавловска», к которым примкнули матросы находящиеся на острове артиллерийских батарей и строители. Всего собралось около 80 «коммунаров». На общем митинге писарь С.М. Петриченко провозгласил создание Наргенской Советской республики матросов и строителей. Тогда же был избран и собственный Совнарком. Председателем Совнаркома избрали самого С.М. Петриченко, кроме него были избраны наркомы по военным и морским делам, внутренних дел, труда, финансов, здравоохранения и образования. Столицей республики была объявлена деревушка Сторбюн, т. к. других деревень на острове просто не было. Девизом новой республики был выбран не слишком оригинальный призыв: «Смерть буржуям!» На установленном флагштоке был поднят и собственный государственный красно-черный флаг. Если красный цвет символизировал революционное начало новой коммуны, то черный – ее анархистскую сущность. Кроме государственного флага матросы придумали себе еще и особый боевой флаг, под которым предполагалось осуществлять дальнейшую мировую революцию – на черном полотнище под девизом «Смерть буржуям», был нарисован улыбающейся череп с перекрестием копья и косы и двумя костями

внизу. Так, как республика была объявлена матросской, то местные крестьяне никаких прав от коммунаров, разумеется, не получили.

Если до мировой революции руки у коммунаров так и не дошли, то революционными преобразованиями на местном уровне они все же занялись. Первым делом была проведена реквизиция продовольствия и алкоголя, после чего местное население обложили революционным налогом. Есть сведения, что все женщины были сразу же обобществлены, т. е. изнасилованы. Что касается мужчин, то их заставили трудиться по «коммунистически», т. е. даром. Однако изъятые у крестьян продукты были быстро съедены, а самогон выпит. Тогда, по ультимативному шантажу наргенского Совнаркома об артиллерийском обстреле города, городской думе Ревеля было велено регулярно доставлять на остров спиртное, продовольствие, местных проституток, а также заключенных ревельского централа для уборки снега, благоустройства территории, проведения земляных работ и бытового обслуживания матросов. И ревельские думцы согласились! Так что жилось коммунарам весьма не плохо. Отметим, что председатель Совнаркома, С.М. Петриченко, пытался даже наладить «равноправные дипломатические отношения с Советской Россией», но петроградский Совнарком на контакты с Наргенской Советской республики матросов и строителей почему-то не пошел.

Дальнейшая история Наргенской республики была печальна. При приближении германских войск к Ревелю, гарнизон Наргена, имея вполне боеготовую артиллерию, будучи обеспечен и боеприпасами, и продовольствием, не посчитал нужным отстаивать свою государственную независимость. Решив, что свое историческое значение республика уже выполнила, Петриченко с сотоварищами почли за лучшее, не испытывать судьбу, а перебраться в более безопасный Гельсингфорс, а оттуда в Кронштадт. 26 февраля 1918 года красно-черный флаг Наргенской матросской республики был спущен. При этом эвакуация коммунаров происходила в такой спешке, что о подрыве артиллерийских батарей не у кого не возникло и мысли. Мало того, после эвакуации выяснилось, что несколько десятков матросов и строителей так и осталось на острове, т. к. к моменту эвакуации они были мертвецки пьяны и не могли передвигаться. Ну, а более трезвые товарищи отказались тащить пьяных на своих руках. Любопытно, что оставшиеся матросы были помещены немцами в местную тюрьму, а в

ноябре 1918 года переданы эстонским властям. Те, в свою очередь, немного промурыжив бывших коммунаров уже в своей тюрьме, в феврале 1919 года передали их Советской России, как политзаключенных.

Заметим, что три года спустя, именно С.М. Петриченко возглавит знаменитый матросский мятеж в Кронштадте и станет во главе Кронштадтской матросской республики. По всей видимости, опыт создания матросского государства на острове Нарген не прошел для него даром...

* * *

С 1 по 8 декабря (по новому стилю) 1917 года в Петрограде прошел Всероссийский съезд делегатов военного флота, инициированный В.И. Лениным. На съезде, по задумке большевиков, матросы должны были присягнуть на верность новому правительству. Как и ожидалось, съезд признал правительство большевиков. Таким образом, матросы-балтийцы официально подтвердили, что считают правительство большевиков и левых эсеров легитимным и готовы ему подчиняться.

Помимо этого, созывая съезд, В.И. Ленин рассчитывал разделаться с неподконтрольным большевикам Центробалтом. Дело в том, что Центробалт воспринимал большевиков, как равноправных союзников в совместной борьбе против Временного правительства. Большевистское руководство это прекрасно понимало, но пока у них и у матросов был общий враг, с этим декларируемым равноправием мирились. После же Октября равноправные отношения с Центробалтом уже не входили в планы большевиков. Еще вчера, являвшийся главной опорой большевиков и гарантом их победы в революции, Центробалт, после свержения старой власти, стал смертельно опасным. Последней каплей, переполнившей чашу ленинского терпения, стало известие, что при очередных 5-х перевыборах в Центробалт, большевики в очередной раз потерпели сокрушительное поражение. Власть в Центробалте захватили анархисты и эсеры матросы П. Скурихин, В. Гнедин, Д. Жидик, Т. Курдюков. Сложилась парадоксальная ситуация. Если, в бытность Временного правительства, Центробалт был пробольшевистским, то

после захвата власти большевиками, Центробалт почти мгновенно стал антибольшевистским. В новом (пятом по счету) составе Центробалта большевики были вынуждены перейти в оппозицию эсеровско-анархистскому большинству.

Первое, что сделал Центробалт 5-го созыва – это упразднил должность командующего Балтийским флотом и его штаба. Отныне руководство Балтийским флотом осуществлял сам Центробалт, сосредоточив, таким образом, в своих руках всю полноту власти на Балтике. И кто теперь мог поручиться, что в один прекрасный день центробалтовцы не повторят матросский десант в Петроград, чтобы передать власть в стране своим новым фаворитам? В такой ситуации надо было что-то срочно предпринимать. И пока центробалтовцы пребывали в раздумьях, что им делать дальше, и как поступить с разочаровавшими их большевиками, В.И. Ленин сам перешел в наступление. Впоследствии советским историкам пришлось неуклюже объяснять факт разгона Центробалта тем, что еще вчера хороший Центробалт в одночасье стал плохим, т. к. значительное количество правильных революционных матросов убыло на борьбу за установление Советской власти в регионы, а на их место проникли неправильные и неревolutionные. Объяснение, разумеется, наивное. Дело было совсем в ином – среди матросов начал стремительно падать авторитет большевиков.

На Всероссийском съезде делегатов военного флота присутствовало 190 делегатов: от Балтийского флота – 82, Черноморского флота – 65, флотилии Северного Ледовитого океана – 28, Каспийской и Урмийско-Ванской флотилий – 7, Сибирской флотилии – 4, Амурской флотилии – 3, Чудской флотилии – 1. Членами большевистской партии являлись 116 делегатов. Почетным председателем съезда был избран В.И. Ленин.

В повестке дня съезда было рассмотрение реформы военно-морского департамента, упорядочение централизации и введения на кораблях и в частях института комиссаров. Председательствовал на съезде балтийский матрос- большевик А.В. Баранов. Повестка дня включала доклад о текущем моменте и о власти с его обсуждением, доклад военно-морского революционного комитета о своей работе и о деятельности Центрофлота, с последующим обсуждением, доклад Верховной морской коллегии и прочее.

Съезд начался с достаточно провокационного выступления известного анархиста матроса А.П. Железнякова, который сказав прочувственную речь о расстрелянных в 1916 году в Тулоне матросах крейсера «Аскольд», призвал отомстить офицерам-убийцам, да и вообще заодно отомстить всем офицерам. Таким образом, предводитель анархистов декларировал принятие съездом постановления о продолжении массовых репрессий в отношении офицерского состава флота. Делегаты анархисты с восторгом встретили предложение своего вожака. Однако остальные матросы его не поддержали. Затем началось обсуждение судьбы Центробалта и об офицерах сразу позабыли.

Делегаты съезда единодушно осудили генерала Духонина за его откровенную контрреволюционность и призвали черноморцев не подчиняться командующему Румынским фронтом. Съезд осудил и деятельность Центрофлота. Члены инициативной группы созданной на Всероссийском съезде Советов, во главе с матросом Н.А. Ховриным, уже разогнали, поддерживавший Временное правительство и оппозиционный большевикам и Центробалту главный коллегиальный орган управления военным флотом – Центрофлот.

Матрос Н.А.Ховрин

По предложению Ленина, его заменили на так называемый Временный морской революционный комитет (ВМРК) во главе с матросом-большевиком И.И. Вахрамеевым. Совнаркому и В.И. Ленину не нужен был ВМРК, который бы возглавил революционных матросов всей России и, «рулил» по собственному усмотрению. Именно поэтому во главе ВМРК и был поставлен возрастной и безамбициозный машинный унтер-офицер подплава большевик И.И. Вахрамеев.

После этого члены ВМРК собрались на пленум, где наметили программу своих дальнейших действий. И.И. Вахрамеев в своем выступлении заявил, что если раньше ВМРК был только боевой организацией, то сейчас, когда ситуация в Петрограде успокоилось и власть большевиков укрепилась, нужда в такой организации миновала, а нужна новая прочная организация, заменяющая распущенный Центрофлот, которая должна руководить всем российским флотом. После этого десять человек, входившие в ВМРК, объявили себя Коллегией ВМРК. Члены комитета разделились на секции – военную,

контрольно-техническую, хозяйственную, следственную, редакционную и личного состава. В реальности, важнейшей задачей ВМРК стало вовсе не управление повседневными делами морского ведомства, а задача мобилизации матросов для решения конкретных задач, которые будет ставить Совнарком. При этом, в большинстве случаев эти задачи не имели ничего общего с интересами флота. Например, 15 ноября Совнарком предписал ВМРК выделить десять «энергичных товарищей» в распоряжение комиссара Государственного банка В.В. Оболенского (Осинского) для «исполнения весьма ответственных поручений».

Что касается Всероссийского съезда делегатов военного флота, то там была запущена процедура голосования за роспуск Центробалта. Часть матросов-делегатов, застигнутых врасплох, не желало разгона Центробалта, другая часть пребывала в смятении от новой линии большевиков. Но съезд тщательно готовили и большую часть делегатов на него отбирали из наиболее лояльных большевикам матросов. Кроме этого за линию партии решительно высказался новоназначенный нарком по морским делам П.Е. Дыбенко. Но переломить ситуацию на съезде все же не удалось. Большинство голосов делегаты не проголосовали за роспуск Центробалта.

Во время очередного заседания съезда П.Е. Дыбенко неожиданно для делегатов предложил произвести управляющего морским министерством М.В. Иванова в контр-адмиралы. Предложение было встречено аплодисментами, после чего поступило предложение произвести за заслуги перед революцией в следующие чины мичмана Ф.Ф. Раскольников и машинного унтер-офицера И.И. Вахрамеева. Собственно говоря, а почему бы и нет! Все предложения прошли на «ура». Тут же и проголосовали.

После этого на трибуне поочередно оказались Иванов, Раскольников и Вахрамеев, которые заявили, что глубоко растроганны предложением делегатов и благодарят их за свое производство, и хотя отныне во флоте упраздняются всякие чины и ордена, но «революционными чинами, которыми их наградила демократия в лице съезда», они будут всю жизнь гордиться.

Затем кто-то из делегатов начал кричать, что надо произвести в адмиралы и самого Дыбенко (по другим сведениям Дыбенко «кричали» в капитаны 1 ранга). Скорее всего, и первое предложение

Дыбенко о производстве в чины своих сотоварищей по президиуму, как и предложение о производстве в адмиралы его самого, были заранее срежиссированы самим Дыбенко. Зал топал, свистел и кричал: «Даешь Павку в адмиралы!» Насладившись демонстрацией собственной популярности, Дыбенко (проконсультировавшись в перерыве с Коллонтай, которая отрицательно отнеслась к этой матросской затее) сделал сильный ход, заявив с трибуны:

– Самый высокий чин, которым может обладать человек, это чин борца за свободу и раскрепощение угнетенных классов. Во имя этих идеалов я борюсь, и буду бороться, и это сознание – самая ценная для меня награда!

Этим Дыбенко сразу же поставил себя вне традиционной иерархии чинов, сохранив за собой возможность, встать во главе военно-морского флота, оставаясь матросом. Если бы он принял чин адмирала, то поставил бы себя в весьма неловкое положение, признав действительность системы чинов и военной иерархии. Отказавшись от адмиральства, Дыбенко ловко подыграл стихийно- демократическим настроениям матросов и еще больше поднял свой авторитет. О реальном отношении П.Е. Дыбенко к чинам, говорит цитата из протокола съезда: «Тов. Дыбенко на поступивший к нему запрос о курсах мичманов военного времени разъясняет, что морские военно-учебные заведения вообще и в частности курсы мичманов военного времени будут упразднены. Этих мичманов, – сказал тов. Дыбенко, – может заменить любой матрос, прослуживший 3–4 года. Военные школы служили не столько для дела, сколько для чисто декоративных целей. В таких заведениях свободная страна не нуждается, и огромные средства, которые они поглощали, будут употреблены на более полезные цели, и в первую голову – культурно-просветительные». Разумеется, что и здесь П.Е. Дыбенко подыграл делегатам, снова сорвав бурные аплодисменты. Хотя в данном случае Дыбенко явно передергивал (осознанно или нет, неизвестно), поставив на одну доску мичманов военного времени, имевших достаточно слабую профессиональную подготовку, и кадровых офицеров. Впрочем, для самого П.Е. Дыбенко все это было не важно. Главное же состояло в том, что его заявление, как и предыдущее, отвечало стихийно-демократическим настроениям делегатов.

Интересно, что с декабря 1917 года по февраль 1918 года шкалы флотских званий уже вообще не существовало. Теперь, как правило, флотских военнослужащих именовали обычно по занимаемым должностям или по прежним должностям, с прибавлением аббревиатуры «б», что означало «бывший». К примеру, «б. капитан 2-го ранга». В декрете 29 января 1918 года военнослужащие флота были названы еще более обще – «красные военные моряки». Достаточно длинное словосочетание быстро переименовали в «красвоенмор».

На четвертый день работы съезда на нем выступил В.И. Ленин, т. е. он фактически исполнил свою недавнюю угрозу и «пошел» к матросам... Особый акцент Ленин сделал в докладе (как и следовало ожидать, из его недавней угрозы к своим коллегам) на единстве большевиков и матросов, как залого будущих побед революции: «Пусть флот посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз (союз между большевиками и матросами – В.Ш.) остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дело перехода к социализму».

Далее В.И. Ленин начал разъяснять делегатам необходимость революционной дисциплины и вред анархизма, а так же отказа от демократических принципов руководства флотом. «Съезд, – заявил он, – должен принять несколько серьезных резолюций относительно поднятия дисциплины, назначения комиссаров на каждый корабль, отказа от системы избрания командиров и другие ограничительные меры». В своей речи В.И. Ленин не слишком удачно попытался увязать анархизирующих матросов с новой властью, сказав, что никто не может отрицать тот факт, что флот «действовал независимо и создал новый порядок... блестящий пример действующего правительства». Свою речь на съезде В.И. Ленин завершил призывом к матросам – выступить в поддержку революции и Советской власти.

В завершении Ленин достаточно неожиданно заявил матросским делегатам: «...Нужно практически учиться управлять страной... В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд». У ряда историков бытует мнение, что Ильич погорячился, призвав матросов учиться управлять страной, так как делегаты поняли его буквально – большевики готовы делиться с нами властью. Но скорее, в сказанном был тонкий расчет. Да, Ленин опасно

блефовал, открыто призывая матросов идти во власть. Но сейчас ему надо было любой ценой решить самый главный вопрос, ради которого, собственно, он и затеял весь съезд – заручиться поддержкой матросов для создания однопартийного большевистского правительства, ни больше, но и ни меньше.

В целом, матросы восприняли речь Ленина хорошо (судя по протоколам, ему даже хлопали), но все же с определенным недоумением. Отказаться от столь любимых ими митингов и выборов командиров они были еще не готовы.

В результате работы съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «...вся мощь военного флота будет верно и стойко поддерживать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам землю и волю и смело идущую навстречу скорому миру. Вместе с тем съезд заявляет, что и впредь власть должна быть создана только из представителей тех партий, которые показали свою непоколебимую преданность революции и народу не на словах, а на деле».

На съезде сложил свои полномочия мертворожденный Военно-Морской революционный комитет. Вместо него, в качестве высшей власти на флоте был образован Законодательный совет морского ведомства, он же – Морская секция ВЦИК из 20 членов (13 большевиков и 7 от внепартийного блока). Законодательный совет морского ведомства, ставший преемником упраздненного Адмиралтейств-совета. По решению съезда все руководство флотами и флотилиями переходило в руки центральных комитетов флотов и флотилий. В управления и учреждения морского ведомства, на флоты и флотилии были назначены комиссары-большевики. Военно-морской ревком был упразднен. Председателем Законодательный совет морского ведомства стал матрос-большевик А.В. Баранов, позднее смененный матросом-большевиком В.Ф. Полухиным.

После этого съезд одобрил и резолюцию о новой административной организации флота, образовав Верховную Морскую Коллегию, в члены которой вошли П.Е. Дыбенко (председатель), М.В. Иванов, Ф.Ф. Раскольников и В.В. Ковальский. В некоторых источниках приводится другой состав Верховной Морской Коллегии, избранной на съезде, – П.Е. Дыбенко, М.В. Иванов, Ф.Ф. Раскольников, И.И. Вахрамеев и В.В. Ковальский. Кроме этого на Всероссийском флотском съезде было

принято решение и о создании Верховной морской следственной комиссии, после чего П.Е. Дыбенко «сделал распоряжение» комиссии принять дела Главного военно-морского судного управления и Главного военно-морского суда. В состав Верховной морской следственной комиссии входили матросы Н. Куценко (впоследствии председатель), С. Медведев, С. Настюшенко В. Захаров и Т. Рвачев, тринадцать следователей и «подсобный персонал». Особенность Верховной морской следственной комиссии была в том, что она не была подотчетна наркомату юстиции.

Что же касается главной задачи, которой ставил перед собой В.И. Ленин, иницируя проведения съезда, то он ее решил, добившись от матросов клятвы в верности большевикам и неприятия других левых партий. Судя по всему, это был компромисс. В.И. Ленин закрыл глаза на то, что создавая на съезде новые законодательные и исполнительные флотские органы, матросы не скрывали, что видят их практически независимыми от Совнаркома. Действительно, сразу же после съезда «бескомпромиссные» резолюции на Балтийском флоте стали преобладать. Так представитель Балтфлота на заседании Петроградского Совета, уже на следующий день после съезда, заявил: «Мы доверяем большевикам и за ними идем, но не допустим соглашения с нашими врагами, только на словах называющих себя социалистами». Думается, что Ленин понимал, что эта победа временная. Но сейчас для него и было самым главным, выиграть время на создание и укрепление однородного большевистского правительства.

Заключительным вопросом съезда стало обсуждение действий П.Е. Дыбенко в борьбе за установление Советской власти. Тот в красках рассказал, как матросы помогли большевикам взять власть в Петрограде и как он лично остановил войска генерала П.Н. Краснова. Действия Дыбенко были признаны не только правильными, но и героическими и Павел Ефимович снова сорвал аплодисменты делегатов.

Если В.И. Ленин на съезде успешно решил главный для него на тот момент вопрос, то, П.Е. Дыбенко и его ближайшее окружение, заверив Ильича в согласии на однопартийное правительство, и фактически предав левых эсеров и их многочисленных сторонников, решили свой. На съезде был сделан серьезный шаг в деле превращения Морского

ведомства в своеобразное государство в государстве с собственной законодательной (Законодательный совет морского ведомства), исполнительной (Верховная Морская Коллегия) и судебной властью (Верховная морская следственная комиссия). Себя же П.Е. Дыбенко позиционировал как главного матросского вождя и самостоятельного политика, равного В.И. Ленину. Так как деятельность Военно-Морского революционного комитета прекратилась, наиболее проверенные матросы-большевики из его состава: Д.Н. Марулин, В.П. Евдокимов, В.П. Понкайтис, Л.С. Штарев, Ф.С. Аверичкин, В.М. Марусев и В.Ф. Полухин сразу же были назначены комиссарами управлений и учреждений Морского генерального штаба, главного управления личного состава, главного управления кораблестроения, хозяйственного, гидрографического и ряда других управлений. Там они установили полный контроль за оперативной и хозяйственной деятельностью всего аппарата министерства. Отныне без их подписи ни одно распоряжение не считалось действительным. Во всех центральных учреждениях была проведена чистка чиновников.

* * *

В первые дни после Всероссийского флотского съезда П.Е. Дыбенко открыто заявлял, что «комиссии, подготовлявшие различные проекты положений, пытались после съезда образовать нечто вроде верховного флотского парламента». Разумеется, вопрос о границах полномочий новых флотских органов, а также о степени их подчиненности высшим государственным учреждениям Советской России оставался в значительной мере открытым. Сам П.Е. Дыбенко, видимо, был склонен считать себя главой совершенно самостоятельного ведомства, мало чем связанного с центральной властью, главным матросским вождем и самостоятельным политиком, равным В.И. Ленину.

Более того, Совнарком оказывался, по сути, должником военно-морского флота, сыгравшего такую важную роль в вооруженном восстании в Петрограде и в установлении Советской власти на местах.

С 6 декабря 1917 года на всех флотах и флотилиях упразднялись должности командующих. Отныне управление флотами переходило в ведение Центральных комитетов морей (флотов). На Балтике общее

руководство флотом взял на себя Центробалт в лице его председателя, члена всех первых четырех созывов Н.Ф. Измайлова, и заведующего военным отделом Центробалта контр-адмирала А.А. Ружека, исполнявшего одновременно функции командующего флотом и начальника штаба флота вплоть до 21 марта 1918 года, когда был уволен с флота.

Надо ли говорить, что Верховная Морская Коллегия сразу же развила лихорадочную деятельность по демократизации флотских порядков и увеличению самостоятельности от Совнаркома. 15 декабря был подписан декрет «Об уравнивании в правах всех военнослужащих», который предусматривал отмену военных званий и чинов, орденов и денщиков. Данный декрет не вызвал, однако, массового бегства офицеров с флота. Случаи отказа от службы офицеров были единичными. Так с заявлением о невозможности служить при новых условиях, выступили капитан 1 ранга К.В. Шевелев 1-й, капитан 2 ранга Д.И. Дараган и мичман П.Н. Вейстенгоф. При этом К.В. Шевелев ссылаясь на переход власти в руки людей малоопытных и малообразованных, а Д.И. Дараган и П.Н. Вейстенгоф в своих рапортах заявили о том, что не могут смириться с «продажей родины и флота». 18 декабря публикуется «Положение о выборном начале во флоте и морском ведомстве». 19 декабря Верховная морская коллегия упразднила выдачу денежных наград. Сделано это было по этическим соображениям, поскольку выдача наград деньгами матросы объявили унижительным для сознательных революционеров. В конце 1917 года в матросской среде бытовало мнение, что любые поощрения должны быть сведены к словесной похвале и не иметь никакого материального эквивалента, т. к. последний следует воспринимать как подкуп. Впрочем, это настроение или увлечение прошло довольно быстро, и в дальнейшем моральное и материальное поощрение дополняли друг друга. 20 декабря создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК). Но матросам в декабре 1917 года на ВЧК было наплевать. Из воспоминаний капитана 2 ранга Ф.Ф. Рейнгарда: «В тюрьме сидел мичман Воейков, которого любили матросы. Узнав о его аресте, они приехали с грузовиком, вооруженным пулеметами, освободили и увезли к себе. Матросы «Александра II», узнав о моем аресте, тоже приезжали и требовали моего освобождения». Вот так,

просто приехали к чекистам, навели на них пулемет и те, не смея перечить, тут же исполнили все матросские требования.

Начавшаяся 30 декабря 1917 года демобилизация флота потребовала определенных расходов. Демобилизованным матросам выдавали по полтора месячных оклада, но аппетиты демобилизуемых простирались дальше. 30 декабря матросы призыва 1908–1910 годов потребовали уволить их не позднее 15 февраля 1918 года, при этом всех снабдить винтовками и револьверами с соответствующим боезапасом и полным новым обмундированием на год вперед. «Будучи не в силах удержать желающих уйти со службы» матросов, Центробалт решил приступить к демобилизации призыва 1908 года с 1 февраля 1918 года, а 1910 года – с 1 марта 1918 года «ЦК БФ видит единственную надежду спасти боеспособность флота в переводе на вольный найм» – декларировал Центробалт. При этом удовлетворить требования демобилизующихся было просто невозможно. Флот и так испытывал нехватку стрелкового вооружения, и если бы все уходящие по домам захватили с собой все, что им пожелается. Оставшихся было бы просто нечем вооружать. Не менее серьезно обстояло дело с обмундированием и выплате денег. 8 января 1918 года Законодательный совет принял «Положение о демократизации флота», которое отличалось очень решительными формулировками. Написанное П.Е. Дыбенко, оно провозглашало независимость флота и такие его права, как свободу собраний, слова и религии. «Все матросы флота имеют право быть членами любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза. Они имеют право свободно и открыто выражать и признавать устно, письменно или печатным словом свои политические, религиозные и иные взгляды». «Положение» полностью отрицало централизм и верховенство общегосударственной Советской власти. Фактически речь шла об автономном положении флотов по отношению к высшему руководству страны. Так, в параграфе № 51 «Положения» говорилось, что «все распоряжения центральных органов, как морского ведомства, так и общегосударственных, а также постановления каких бы то ни было комитетов, ... подлежат исполнению во флоте или флотилии моря только в случае подтверждения их Центральным комитетом моря».

После этого обвинять большевиков в том, что они первыми начали войну с революционными матросами, нет никаких оснований. Какая

бы власть вообще смирилась, чтобы часть ее Вооруженных Сил заявила о своем праве исполнять лишь те приказы, которые нравятся и не исполнять такие, которые не нравятся!

К этому моменту В.И. Ленин, решив для себя вопрос с однопартийным правительством, сделал вид, что между ним и матросами никакого негласного соглашения не существует, и осторожно признал формулировку параграфа № 51 лишь «неточной или покоящейся на недоразумении, так как по буквальному смыслу получается отрицание верховенства общегосударственной Советской власти». Ничего себе «неточной», когда речь шла о ломке всей вертикали государственной власти могущественной военной организацией! Однако на большее он не решился. Совнарком не посмел отменить параграф № 51. В.И. Ленин лишь написал проект постановления об отмене примечания к параграфу № 51 «Положения», после чего Совнарком принял постановление «О порядке подчинения флотов Балтийского и Черного морей», которым вводилось непосредственное подчинение флотов и флотилий Верховной морской коллегии. Но при этом В.И. Ленин поручил П.П. Прошьяну и А.В. Луначарскому «составить мотивированное обращение Совета Народных Комиссаров к законодательному органу флота с разъяснением точки зрения Совета Народных Комиссаров».

Но матросы не собирались отступать. Уже 12 января Законодательный Совет Морского Ведомства фактически предъявил ультиматум Совнаркому, постановив «предложить СНК утвердить без изменений своим протоколом «Положение о Законодательном Совете Морского Ведомства», и опубликовать через декрет. В противном случае Законодательный Совет Морского Ведомства будет апеллировать ко всему Флоту Российской Республики на недопустимые и ни на чем не основанные промедления со стороны СНК в таких серьезных вопросах, и по утверждении «Положения о Законодательном Совете Морского Ведомства» Флотами считать его обязательным для себя, и, не считаясь с мнением СНК, продолжать начатую работу». Под этим ультиматумом стоят подписи председателя Законодательный Совет Морского Ведомства большевика матросо-телеграфиста В.Ф. Полухина, секретарей матросов С.Е. Сакса и Платонова.

После этого Ленин сделал вид, что сдался. 15 января 1918 года Совнаркомом обнародован декрет «О проекте социалистической армии», объявивший о формировании Красной армии, подписанный П.Е. Дыбенко, Н.И. Подвойским и В.И. Лениным. В текст была включена и часть, озаглавленная «Демократизация флота», устанавливающая его реорганизацию, со злополучным параграфом № 51. Наряду с этим на заседании Совнаркома было принято постановление о порядке подчинения флотов Балтийского и Черного морей, в котором предложило законодательному органу флота пересмотреть редакцию положения от 8 января. Никто, разумеется, пересматривать положение не стал и ситуация просто повисла в воздухе.

Объективно для В.И. Ленина и его окружения, злосчастный параграф, о том, что все назначения на командные должности на флоте должны в обязательном порядке подтверждаться Верховной морской коллегией и никем более, был открытым вызовом. Ведь этим параграфом Дыбенко фактически выводил военно-морской флот из подчинения Совнаркому. Данный факт свидетельствует о том, что выборные органы руководства флотом в конце 1917 – начале 1918 годов не только претендовали на особое независимое положение в государственной машине, но и фактически добились этого.

Предчувствуя, что это не кончится добром, ни для балтийцев, ни для самого П.Е. Дыбенко, его боевая подруга А.М. Коллонтай в те дни писала: «Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомами, давать им такую власть. Они не могут понять, что можно и что нельзя. У них кружится голова».

Отныне и руководящие органы флота, и рядовые матросы, могли рассчитывать на самое предупредительное отношение со стороны Совнаркома, который не мог им ничего приказать, а мог лишь рекомендовать или просить.

В декабре 1917 года произошел случай, который лучше всего характеризовал сложившуюся ситуацию. Часть матросов-малороссов, служивших на Балтике, создало собственную Центральную украинскую раду Балтийского флота, во главе с матросом-анархистом Табуренским, и потребовали перевода их на Черноморский флот. При этом представители малороссов буквально осадили приемную Совнаркома. На переговоры к ним был отправлен А.В. Луначарский. Матросы-малороссы потребовали от него письменного решения их

судьбы. Ответ был им вручен. В нем Совнарком уклончиво отписался, что народные комиссарам было бы желательно, чтобы перевод состоялся без ущерба боеспособности Балтийского флота и с согласия моряков Черноморского флота, а так же по решению «специальной смешанной комиссии». На заседании же самого Совнаркома было решено переадресовать решение данного вопроса Морской коллегии, т. к. влезать в дела ее компетенции было небезопасно.

Впрочем, тогда же В.И. Ленин пообещал лично разорвать еще один проект Дыбенко, где тот требовал (именно не просил, а требовал!) серьезных ассигнований на «образование матросов» и на содержание своего личного аппарата. Оговоримся, что в данном случае Павел Ефимович намеревался создать чуть ли не собственный Совнарком, который бы еще оплачивал Совнарком Ленина. Но в данном случае П.Е. Дыбенко не просчитал последствия своих действий и серьезно ошибся. Кроме этого он проявил политическую самостоятельность, что в большой политике второстепенным игрокам не прощается. С этого момента изгнание П.Е. Дыбенко, как из Совнаркома, так и с политического Олимпа было предопределено. Оставалось лишь дожидаться удобного момента. Судя по всему, вскоре и сам Дыбенко понял, что перегнул палку. Возможно, это ему доходчиво разъяснила Коллонтай, возможно, кто-то еще.

* * *

Власть плохо действует на тех, кто слишком быстро взлетает по карьерной лестнице. В конце декабря 1917 года П.Е. Дыбенко неожиданно обвинил членов Законодательного совета морского ведомства матросов А.С. Штарева, В.Ф. Полухина и своего закадычного друга В.М. Марусева в... подпольной деятельности и подрыве своего авторитета. Обвиняемые обиделись, а А.С. Штарев заявил, в ответ на обвинения Дыбенко, что он лишь критиковал декрет «об упразднении строевых офицеров и матросов», но никакой подпольной работы не вел. Обиженный Штарев попросил вывести его из Законодательного совета. Центробалт принял резолюцию о выводе А.С. Штарева из Законодательного совета, но потребовал исчерпывающих объяснений от П.Е. Дыбенко.

К этому времени Центробалт вообще стал раздражать П.Е.Дыбенко, который решал теперь единолично все наиболее важные вопросы в столице и не стремился появляться в Гельсингфорсе с отчетом перед теми, кто его вознес на вершину власти.

11 января Центробалт принял категорическую резолюцию: «В 24 часа с получением сего постановления явиться народному комиссару т. Дыбенко в Центробалт для дачи объяснений по весьма серьезным вопросам; в случае неявки будут приняты энергичные меры». Но Дыбенко требование соратников проигнорировал.

Поэтому 15 января 1918 года на заседании Центробалта, по инициативе анархистов, Дыбенко был лишен полномочий председателя Верховной морской коллегии. Поводом для голосования послужил отказ Дыбенко в выдаче револьверов и спирта членам Центробалта. Кроме этого, Центробалт на своем заседании фактически предъявил ультиматум Советской власти в целом, и Ленину в частности. Уже первый выступающий матрос Троянов поднял вопрос о В.И. Ленине. Прежде всего, он обвинил в предательстве матросских интересов наркома Дыбенко, заявив, что тот изменил матросскому делу и переметнулся к большевикам. Когда же Троянов, по его рассказу, как член Центробалта, потребовал от Дыбенко прибыть и отчитаться перед ЦК Балтийского флота о своем поведении, тот демонстративно заявил, что «приехать в этот срок не могу, т. к. я должен сделать доклад 3-му Всероссийскому Съезду рабочих и солдатских депутатов». Далее Троянов поведал членам Центробалта, что поругавшись с Дыбенко он пошел выяснять отношения к Ленину, чтобы потребовать от того немедленно вооружить всех матросов Балтийского флота. Дело в том, что на кораблях стрелковое оружие тогда имелось в ограниченном количестве, и предназначалась для десантных партий. Теперь же вооружиться желали все 80 тысяч матросов Балтийского флота. Более того! Матросы требовали, как мы уже отмечали выше, (и Центробалт был с ними согласен), чтобы при увольнении в запас, они уезжали домой не только с полным вещевым аттестатом, но и полностью вооруженными, т. к. им предстояло устанавливать Советскую власть в своих городах и деревнях. На все это оружия, естественно, просто не хватало. Но матросов это не интересовало, т. к. если они сказали: «Даешь!», то большевики немедленно были обязаны, по их разумению, исполнить требуемое. С

Лениным матрос Троянов имел серьезную беседу относительно вооружения моряков Балтийского флота. При этом Ленин, по словам Троянова, от конкретного ответа уходил, ссылаясь на то, что у него, якобы, есть некая бумага, «в которой сообщается, что некоторые товарищи матросы занимаются грабежом, конечно, если бы были все товарищи сознательные, то таких нужно и даже необходимо вооружить». Такой ответ оскорбил до глубины души матроса Троянова. Что он сказал в ответ Ленину нам неизвестно, но членам Центробалта он заявил прямо: «Я, товарищи, из всех слов товарищей Дыбенко и Ленина пришел к такому заключению, что нам необходимо теперь же принять самые решительные меры против товарища Дыбенко и прочих». Кто подразумевался под «прочими» понять не сложно. Собравшиеся приняли доклад Троянова, что называется, на «ура».

Затем слово взял член Центробалта Савоськин, который сказал: «Из доклада товарища Троянова я понял, что уже те наши товарищи, на которых мы так много питали надежды и верили им, оказывается, ошиблись и что на наши все просьбы и требования они не обращают никакого внимания, ввиду чего товарищи, я требую немедленного отозвания из Народных Комиссаров товарища Дыбенко, а товарищу Ленину вынести недоверие».

Согласитесь, что недоверие Ленину от Центробалта и лично от матроса Савоськина – это неслабо!

Матрос Скурихин, выступавший после Савоськина, был еще более радикален. Он категорически потребовал немедленно арестовать и предать революционному трибуналу изменника Дыбенко, за то, что тот «не исполняет требования избирателей». Это сейчас у нас с депутатами миндальничают, а в январе 1918 года все решалось быстро. Выяснили, что плохо лоббируешь интересы избирателей – вот тебе негодяю сразу и ревтрибунал, и «маслина» в лоб!

Рассказ Троянова о хамстве по отношению к матросам со стороны Дыбенко и Ленина произвел впечатление и на центробалтовца Суркова. Но матрос Сурков был не столь кровожаден, как Савоськин. Сурков склонялся к мнению, что сразу уж арестовывать и ставить к стенке Дыбенко не стоит: «Нет, товарищи, сразу делать или поступать так нельзя, а необходимо все это постепенно проводить. Вы знаете хорошо, какой пост занимает товарищ Дыбенко. Я, товарищи, смотрю

на этот вопрос так: прежде чем отозвать товарища Дыбенко, нужно назначить кандидата на его место, которому он мог бы сдать дела. Кроме того, товарищи, я предлагаю выбрать комиссию для выработки резолюции и с нею послать в Петроград к товарищу Дыбенко.

Затем выступил матрос Жадик: «На нас со всех сторон нажимают, от нас требуют оружия, а мы требуем от Верховной Морской Коллегии, а она положительно не хочет нам отвечать, мы уже требовали три раза товарища Дыбенко для доклада и объяснения Центробалту, но он все время отнекивался и так по сие время не изволил прибыть, команды на кораблях уже выносят постановления в которых говорится, что Центробалт уже пользуется некоторым недоверием. Вы видите, товарищи, что уже этому морскому органу не стало того доверия, каким он пользовался ранее, а чем же объяснить, что Центробалт теряет доверие? А тем, что он совершенно не получает никаких сведений сверху и если мы будем продолжать так далее свою политику, то мы не в далеком будущем будем генералы без армии».

Если верить Жадику, то Центробалт оказался в распятом положении. С одной стороны на него давили матросы, требуя себе винтовок, револьверов и гранат. С другой, сам Центробалт никак не мог продать Дыбенко с Лениным, которые не желали слишком вооружать матросов. Жадик высказывает свои опасение, что матросы могут начать бузу именно с Центробалта, а потому следует энергичней давить на большевиков, чтобы самим уцелеть.

Выступивший следом матрос Курдюмов поддержал Жадика и заявил, что пришел к следующему выводу: «Мы требовали прислать 3-х представителей для разъяснения массам всего положения, какое создалось в России – увы, их нет. Видимо, что им матросы стали не нужны...» В словах Курдюмова звучит уже не только обида, но и недвусмысленная угроза.

Следующий выступивший матрос Кабанов был лишь частично согласен с Жадиком и Савоськиным, и полностью не согласен с кровожадным Скурихиным. «Товарищи! – заявил он. – К этому вопросу подходите осторожнее, вы знаете, что товарищ Дыбенко выбран 2-м Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов, и если, отзывая его и не доверяя ему, этим вы выносите недоверие и Советам, за которые мы так долго и много боролись».

В данном случае Кабанов проявляет определенную политическую зрелость, понимая, что арест Дыбенко и недоверие к Ленину серьезных дивидендов матросам не даст, а вот Советскую власть дискредитирует однозначно.

Выступавший после Кабанова матрос Иконников заявил, что он «... и ранее был против всяких ультиматумов, теперь тоже против их, а нужно просто сделать, призвать товарища Дыбенко, и пусть он нам даст отчет о своих делах за время пребывания в Верховной Морской Коллегии, а тогда уже нам будет видно – отозвать его или нет».

Матрос Гнедин, судя по протоколу, вообще сорвался в крик: «Долго ли еще так будет! Мы просим! Мы требуем! Им (т. е. большевикам – В.Ш.) ультиматумы предъявляем, но на все это нуль внимания! Нет, мы должны раз сказать, чтоб все Комиссары знали, что мы за ними следим и видим, что они делают и пусть они знают, что матросы – авангард Революции, и они никогда не потерпят поведение тех Народных Комиссаров, которые не стали считаться с этим авангардом. Я же требую через 33 секунды отозвать товарища Дыбенко из Народных Комиссаров».

Почему Гнедин требовал на отзыв Дыбенко всего 33 секунды непонятно. Скорее всего, эти 33 секунды, в его понимании, являлись тем минимальным временем, за которое можно было по телефону объявить Дыбенко о его низложении.

После этого снова возникли споры. Матрос Комашко призвал не пороть горячку, так как об ультиматуме Дыбенко Центробалт знает исключительно со слов Троянова и только Троянов слышал объяснения Дыбенко и никаких других данных о том, как реально воспринял слова Троянова нарком по морским делам, у Центробалта нет.

«Это ведь это глупо, отзывать, только выслушав одну сторону, – обоснованно заявил Комашко. – Я настаиваю вызвать товарища Дыбенко в Центробалт, и пусть он даст объяснения, и тогда видно будет, отозвать или нет. Я против того, чтобы сейчас отозвать товарища Дыбенко.

На этом решение по Дыбенко было принято и центробалтовцы снова вернулись к обсуждению предательства со стороны большевистского руководства. Матрос Сизов заявил, что, что «у матросов богов нет, если товарищ Ленин требует гарантии от матросов, а он забыл, что на

матросских штыках получил власть и он должен исполнять требования и нужды массы».

После этого слово взял центробалтовец Дудин: «Мы, товарищи, фактически висим на воздухе, что я основываюсь на тех фактических данных, которые приводят товарищ Жадик, да и взгляните вы открытыми глазами в те массы, которые избирали вас, то вы вынесете то впечатления, что вы – генералы без армии. Это не секрет ни для кого, что сейчас говорил товарищ Курдюков, что мы просили 3-х представителей из Петрограда для обрисования того положения, которое создалось в стране, и я вас спрашиваю, товарищи, приехали они или нет? Нет, они не приехали, товарищи, я вам приведу несколько фактов, которые за себя говорят. Я вас спрошу, что вы знаете о мирных переговорах – да положительно ничего. Массы более нас знают, они более нас получают сведений из газет, чем мы. Я это говорю потому, что ежедневно бываю на своих кораблях, а потому я в курсе этого дела. Вот, товарищи, те факты, которые я привел вам. На основании этих фактов мы действительно являемся генералами без армии. А почему мы стали генералами без армии? Потому, что нас не информировали сверху. Я скажу вам, что прав был товарищ Троянов, когда мы огульно слышали, что идет 25000 штук револьверов, то тогда товарищ Троянов и я настаивали послать отряд и анархическим путем забрать, а потом привезти сюда. Вы тогда сказали, что ультимативно потребуете сюда, но где же они? Ваш ультиматум, исполнен ли он? Я скажу, что нет, и отвечу на него – нет. Из этого ясно, что с нами не хотят считаться, нас уже в настоящее время считают жандармами, да и в самом деле, что мы как жандармы, где какие ни есть беспорядки, требуют матросов. Матросов требуют для подавления контрреволюции, матросов требуют для подавления Каледина, матросов требуют против Украинской рады и т. д. И матросы же, проникшиеся сознанием революции, и за право угнетенного народа, везде и всюду идут и подавляют всякие восстания и саботаж. Я бы спросил – где же Красная гвардия, которая вооружена до зубов и получающая 15–20 рублей в день? Ее нет. В будущем для того, чтобы власть укрепить прочнее, и тогда можно будет, как угодно руль правительственного корабля повертывать, ибо неоткуда будет ожидать опасности, т. к. единственные матросы еще следят за всеми действиями правительства, то их под тем или иным предлогом нужно

вывести из той могущественной силы и если мы, товарищи, будем смотреть на это все пассивно, то помните, что мы придем в тупик (аплодисменты). Я, товарищи, уверяю вас, до тех пор не будет верить народ и до тех пор у нас не будет твердой власти и порядка, пока не придет сам мужик к власти в лаптях и скажет, что я хозяин земли Русской, и вы должны меня слушать» (гром аплодисментов).

После этого слово снова взял матрос Скурихин: «Я тысячу раз говорю, что человек, который является к Революционному рулю, то это его портит и он забывает массы. Я и ранее никогда не верил ни товарищу Дыбенко, ни Ленину, и я не ошибся, они действительно являются истуканами, когда они обязаны от нас просить доверие и поддержку, а не от нас о нашей благонадежности гарантию. Что это значит, самодержавие что ли, которое от нас требовало гарантии посредством присяги, нет, товарищи, на таких истуканов мы должны смотреть иначе. Я требую собрать пленарное заседание и сделать полный доклад, а для собрания приготовить весь имеющийся у нас материал, для этого нужно выбрать комиссию, помните, товарищи, что далее продолжаться так нельзя» (аплодисменты).

Матрос Иконников внес предложение выбрать редакционную комиссию, которая составит резолюцию и вынесет ее на общее собрание для утверждения и внесения поправок. Собранием предложение принимается единогласно, после чего в комиссию были выдвинуты Троянов, Иконников, Скурихин, Гнедин и Жадик Комиссия была единогласно утверждена. После этого председательствовавший на совещании матрос Долгов объявил обеденный перерыв. После перерыва заседание продолжилось. За время перерыва комиссия выработало постановление, которое и было вынесено на обсуждение.

Постановление гласило: «Заслушав доклад товарища Троянова, возвратившегося из Петрограда с поручением подачи ультиматума товарищу Дыбенко, с требованием Центробалта, приехать по получении сего в 24 часа для доклада своей деятельности, во время пребывания в Морской коллегии, и выяснения по вопросу о вооружении револьверами моряков Балтийского флота, а также для получения других более важных ответов, и ввиду неоднократного настоятельного требования Центробалта о приезде Народного Комиссара по Военно-морским делам товарища Дыбенко для доклада о деятельности Морской коллегии; оставались всегда умалчивающими

не придавалось ни малейшего внимания со стороны товарища Дыбенко, Центробалт счел необходимым срочно оповестить все морские части Революционного Балтийского флота об уклончивом и, как не отвечающем демократическим принципам поступок товарища Дыбенко, немедленно заявить, что подобный негодующий и отнюдь не допустимый поступок нами же избранного на такой высокий и ответственный пост, на пост Народного Комиссара, крайне возмутительный, не может быть терпим в рядах передового авангарда Революционных моряков. ЦКБФ постановил: с 17 января с.г. лишить полномочий товарища Дыбенко быть нашим представителем в Верховной морской коллегии, о чем и ставит в известность Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также Морской законодательный совет».

Постановление было поставлено на голосование и принято 26-ю голосами против 1-го и при 2-х воздержавшихся.

При обсуждении вопроса о недоверии П.Е. Дыбенко полного единодушия среди Центробалтовцев не было. Все большевики, присутствовавшие на собрании матросы-большевики, в силу партийной дисциплины, были против резолюции о недоверии. При этом матросы-большевики Н.Ф. Измайлов, К.Т. Солопенко и И.Ф. Азаров подписали особое мнение: «При принятии постановления Центробалта об отзывании товарища Дыбенко из Совета Комиссаров мы, группа членов вышеозначенного органа, в корне не соглашаясь с этим постановлением, влекущим за собой тяжелые последствия, и зная товарища Дыбенко, как хорошего работника, защищавшего с первых дней Революции идею народовластия и считая, что настоящее постановление вызвано необоснованно по докладу имеющих личное предубеждение по отношению к товарищу Дыбенко лиц, настроенных вообще против Народных Комиссаров, старающихся подорвать авторитет таковых, а потому считая такое постановление неправильным, категорически протестуем против него». Кроме них особое мнение подписали левый эсер-матрос Е.С. Блохин и беспартийный матрос В. Долгов. Защищали П.Е. Дыбенко в своих выступлениях, но протест не подписали, левый эсер матрос В.И. Иконников, большевик-матрос С. Камашко и беспартийный матрос А.Н. Кабанов. Наиболее же резко выступали на заседании против П.Е. Дыбенко и В.И. Ленина восемь беспартийных матросов: А.К. Троянов,

М.К. Савоськин, П.П. Сурков, Д.Е. Жадик, Т. Курдюков, В.А. Гнедин, Сизов, Дудин и анархист И М. Скурихин.

Историк Б.Н. Назаренко, проанализировавший это заседание Центробалта, пишет: «Мы видим, что большинство нападавших на П.Е. Дыбенко беспартийные матросы. Характерно также и то, что матросы воспринимают себя как представителей деревни, как говорил матрос Дудин, «до тех пор не будет верить народ и до тех пор у нас не будет твердой власти и порядка, пока не придет сам мужик к власти в лаптях и скажет, что я хозяин земли Русской и вы должны меня слушать (гром аплодисментов)». Видно, что матросы начали тяготиться необходимостью защищать Советскую власть, но продолжают претендовать на то, что они – главная направляющая сила политического процесса.

Казалось бы, что уж теперь над Дыбенко должна была разразиться гроза. Но ничего подобного не произошло. Матросы умели улаживать дела между собой, не вынося сора из избы.

Историк Б.Н. Назаренко пишет: «Этот кризис, правда, сравнительно легко разрешился. 19 января Дыбенко выступил на заседании Центробалта, и отчитался о своей деятельности. Он указывал, что его внимание было обращено прежде всего на снабжение продовольствием, затем на вопрос о вооружении моряков стрелковым оружием, на урегулирование финансовых вопросов и на снабжение обмундированием. Те, кто требовал отзыва П.Е. Дыбенко на заседании 15 января, молчали. Выступил один матрос М.К. Савоськин, который первым 15 января потребовал отозвать П.Е. Дыбенко с поста наркома, а В.И. Ленину выразить недоверие. М.К. Савоськин и 19 января потребовал снять П.Е. Дыбенко, обвинив его в том, что он «не сообщал Центробалту о текущих мирных переговорах, а также обо всех других делах, касающихся флота и вообще России». В результате Центробалт в своей резолюции попенял Дыбенко на то, что представители Советской власти недостаточно информировали моряков, признал правильным переотправку оружия, предназначенного для матросов, отрядам, посланным на добычу хлеба, одобрил в целом деятельность Дыбенко и отменил постановление от 15 января».

* * *

17 января 1918 года Законодательный совет морского ведомства заслушал доклад П.Е. Дыбенко о необходимости реорганизации Верховной морской коллегии «вследствие ее нежизнеспособности и неправильной конструкции». Тогда же было принято решение Морское министерство впредь именовать Морским комиссариатом. Наркомом по морским делам отныне официально становился П.Е. Дыбенко, а в Верховную морскую коллегию были избраны матросы И. Салтыков, Буданов и Рыбьяков. 29 декабря начала работу Всероссийская военно-морская конференция, собранная по инициативе Центробалта, а не Совнаркома. Сенсация произошла в первый же день, когда делегаты практически единогласно отказались выбрать В.И. Ленина почетным членом конференции, а П.Е. Дыбенко – ее почетным председателем. Участники конференции заявили, что отказываются участвовать в политических играх большевиков. Вместо этого конференция занялась вопросами финансирования и демобилизации флота, проектами его нового устройства на вольнонаемных началах, демонстрируя при этом полное игнорирование власти. Грозила повториться ситуация весенняя ситуация с Временным правительством, которое не понравилось матросам и было ими категорически отвергнуто.

На заседание приехала большая часть членов Центробалта. Вел заседание В.И. Ленин. Первым выступал Дыбенко с докладом «О переводе военно-морского флота на добровольческое начало» (текст доклада ему писала А.М. Коллонтай). Это был сильный ход, который сразу выбил почву из-под ног у оппонентов. Особых возражений относительно нового порядка укомплектования флота ни у кого не было. Проект декрета по флоту был одобрен и принят. Учреждение нового военно-морского флота упраздняло старое морское министерство, вместо него учреждался народный комиссариат по морским делам, а верховная коллегия была переименована в коллегию Народного комиссариата по морским делам. Членами коллегии были назначены И.И. Вахрамеев, Ф.Ф. Раскольников, и С.Е. Сакс. Заметим, что теперь в состав Верховной морской коллегии входили исключительно лица назначенные Совнаркомом и поэтому ничем не обязанные Центробалту. Председателем и наркомом по морским делам был назначен П.Е. Дыбенко.

Состоявшиеся назначения возмутили членов Центробалта, которые настаивали на выборности руководства флота, а не назначении сверху.

Кроме этого центробалтовцам не нравились и те, кто был назначен в новые начальники. Поэтому Центробалт принимает решение арестовать Измайлова с Блохиным. Фактически это было равносильно началу войны с Советской властью. Неизвестно как бы все обернулось, если бы неожиданно не пришло тревожное известие о быстром продвижении германских войск в Прибалтике и о готовящейся высадке немцев в Финляндии. Теперь надо было думать, уже о том, как спасти корабли в Гельсингфорсе и других финских портах. Ситуация складывалась критическая, так как перевести корабли в Кронштадт было невозможно из-за льда в Финском заливе. Всем стало уже не до внутренних распрей. Надо было спасать флот.

Назначая Дыбенко на высшую военно-морскую должность, Ильич был не так прост. Первым делом после назначения П.Е. Дыбенко на пост наркома по морским делам, он потребовал от него немедленной отправки наиболее преданных делу революции матросских отрядов в российскую глубинку, для установления там советской власти и противодействия контрреволюционерам. Этим председатель Совнаркома решал сразу две задачи: создавал предпосылки для скорейшего установления власти большевиков на местах и одновременно избавлялся от присутствия в Петрограде и Кронштадте наиболее революционизированных и преданных Центробалту матросов.

По указанию В.И. Ленина Военно-морской революционный комитет и Морская коллегия направили в хлебные районы десять отрядов матросов по 50 человек в каждом. Отряды должны были занять крупные железнодорожные станции, пристани и направлять весь хлеб в Петроград. Общее руководство этими первыми продотрядами было возложено на матроса Т. Ульянцева. Действовали матросы весьма энергично и жестко. Кроме этого отряды матросов занялись обысками петроградских хранилищ и подвалов, откуда было изъято 80 тысяч пудов муки, 50 тысяч пудов сахара и 30 тысяч пудов крупы.

24 января 1918 года Совнарком направил наркому по морским делам П.Е. Дыбенко бумагу о том, что все флотские организации, имеющие отношение к хозяйственным вопросам, должны немедленно «войти в контакт с Высшим советом народного хозяйства» и их преобразование без его санкции не допускается. Вместе с тем в послании отмечалось, что и Высший совет народного хозяйства не имеет права изменить

организацию флотских учреждений без согласования с П.Е. Дыбенко. 29 января П.Е. Дыбенко, который тогда уже считал себя наркомом по морским делам (хотя его статус еще не был точно определен), издал приказ об увольнении всего личного состава флота с 1 февраля 1918 года. Этот приказ был издан в развитие декрета Совнаркома о демобилизации от 29 января 1918 года. Однако демобилизация в условиях поспешного перехода части кораблей Балтийского флота из Ревеля в Гельсингфорс, а затем из Гельсингфорса в Кронштадт была практически возможна. 31 января приказом по флоту был объявлен декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», которым устанавливалось, что церковь отделяется от государства. В соответствии с этим на флоте ликвидировался институт священнослужителей. Данный декрет на флотах прошел совершенно безболезненно, т. к. священники разбежались с кораблей еще весной 1917 года. В тот же день приказом по флоту и морскому ведомству была объявлена частичная демобилизация флота, но уже 15 февраля, в связи с угрозой германского наступления, Центробалт обратился к морякам с воззванием, в котором значилось: «Центральный Комитет Балтийского флота призывает вас товарищи моряки, остаться на своих местах всем, кому дорога свобода и Родина, впредь до минования надвинувшейся грозной опасности со стороны врагов свободы». Практически массовая демобилизация был свернута, так и не начавшись.

1 февраля 1918 года, П.Е. Дыбенко все же пошел на попятную перед Центробалтом. В сопровождении Ф.Ф. Раскольников, он прибыл в Гельсингфорс, где выступил с докладом на совместном пленарном заседании Центробалта, местного флотского комитета и матросской секции Гельсингфорсского Совета с судовыми и ротными комитетами.

Прежде всего, Дыбенко заверил матросскую общественность в том, что по-прежнему верен Центробалту и его идеалам, а большевиков так же недолюбливает, как и все остальные матросы. Успокоив, таким образом, несколько аудиторию, он доложил, что уже подготовлен проект декрета об организации нового флота на добровольческих началах, разъяснил сущность выработанных Верховной морской коллегией мероприятий. По словам Дыбенко, кто не пожелает служить на новом флоте, будут демобилизованы и отпущены домой. Выступал и Ф.Ф. Раскольников, членам Центробалта он пообещал серьезные

привилегии и полномочия от новой власти. С большим трудом Дыбенко удалось успокоить эсеров и анархистов. При этом члены Центробалта свое решение о снятии Дыбенко с должности не отменили, но и на его немедленном исполнении не настаивали. В конце концов, между Дыбенко и Раскольниковым с одной стороны и анархистским большинством Центробалта с другой, было достигнуто шаткое перемирие. С этим Павел Ефимович и вернулся в Петроград. Но перемирие быстро закончилось.

После того, как Центробалт призвал к ответу П.Е. Дыбенко, тот, после недолгих раздумий, переметнулся к своим старым товарищам. Среди большевистской элиты Дыбенко чувствовал себя чужаком и там с ним не слишком считались, зато среди матросов он, по-прежнему, был в авторитете.

Американец Д. Леви, внучатый племянник П.Е. Дыбенко, так писал о своем дальнем родственнике: «Еще до 23 февраля Павел Дыбенко показал себя «не заслуживающим доверия» ведущей политической структуры, поскольку продолжал отстаивать независимость флота и был, несомненно, одержим защитой плодов Октября. Такая позиция Павла Дыбенко представляла собой политическую угрозу, корни которой лежали не во второстепенных расхождениях или политической борьбе, а в его народническом и демократическом образе в глазах русского народа, вступившем в противоречие с целями ленинской фракции большевиков. Исторические этапы между Великим Октябрем и 23 февраля подтвердили нежелание Дыбенко проводить партийную линию и подчиняться Ленину... Среди политической переписки лидеров большевиков можно найти записи о нелояльности Дыбенко и о том, что ему нельзя доверять».

Наглость и упрямство матросского вожака угнетало Ильича и он только ждал удобного момента, чтобы сбросить зарвавшегося матроса с политического Олимпа, не вызвав при этом матросского мятежа, против которого у большевиков все еще не было сил. Как здесь не вспомнить воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича, который приводит фразу, брошенную Лениным еще в Женеве: «Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец... У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится».

Именно в это время Ленин начинает исподволь искать замену «преторианской гвардии революции», которой объявили себя балтийские матросы. Эту замену он увидел в латышских полках.

Парадокс, но в противовес максимально революционизированным матросам, латыши были к революции предельно равнодушны. Дело в том, что после взятия немцами Риги, оборонявшие ее латышские полки, отступили к Петербургу. Во время революционных событий они держали нейтралитет, сохранив организацию и всех офицеров-латышей. Теперь же среди всеобщей смуты и анархии, латышские полки являли собой образец порядка и дисциплины. Деваться латышам было особо некуда. Латвия была оккупирована врагами, но и в России они были чужими. Поэтому латыши держались друг за друга, образовав обособленное сообщество. Первый же зондаж В.И. Ленина относительно того, что руководство РСДРП (б) готово возвести латышей в разряд большевистской гвардии, с соответствующей оплатой за оказанные услуги, был встречен латышскими стрелками с одобрением. Куда лучше охранять большевистских вождей за хорошие деньги, чем гнить «задарма» в окопах под вражеским огнем. Однако сразу объявить о замене матросов на латышей Ленин побоялся. Разгневанная братва смела бы и латышей, и призвавших их в охрану большевиков. А посему переговоры с латышами происходили в строжайшем секрете. Да и «смену караула» решено было произвести не сразу, а позднее, в более подходящее время и в более подходящем месте. А пока Ленину и его окружению приходилось мериться со всеми безобразиями матросов и, прежде всего, с хамством и наглостью П.Е. Дыбенко.

К февралю 1918 года Балтийский флот уже почти полностью контролировался анархистами. Вторую по популярности позицию занимали эсеры. Что касается взявшей власть в стране партии большевиков, то она почти полностью утратила свои былые позиции и особой популярностью среди матросов уже не пользовалась. Положение для Дыбенко сложилось непростое. С одной стороны он был большевистским морским министром и был обязан жестко проводить на флотах линию Ленина. С другой стороны Павел Ефимович прекрасно понимал, что начини он проводить эту жесткую линию, ему несдобровать. Вчерашние друзья-братишки измены не простят. Причем едва Дыбенко качнулся в сторону Ленина, как на

матросских митингах стали раздаваться призывы сместить неугодного наркома по морским делам на того, кто будет лучше прислушиваться к мнению братвы. Понимая, что в случае большой бузы, руководство партии большевиков легко пожертвует им для умиротворения матросской массы, Дыбенко снова стал заигрывать с матросами, демонстрируя верность флотскому братству и независимость от большевиков.

Отметим, что, переметнувшись от большевиков к матросам, Дыбенко начал пить и безобразничать. Это нравилось матросам. Еще бы, Пашка-министр, одумался и вернулся к своим, и теперь гуляет напропалую вместе с ними, как с равными! Стало быть, есть он самый, что ни на есть свой в доску братишка! Но такое поведение наркома по морским делам очень не нравилось Ленину, и остальным руководителям партии.

Кстати, первым кто начал строчить доносы на Дыбенко, обвиняя его в пьянстве и «спаивании» матросов-балтийцев для «обретения дешевой популярности», был Ф.Ф. Раскольников, которого Дыбенко именовал до этого не иначе, как «друг Федя». Некоторые историки считают, что Раскольников просто завидовал стремительной карьере Дыбенко и стремился самому занять его кресло.

Все попытки А.М. Коллонтай доказать В.И. Ленину преданность Павла Ефимовича делу большевизма на этот раз успеха не имели. Впрочем, к этому времени и политическое влияние самой Коллонтай, из-за ее позиции против заключения мира с Германией, сильно пошатнулось.

* * *

11 февраля 1918 года состоялось заседание Совета Народных Комиссаров РСФСР под председательством В.И. Ленина. Совнарком заслушал доклад П. Е. Дыбенко «О переводе Морского Военного Флота на добровольческие начала» и постановил: «...Перевести флот на рекомендательную добровольческую систему. Признать проект положения, оглашенный Дыбенко, за основу. Поручить комиссии из представителей комиссариатов финансов, труда и морского обсудить проект и представить свое заключение в СНК в часовой срок...»

В процессе обсуждения проекта декрета, проходившего при участии В.И. Ленина, в него были внесены изменения. Заново была написана вступительная часть декрета. В декрете указано на классовый характер вновь организуемого флота, состоящего из добровольцев рабочих и крестьян, служащего интересам трудового народа. На этом же заседании Совнарком утвердил подписанный В.И. Лениным декрет об образовании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Вместе с В.И. Лениным декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красного Флота подписал и П.Е. Дыбенко. На заседание были приглашены представители матросы, от Законодательного совета матросы В. Полухин и С. Сакс, от Центробалта матросы А. Кабанов, А. Рак и другие, всего 38 человек.

В декрете говорилось: «Российский флот, как и армия, приведен преступлениями царского и буржуазного режимов и тяжелой войной в состояние великой разрухи. Переход к вооружению народа, которого требует программа социалистических партий, крайне затруднен этим обстоятельством. Для сохранения народного достоинства и противопоставления организованной силе – остаткам наемной армии капиталистов и буржуазии, для поддержания, в случае необходимости, идеи всемирного пролетариата приходится прибегать, как к переходной мере, к организации флота на началах рекомендации кандидатов партийными, профсоюзными и другими массовыми организациями. Ввиду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: Флот, существующий на основании всеобщей воинской повинности царских законов, объявляется распущенным и организуется Рабоче-Крестьянский Красный флот».

На следующий день по флотам и флотилиям был разослан, подписанный П.Е. Дыбенко и членами морской коллегии С.Е. Саксом и Ф.Ф. Раскольниковым, приказ, в котором был объявлен данный декрет. Тогда же решением Законодательного совета морского ведомства, Морское министерство было переименовано в Народный комиссариат по морским делам. Совнарком в тот же день назначил коллегию наркомата по морским делам под председательством наркома П.Е. Дыбенко в составе И.И. Вахrameева, Ф.Ф. Расколькова и С.Е. Сакса.

Одновременно был издан ряд приказов, усиливших большевистское влияние во флоте, обеспечивших сбережение кораблей, укрепивших

дисциплину и организованность. На кораблях и в частях были созданы специальные комиссии для набора моряков на службу в новый советский флот.

Необходимо отметить, что, несмотря на объявленную демобилизацию, подавляющее большинство матросов осталось добровольно служить во вновь создаваемом Красном флоте. Причин тому было несколько. Во-первых, этому способствовала революционная сознательность большей части матросов именно они начали революцию, именно они должны были довести ее до полной победы. Кое-кто за время революционной свободы обзавелся если ни семьей, то местной дамой сердца, которая никогда бы не поехала из Петрограда, Ревеля или Кронштадта в забытую богом деревню. Были и те, кому просто не хотелось возвращаться к скучному и однообразному сельскому или фабричному труду. На флоте да еще в революцию было куда интересней и веселей! Вспомним, что подавляющее количество матросов являлись людьми достаточно молодыми, а молодость, как известно, любит приключения и авантюры. Кроме всего прочего, являясь матросом, в сложившихся политических условиях было намного легче сделать политическую, административную или военную карьеру, чем вернувшись к рабочему или крестьянскому труду.

Был еще, наконец, еще один весьма немаловажный факт привлечения матросов к добровольной службе на флоте – деньги. Военно-морской историк К.Б. Назаренко, проанализировав тенденции изменения окладов офицеров, унтер-офицеров и матросов с 1914 года до начала 1918, сделал вывод, что больше всех выиграли (по праву победителей!) матросы. К.Б. Назаренко пишет: «По сравнению с довоенными, их оклады (в реальном исчислении) существенно возросли, причем, чем ниже было служебное положение матроса, тем больше он выигрывал. Молодой матрос, получавший до войны 9 руб. в год, стал получать с февраля 1918 г. 340 руб. в месяц, что соответствовало (с учетом 800 % инфляции) 510 довоенным руб. в год. Его оклад вырос почти в 57 раз! При этом оклад молодого матроса стал существенно превышать размер зарплаты неквалифицированного рабочего, составляя (в довоенных ценах) 42,5 руб. в месяц. Оклад самой высокооплачиваемой категории матросов – старшин-мотористов авиации вырос с 360 руб. в год (до войны) до 480 руб. в месяц, что соответствовало 690 руб. в год в довоенных ценах (рост в

1,9 раза). При сохранении таких окладов, действительно можно было решить вопрос о переводе флота на вольный найм, так как молодой матрос из рабочих, поступив на флот, серьезно выигрывал в материальном плане».

Но все хорошо было, увы, только на бумаге, в реальности все обстояло иначе. Положенное матросам жалование платили с большими задержками и часто не полностью. Причиной задержки жалования было не только его повышение, но и сокращение сметы Морского комиссариата. По свидетельству Ф.Ф. Раскольников, ему и П.Е. Дыбенко было поручено сократить смету морского ведомства, причем сами руководители ведомства «считали, что бюджет раздут». В результате якобы «сокращение дало экономию в десятки миллионов рублей». Что касается обмундирования матросов в 1918 году, да и в последующие годы, с ним все обстояло благополучно. По свидетельству И.С. Исакова, матросы, в отличие от красноармейцев, были «одеты хорошо, даже с флотским шиком».

Переход от добровольчества к комплектованию флота на основе мобилизации военнообязанных осуществлялся постепенно. Так в конце мая 1918 года в типовой договор моряка-добровольца, вступающего в ряды РККФ (принятый Совнаркома в январе 1918 года), было внесено серьезное дополнение, что поступающий на военноморскую службу принимал обязательство оставаться в рядах действующего флота до окончания войны, даже если срок заключенного с ним договора истекал в ходе военных действий. Это дополнение позволяло в некоторой степени стабилизировать численность личного состава, но оно не решало проблему пополнения флота новыми кадрами.

* * *

На следующий же день после принятия декрета о создании РККФ было введено в действие и «Временное положение о комиссарах Морского комиссариата». Положение стало первым ударом, нанесенным большевиками по матросской демократии. В положении указывалось, что на флоте вводится институт комиссаров, которые назначаются для «наблюдения и направления работ в управлениях,

учреждениях и заведениях Морского комиссариата в полном согласии с принципами идеи народовластия и постановлениями Совета Народных Комиссаров». Свою работу комиссары должны были осуществлять совместно с начальниками управлений. «Во все свои начинания, — говорилось в положении, — начальник посвящает комиссара, и решения вступают в силу лишь после того, когда достигнуто соглашение с комиссаром». Подписью комиссаров отныне должны были утверждаться все официальные приказы, циркуляры и документы. Помимо этого, на комиссаров возлагалась ответственность предотвращать «всякие контрреволюционные попытки, откуда бы они ни исходили». Комиссарам предоставлялось право назначать любые проверки в управлениях, осуществлять контроль за приемом и увольнением сотрудников и т. д.

Разумеется, что назначение комиссаров (да еще с такими широкими полномочиями!) вызвало яростное сопротивление не только матросов, приверженных идеям левых эсеров и анархистов, но и беспартийных. Поэтому матросы демонстративно не приняли назначенного комиссаром на Балтийский флот матроса-большевика Н.Ф. Измайлова. Несмотря на то, что Измайлова знал весь флот, несмотря на то, что он был депутатом четырех созывов Центробалта и даже являлся его председателем, против Измайлова сразу же открыто выступил и Центробалт, и рядовые матросы.

Обиженный Измайлов пожаловался в Смольный. Там к жалобе несостоявшегося комиссара отнеслись со всей серьезностью, и 18 февраля Совнарком под председательством В.И. Ленина вынес решение, в котором подтвердил свое назначение Н.Ф. Измайлова главным комиссаром Балтийского флота. Есть мнение, что кандидатура Н.Ф. Измайлова была выбрана, как определенный противовес П.Е. Дыбенко, с которым они давно враждовали и конкурировали. Впрочем, Дыбенко тут же подсуетился и «в помощь» Измайлову, по его предложению, были назначены комиссарами близкие к нему матросы Е.С. Блохин, А.С. Штарев и П.И. Шишко. Все трое являлись членами Центробалта. 19 февраля этой тройке были вручены мандаты за подписью В.И. Ленина. Для разъяснения полномочий комиссаров и противодействия Центробалту, в Гельсингфорс были направлены А.М. Коллонтай и А.А. Шейман, чтобы склонить членов Центробалта на свою сторону. Вряд ли центробалтовцы тогда понимали, что голосуя за

институт комиссаров, они подписывают смертный приговор самому Центробалту. Как бы то ни было, но в результате голосования, пусть с минимальным перевесом голосов, но Центробал все же принял постановление о признании комиссаров. Дело в том, что многим членам Центробалта перегибы в демократизации флота были очевидны.

25 февраля коллегия Морского комиссариата вынесла решение о назначении комиссаров и во все отделы Центробалта, с тем, чтобы еще более укрепить большевистское руководство флотом.

В своем первом приказе по Балтийскому флоту комиссар Н.Ф. Измаилов, совместно с начальником военного отдела Центробалта А.А. Ружеком, призвал моряков к укреплению боеспособности флота. «Именем Совета Народных Комиссаров Российской Республики, – говорилось в приказе, объявляем по флоту Балтийского моря, что с 20-го сего февраля вступили в исполнение возложенных на нас правительством обязанностей, т. е. к управлению всеми морскими силами Балтийского моря и к созданию нового социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Призываем всех товарищей принять горячее участие в совместной работе».

Введение института комиссаров стало существенным организационным новшеством революционной эпохи. Историк Б.Н. Назаренко так пишет о коллизиях связанных с введением комиссаров: «Появление комиссаров в учреждениях морского ведомства и в вооруженных силах вообще не было изобретением большевиков. Комиссары назначались еще Временным правительством, однако после Октября их роль существенно изменилась... В положении о комиссарах говорилось, что они «должны были явиться на свои посты и вопреки желанию и воли командиров, начальников или руководителей тех или иных учреждений, опираясь на массы, действуя в контакте с солдатами, рабочими или служащими, препятствовать всяким контрреволюционным попыткам и проводить постановления революционной власти». «Временное положение о комиссарах Морского комиссариата» было опубликовано 30 января 1918 года за подписями комиссара по морским делам П.Е. Дыбенко и членов Коллегии Ф.Ф. Раскольников и С.Е. Сакса. Согласно этому Положению, комиссары назначались Коллегией наркомата «из числа опытных и сведущих в морском деле лиц», они получали от Коллегии

инструкции и отвечали перед ней. Все доклады начальнику управления должны были делаться в присутствии комиссара, он просматривал и подписывал все исходящие бумаги, согласовывал командировки сотрудников. Пункт 5-й определял, что «Комиссар имеет право предотвращать контрреволюционные попытки, откуда бы они ни исходили, мерами по своему усмотрению». Комиссарам давалось право представлять служащих своего управления к увольнению, назначать ревизии, издавать циркуляры. В помощь комиссарам учреждений могли назначаться помощники. Комиссар по Управлению санитарной частью флота был членом Коллегии морского санитарного совета, которая входила в Совет врачебных коллегий. Комиссар по Управлению портов входил в число членов Портовой коллегии. Спустя три недели «Временное положение...» было дополнено пунктом 9, согласно которому все управления были обязаны давать справки по запросу комиссаров. 28 января в Гельсингфорсе на митинге увольняемых в запас вновь «обсуждался вопрос о т. Дыбенко, где на него лили грязь за то, что он не вооружил всех уходящих в запас, и была вынесена резолюция об отзыве т. Дыбенко», после чего Центробалт вновь обсуждал вопрос о доверии ему. Колебался и авторитет самого Центробалта. Так на заседании 29 января матрос Салтыков заявил, что «когда я приехал из Петрограда и был на собрании моряков Гельсингфорсской базы, то там нам выражают недоверие и высказывают, что нас уже подкупили, но меня никто не подкупил и я не могу этого выносить, поэтому я прошу, чтобы с меня сняли полномочия».

В Гельсингфорсе тоже начинался процесс централизации. Еще во время посещения П.Е. Дыбенко Гельсингфорса, 19 января, он, возможно, провел тайное совещание с Н.Ф. Измайловым и Е.С. Блохиным, на котором обсуждался курс на постепенный отказ от выборных органов на флоте. При этом Н.Ф. Измайлов, якобы, просил назначить его командующим флотом, а Е.С. Блохин – начальником оперативной части флота. Слухи об этом совещании обсуждались на заседании Центробалта 14 февраля.

В тот день Центробалт вынес решение о немедленном аресте Н.Ф. Измайлова и Е.С. Блохина. 18 и 19 февраля Центробалт вновь обсуждал вопрос о принципиальной допустимости назначения комиссаров, причем к этому моменту несколько комиссаров уже были

назначены «от т. Дыбенко». Произошел раскол на практически равные группировки сторонников признания комиссаров и выступавших за сохранение выборного начала. Особенно выделялся уже известный нам оратор матрос-анархист П.М. Скурихин, который говорил: «Не нужно падать духом. Нам нужно подняться, довольно нам дышать и кричать замогильным голосом, нам нужно сказать громко и звучно, чтобы не было никакого посягательства на избирательные права. Мы – члены ЦКБФ, здесь сидящие, – должны громко сказать: пусть нам не назначают людей сверху. Наша идея – выдвигать управителей снизу... Я предлагаю объявить по флоту, что нам дают кнуты; народные комиссары нам не доверяют сформирование нового флота, так пусть же они это скажут открыто». В эти дни на заседании Центробалта матрос-большевик Н.И. Курочкин мог сказать и такое: «Почему на Черноморский флот и на казначейство отпускается по 30 миллионов рублей? А почему не отпускается на Балтийский флот? Потому что Балтийский флот не раз брал за машинку Смольный».

На заседании 19 февраля А.М. Коллонтай призывала признать назначенных комиссаров, доказывая, что они будут назначаться только на переходный период от старого флота к новому, а затем снова флот вернется к выборным организациям. Заметим, что Коллонтай откровенно врала, т. к. таких решений никто никогда даже не обсуждал.

Комиссар Е.С. Блохин говорил: «Если отдавали приказ кораблю, если ему это понравилось, то он принимал; если же ему не понравилось, то он отзывал своего представителя. Довольно слов. Нужно перейти к делу. Довольно выборных организаций».

В итоге Центробалт все же признал назначаемых комиссаров, но «заявил протест» народным комиссарам, «чтобы впредь не возникло тому подобных недоразумений на формальной почве». В тот же день, заслушав доклад члена Центробалта А.С. Штарева о положении в стране, было решено «предложить военному отделу срочно отдать приказ о приведении всех судов Гельсингфорсской базы в готовность к выходу в Кронштадт». 20 февраля появился приказ о вступлении в управление Балтийским флотом главного комиссара Н.Ф. Измайлова и начальника военно-морского отдела А.А. Ружека. При этом Центробалт продолжал функционировать и даже издал 1 марта воззвание к морякам Балтийского флота с опровержением слухов о

том, что он сложил свои полномочия. «Мы сложим свои полномочия только тогда, когда вы скажете, что Центробалт, вам не нужен. Пусть будет предатель тот, кто хочет уничтожить последнюю организацию. Вы создали Центробалт, и только вы можете его распустить. Не верьте провокационным слухам! Долой провокаторов, долой отдельных карьеристов!». Тем не менее, через три дня, 4 марта, Центробалт был объявлен распущенным.

Знаток матросской вольницы писатель В.Вишневский, не мог оставить без внимания момент прибытия на флот первых комиссаров и то, как их встречали. В своей знаменитой пьесе «Оптимистическая трагедия» В. Вишневский приводит следующий разговор между матросами: «Вожак: Почему шум?

Сиплый (помощник Вожака): Отвечать!

Алексей (анархист): К нам назначен комиссар.

Вожак: Что горло дерешь? От какой партии?

Алексей: Правительственной. Большевиков.

Вожак: Привыкнет. Воспитаем».

Чем любопытен данный отрывок. Во-первых, тем что Вожак первым делом интересуется от какой партии назначен комиссар, т. е. РКП(б) на тот момент еще не имела монополию на комиссарство и комиссар мог быть назначен, как от левых эсеров, так и от анархистов. Во-вторых, информация о том, что комиссар назначен от правительственной, большевистской партии вызывает откровенное разочарование Вожака (выразителя взглядов анархистствующей матросской вольницы). При этом Вожак достаточно спокоен. На своем веку он видел и не такое. Отсюда и его лаконичное заключение: «Привыкнет. Воспитаем». Так было и в реальности – матросская вольница, встречая первых комиссаров, полагала, что легко справится с ними, и комиссары, проникнувшись духом левого радикализма, быстро вольются в матросские ряды. В действительности все вышло иначе...

Глава четвертая

Расправа с министрами-капиталистами

По логике развития политических событий, матросы неизбежно должны были уступать властные полномочия большевикам. Но, как мы уже знаем, делать этого они не желали. Почувствовав себя мощной и самостоятельной политической силой, матросы упивались властью и безнаказанностью. Не мудрено, что в такой ситуации разгул матросов в Петрограде превысил все мыслимые пределы. Если раньше пьяные матросы громили магазины и «шмонали» буржуев, убивая их при малейшем сопротивлении, то теперь им этого было уже мало. Матросы вели себя, как хозяева жизни. Они врываются в гостиницы и с револьверами в руках «реквизировали» бумажники жильцов, «национализировали» особняки, вышвыривая на улицу их обитателей. Заметив, к примеру, стоявший у обочины автомобиль американского Красного Креста, принадлежавший полковнику Робинсу, анархисты тут же «обобществили» его, впрыгнув в машину и укатив на ней. В оправдание своих бандитских действий они заявляли, что именно они «являются настоящими революционерами, более радикальными, чем большевики». Любопытно, что В.И. Ленин, выступая 12 января 1918 года на 3-м съезде Советов, вместо осуждения бандитов, вынужденно говорил о некоем «свежем течении анархизма», которое «видит жизненность и способность вызвать в массах сочувствие и творческую силу».

Главным оплотом беззакония и бандитизма являлся 2-й Балтийский флотский экипаж. Среди всех остальных флотских экипажей, 2-й Балтийский (да еще отчасти Гвардейский) занимал особое место. Во-первых, он был расположен в Петрограде и его матросы всегда находились в эпицентре политических коллизий. Во-вторых, именно на базе 2-го Балтийского экипажа с самого начала мировой войны формировались матросские батальоны, которые отправлялись на сухопутные фронты. Поэтому именно матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, как никакие другие, имели реальный опыт сухопутных боев, что делало их особо ценными в условиях революции и начинавшейся гражданской войны.

Историк М.А. Елизаров считает: «Матросы 2-го Балтийского экипажа, несмотря на его уголовные формы, были все же проявлением соперничества между большевиками и матросами, назревшего в первые дни 1918 г., за право быть в авангарде революции, за власть в городе, в котором матросы экипажа вели себя совершенно независимо от власти СНК. К тому же матросы экипажа, отличившиеся в восстании в Петрограде в дни Февральской революции, чувствовали определённую ревность к успехам большевиков в последующем развитии революции и среди них весь 1917 год были распространены антибольшевистские настроения».

Помимо всего прочего, правительственным комиссаром во 2-м Балтийском флотском экипаже являлся широко известный и популярный среди балтийских матросов анархист матрос Анатолий Железняков. Именно матросы 2-го Балтийского экипажа сыграли ведущую роль в событиях Октябрьского переворота большевиков. Поэтому они, не без оснований, считали себя главными революционерами и на всех остальных смотрели свысока.

Еще в начале ноября 1917 года А.Г. Железняков вместе с Н.А. Ховриным организовали матросский отряд для установления Советской власти в Москве, назвав его 1-й отряд Петроградских сводных войск. Так как подавляющую часть отряда составили матросы-анархисты 2-го Балтийского флотского экипажа, фактически и отрядом командовал А.Г. Железняков. К финалу большевистского восстания в Москве железняковцы опоздали. Но не возвращаться же без победы обратно! Поэтому, захватив в Туле оружие, они двинули в Харьков. Там их радостно встретили местные революционеры во главе с Артемом (Ф.А. Сергеевым). Железняков и его товарищи, «по наводке» Артема, произвели аресты нескольких десятков буржуев, большую часть которых сразу и расстреляли. После этого Железняков с частью отряда отправился в соседний Чугуев, чтобы установить Советскую власть и там. Для смены власти в Чугуеве требовалось, прежде всего, разоружить местное юнкерское училище, и разогнать городскую думу. В Чугуеве все сложилось для матросов удачно. Не зная, что с бронепоездом прибыло всего сотня моряков, командование юнкерского училища (где находилось более 700 юнкеров) почти сразу согласилось сдать оружие. После этого А.Г. Железняков с матросами направился к зданию Чугуевской городской думы, где по его приказу

были собраны не только чугуевские думцы, но местные богачи и чиновники. Железняков поднялся на трибуну и потребовал немедленного и полного разоружения города и передачи власти в руки трудящихся. Матросский ультиматум был встречен протестующими криками. В ответ, по команде Железнякова, матросы начали палить по окнам. На собравшихся посыпались осколки стекол.

– Дальше будет еще хуже, – предупредил Железняков.

После этого он выхватил из-за пояса гранату и высоко поднял ее над головой. Выхватили гранаты и остальные матросы.

– Все, кончайте этот цирк! – заявил Железняков. – Иначе от ваших тел через секунду останутся одни ошметки! Я взорву сейчас вас и себя! Даю вам полминуты, чтобы спастись! Иначе все здесь поляжете!

Испуганные думцы бросились вон из зала. «Операция по установлению Советской власти в Чугуеве прошла успешно», – телеграфировал А.Г. Железняков в Петроград. И тут же получил ответную телеграмму: «Поздравляем, молодец. Возвращайтесь скорей – тут назревают крупные события».

Чугуевская авантюра стала для А.Г. Железнякова и его матросов хорошей репетицией перед куда более масштабной акцией, которую ему вскоре суждено будет осуществить.

* * *

Нельзя сказать, что большевики не пытались обуздать братишек из 2-го Балтийского. Но реально подступиться к анархистствующему флотскому экипажу они смогли только после того, как там возникли внутренние противоречия, в частности противоречия между идейным анархистом А.Г. Железняковым и его старшим братом, крайним экстремистом Г.Г. Железняковым (Жоржем, как его звали дружки-матросы,). Что касается старшего брата А.Г. Железнякова, то он был, по своему, так же знаковой личностью. Г.Г. Железняков отличался патологической жадностью к наживе и жестокостью к беззащитным жертвам. В реальности никаким матросом он не был, как и не был идейным анархистом, зато бандитом был настоящим. Когда-то Г. Железняков немного плавал на буксире в одном из волжских затонов. Потом больше сидел по тюрьмам за разные уголовные дела. В

Петрограде он появился незадолго до октября 1917 года, записался в отряд анархистствующих матросов линкора «Республика», нацепив соответствующую бескозырку, и вскоре, за счет авторитета младшего брата Анатолия, занял в среде анархистствующих матросов главенствующее положение. Быстрому возвышению Жоржа способствовало его уголовное прошлое, физическая сила и жестокость. К началу 1918 года в подчинении у Жоржа была целая банда из матросов 2-го Балтийского экипажа, наводившая ужас на жителей Петрограда. Еще бы, если другие матросские банды больше грабили, чем убивали, то банда Жоржа и грабила, и убивала, причем последнее делала с особым изуверством. По наблюдению В.Д. Бонч-Бруевича, братья друг друга открыто недолюбливали и отчаянно конкурировали за популярность среди матросов. Историк М.А. Елизаров, однако, считает, что на самом деле между братьями Железняковыми и возглавляемыми ими матросами не было столь резкого конфликта, как его описывал В.Д. Бонч-Бруевич. В конфликте, помимо всего прочего, начала играть роль позиция по вопросу о возможности окончания перемирия с немцами.

Возможно, впрочем, что настоящей причиной конфликта внутри 2-го Балтийского флотского экипажа стала не столько конкуренция двух братьев- лидеров, а противоречия между местным контингентом и вернувшимися матросами 2-го Балтийского экипажа с Украины, где они силой установили новую власть в ряде городов. Герои советизации Украины желали отобрать у «местных» право считаться самыми революционными из всех революционеров.

А затем произошло вообще нечто из ряда вон выходящее. Все началось с того, что 11 декабря 1917 года были арестованы по декрету «об аресте вождей гражданской войны», прибывшие в Петроград на открытие Учредительного собрания, два бывших министра Временного правительства кадеты Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев. Министры были арестованы на квартире известной графини С.В. Паниной и помещены в Петропавловскую крепость. Там здоровье немолодых министров ухудшилось и после длительных ходатайств перед Смольным, в ночь с 5-го на 6-е января они были перевезены в больницу.

В ночь с 6 на 7 января 1918 около тридцати матросов со вспомогательных судов «Ярославец» и «Чайка», с криками «вырезать»,

«лишние две карточки на хлеб останутся» направились к Мариинской больнице. Расставив, на всякий случай, посты на соседних улицах, около десятка матросов подошли к входу в больницу и начали стучать в дверь, крича: «Сторож, открывай! Здесь есть арестованные министры! Мы пришли на смену караула!» Увидев толпу вооруженных матросов, перепуганный сторож впустил их в больницу. После этого анархист матрос С.И. Басов, знавший расположение палат Кокошкина и Шингарева, повел матросов на 3-й этаж. Сначала они ворвались в палату А.И. Шингарева. Здоровенный матрос-эстонец Оскар Крейс схватил его за горло, повалил на кровать и начал душить. Настигнутый врасплох, Шингарев попытался спросить: «Что, вы, братцы, делаете?» Однако матросы, крича, что «убивают министров за 1905 год», и «довольно им нашу кровь пить», стали беспорядочно в него стрелять из револьверов и колоть штыками.

Затем убийцы направились в палату Ф.Ф. Кокошкина, который уже спал. Тот же Крейс начал его душить, схватив за горло, после чего матрос Я.И. Матвеев, двумя выстрелами в рот и сердце Кокошкина добил. Исполнив «свой классовый долг», матросы покинули больницу. При этом, уходя, они не удержались и от мародерства. В комнате Шингарева матросы прихватили кожаную куртку убитого, которую тут же вручили, как награду, анархисту Басову. После этого матросы начали требовать от Басова, чтобы тот повел их в Петропавловскую крепость, где они намеревались расправиться с содержащимися там под арестом остальными министрами Временного правительства. Когда же Басов объяснил им, что караул Петропавловской крепости может оказать вооруженное сопротивление, матросы от этой идеи отказались, решив, что лучше пойдут в лечебницу Герзони, где в это время находилось на излечении еще три министра. Однако затем матросы поостыли, решив вначале отпраздновать уже совершенные убийства, а уже потом приниматься за новые.

Из воспоминаний сестры А.И. Шингаревой (сестры убитого): «...В половине первого пришли «они» и убили его. Пришли под предводительством солдата Басова, который брал у меня деньги, сказал, что идет сменить караул. Солдат Басов потребовал у сиделки лампу. Часть матросов осталась на лестнице, а другие пошли в комнату Андрея Ивановича (Шингарева – В.Ш.) и там, когда Басов светил, его убили тремя выстрелами в лицо, грудь и живот. Затем пошли комнату

Кокошкина, убили того и сейчас же ушли. Внизу швейцару сказали, что сменили караул и ушли. Растерявшиеся сиделки от страха не знали, что делать. Проснувшиеся больные подняли тревогу. Кто-то побежал вниз, сказал швейцару. Пришел дежурный врач. Кокошкин был мертв. Андрей Иванович еще жил, был в сознании. Через полчаса он умер, уже без сознания».

По показаниям свидетелей, двое ставших известными из группы убийц были с посыльного судна «Чайка». Можно предположить, что главную роль здесь могли сыграть матросы отряда А.Г. Железнякова и 2-го Балтийского флотского экипажа. Предпосылкой убийства стало недовольство солдат из охраны Петропавловки переводом их «подопечных» в больницу. Они пожаловались матросам на «двуличность власти». Солдаты не сомневались в праве матросов решать, по своему усмотрению, любые вопросы. Что касается самих с матросов. То они на самом деле считали себя никому не подсудными. Надо помнить, что в матросской среде были еще свежи воспоминания о бегстве А.Ф. Керенского (при штурме Зимнего дворца) и Л.Г. Корнилова (при занятии Ставки) от матросского правосудия.

Вышедшая на следующий день газета «Известия» осудила преступление, сообщив: «Помимо прочего, это плохо и с политической точки зрения, так как – сокрушительный удар, нацеленный на революцию, на Советскую власть». Большевистская «Правда» в «шапке» крупным черным шрифтом писала: «Везде и всюду великая рабочая и крестьянская революция побеждает! И ей не нужны дикие убийства!...»

Что касается П.Е. Дыбенко, то он, по указанию А.м. Коллонтай, номинально осудил акцию, написав при этом замечательный приказ: «Честь революционного флота не потерпит позорного обвинения революционных матросов в убийстве беспомощных врагов, да еще содержащихся под стражей. Я призываю тех, кто принял участие в убийстве... добровольно предстать перед Революционным трибуналом».

Зверское убийство министров стало последней каплей, которая переполнила терпение В.И. Ленина относительно матросских бесчинств. По его приказу была образована следственная комиссия в составе В.Д. Бонч-Бруевича, наркома по морским делам П.Е. Дыбенко и наркома юстиции, левого эсера И.З. Штейнберга.

* * *

Т. 4. 1. 7.

№ 16.

ЗА СВОБОДУ!

Впередъ идемъ! За КЕРЕНСКИМЪ!

Съѣздъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, вся Россія, весь міръ зоветъ Васъ!

За родину, за вѣчный міръ и за свободу!

Воззваніе къ арміи СОЛДАТЫ и ОФИЦЕРЫ!

Временнымъ Правительствомъ революціонной Россіи вы призваны къ наступленію. Организованные на демократическихъ началахъ, закаленные въ огнѣ революціи, вы смѣло двинулись въ бой.

Вамъ, на поляхъ сраженія, защищающимъ дѣло революціи, льющимъ кровь за свободу, за приближеніе всеобщаго мира, Всероссийскій Съѣздъ Советовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Исполнительный Комитетъ Всероссийскаго Совета Крестьянскихъ Депутатовъ шлутъ свой братскій привѣтъ.

Россійская революція давно призываетъ къ борьбѣ за всеобщій миръ народы всѣхъ странъ. Пока нашъ призывъ не принятъ народами Европы, не по нашей винѣ продолжится война.

Ваша, доказанная наступленіемъ организованность и сила придастъ весь голосъ революціонной Россіи въ обращеніяхъ къ воюющимъ съ ней, нейтральнымъ и союзнымъ странамъ и приблизитъ окончаніе войны.

Всѣ наши помыслы съ Вами, сыны революціонной арміи.

Въ эту рѣшительную часть Всероссийскій Съѣздъ Советовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Исполнительный Комитетъ Всероссийскаго Совета Крестьянскихъ Депутатовъ призываютъ страну напяркъ всѣ силы на помощь арміи.

Крестьяне—дайте арміи хлѣбъ.

Рабочіе,—пусть армія не терпитъ недостатка въ снарядахъ.

Солдаты и офицеры въ тылу—маршевыми ротами и цѣлыми полками по первому приказу идите на фронтъ.

Граждане,—помните всѣ о вашемъ долгѣ.

Никто не смѣетъ въ эти дни уклоняться отъ выполнения долга передъ родиной.

Советы Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ остаются на стражѣ свободы Россіи.

Солдаты и офицеры. Пусть же сердца ваши не вѣдаютъ сомнѣній.

Вы бьетесь за свободу и счастье Россіи. Вы бьетесь за приближеніе всеобщаго мира.

Гордый привѣтъ вамъ братья. Да здравствуетъ революція, да здравствуетъ революціонная армія.

Всероссійскій Съѣздъ Сов. Раб. и С. Депутатовъ.

Исполнительный Комитетъ Всероссийскаго Совета Крестьянскихъ Депутатовъ.

КОМИТЕТЪ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДУХА. — Петроградъ, Кирочная, 54. Тел. 6—36.

Через несколько дней даже в провинциальных газетах можно было уже прочитать о результатах следствия, с довольно подробным описанием картины убийства, о том, что имена убийц стали известны ЧК. Получалось, что осталось только их только арестовать. Вскоре один из участников расправы с министрами матрос-анархист (Дальский) был действительно отдан под трибунал. Однако затем публикации о ходе расследования над убийцами министров в газетах резко пошли на убыль, а затем и вовсе прекратились. Увы. Но В.И. Ленин в очередной раз пошел на попятную. Причиной этого было, видимо, не только сопротивление матросских низов и в особенности недовольство 2-го Балтийского флотского экипажа, и другие случаи обозначившие нарастающее противостояние матросов и большевиков. Не случайно в те дни имели место слухи вообще о возможном взятии власти матросами в свои руки, причем, даже с вариантом реставрации царской власти! Позиция В.И. Ленина в этой ситуации была неоднозначной. И.З. Штейнбергу, настойчиво добивавшемуся наказания виновных, Ленин говорил: «Мы что, должны драться с ними? ...Именно потому, что матросы демонстрируют свой гнев и угрожают нам, мы не имеем права уступать... Берегитесь, а то в один прекрасный день и мы окажемся жертвами матросов». Что тут еще можно сказать, когда лидер большевиков, не стесняясь, признается, что боится оказаться жертвой распоясавшейся братвы!

Демонстрация в Санкт-Петербурге 1917 г.

7 января 1918 года Совнарком, заслушав доклад наркомюста Штейнберга, поручил наркомату юстиции «в кратчайший срок проверить основательность содержания в тюрьмах политических заключенных... всех же, кому в течение 48 часов не может быть предъявлено обвинений, освободить». Не удовлетворившись этим, левые эсеры подняли вопрос о привлечении в комиссию по расследованию убийства «представителей от Центральные комитетов всех партий».

Следы убийства привели в отряд матросов-анархистов, расквартированный во 2-м Балтийском флотском экипаже, которым командовал Г.Г. Железняков. Как было выяснено, идея расправы над министрами родилась у матросов-анархистов спонтанно, под влиянием алкоголя и желания «ускорить мировую революцию». В течение нескольких дней комиссии удалось установить личности всех участников убийства и арестовать 8 человек (матросов С.И. Басова, Куликова, Рудакова, Блюменфельда, Михайлова, Арметьева, Семенова,

Розина). Впрочем, матросы от следственной комиссии особо и не скрывались, полагая, что все им сойдет с рук.

Когда В.Д. Бонч-Бруевич направился в отряд Г.Г. Железнякова, то нашел того пьяным в стельку и добиться ничего не смог. Несмотря на все красноречие В.Д. Бонч-Бруевича, 2-й Балтийский экипаж наотрез отказался выдавать матросов О. Крейса и Я.И. Матвеева, а потому оба к суду привлечены так и не были под предлогом, что «не были разысканы». Что касается остальных участников убийства министров, то они дали подробные показания, после договоренности, что будут «содержаться под арестом» во 2-м Балтийском экипаже, т. е. фактически оставшись на свободе.

В конце января 1918 года В.И. Ленин, заслушав доклад следственной комиссии по делу об убийстве Кокошкина и Шингарева, выразил ей благодарность за быстрое завершение следствия и объявил комиссию распущенной. Наркому юстиции Штейнбергу было поручено в кратчайшие сроки провести это дело через органы юстиции, а наркому по морским делам Дыбенко – разыскать матросов, которые к этому времени не были еще найдены. Когда же ажиотаж вокруг убийства министров спал, дело было спущено на тормозах. По инициативе Дыбенко, и с молчаливого согласия Ленина, все фигуранты дела были окончательно отпущены на свободу. Любопытно, что В.И. Ленин, весьма уважительно относящийся к лидеру меньшевиков И.Г. Церетели (бывшему министру почт и телеграфов Временного правительства), посоветовал ему после убийства Шингарева и Кокошкина, через посредников, побыстрее уехать в Грузию, т. к. матросы уже наметили его своей следующей жертвой. Что можно сказать, когда глава правительства огромной страны бессилён гарантировать безопасность своему сотоварищу, только из-за того, что на последнего «обиделись» матросы! Любопытно и то, что сразу же после убийства министров, друзья посоветовали, лечившемуся от туберкулеза в больнице Герзони основателю российского социалистического движения Г.В. Плеханову, не испытывать судьбу, а так же побыстрее куда-нибудь уехать. Не слишком хорошо разбираясь в нюансах социалистических учений, матросы вполне могут придти ночью и за ним. Испуганный Плеханов тут же сбежал из Петрограда в санаторий близ Териоки (ныне Зеленогорск), где спустя три месяца и скончался.

В пылу разбирательств и препирательств по делу убийства министров- капиталистов, все почему-то забыли, что в ту же ночь пьяными матросами была перебита еще куча людей. Их убивали вообще ни за что. Просто входили в палаты и расстреливали всех без разбора из винтовок, ну, а тех, кто пытался убежать, докалывали штыками. Этих несчастных, тихо похоронили 9 января на Преображенском кладбище в Петербурге. Среди них были наборщики типографии ЦК партии эсеров А. Ефимов и М. Перевозников, эсерка Е. С. Горбачевская, солдат С. Яриков, представитель Иркутского округа в Исполнительном комитете Совета крестьянских депутатов 1-го созыва Г.И. Логинов, чиновник контрольной палаты Г.А. Лопатин, студент Петербургского университета Цинцадзе, солдат В. Филиппов. Увы, если убийство министров вызвало хотя бы лицемерное негодование и формальную попытку расследования, то об этих бедолагах, случайно оказавшихся на пути пьяных матросов, никто даже и не вспомнил...

Глава пятая

Разгон Учредительного Собрании

Итак, первую атаку на новую власть Керенского и казаков генерала Краснова большевики, с помощью матросов, отбили. Между тем большевикам предстояло еще одно серьезное политическое сражение. На этот раз за Всероссийское Учредительное Собрание. Дело в том, что большевики, совершив Октябрьскую революцию, 1917 года назвали себя Временным Советским правительством, объявив, что берут власть лишь временно, исключительно до созыва Учредительного собрания и в случае поражения на выборах в собрание «уступят воле народа».

Вместе с тем, накануне созыва Учредительного собрания началась быстрая поляризация политических сил. К этому времени большевиками были недовольны не только правые силы, но и многие левые сторонники. К январю 1918 года стало очевидным, что реальная политика большевиков не отвечает представлениям широких масс о подлинно народной власти.

Созыв Учредительного Собрания народных представителей со всей России являлся основной политической задачей Временного правительства еще с марта 1917 года. Решением Временного правительства от 9 августа 1917 года, выборы в Учредительное Собрание были назначены на 12 ноября, а открытие – на 28 ноября 1917 года. После низложения Временного правительства, в ночь с 25 на 26 октября в Смольном начал работать 2-й Всероссийский съезд Советов. На втором заседании он избрал новое Временное правительство во главе с В.И. Лениным, которое должно было работать только в течение ближайшего месяца до момента открытия Учредительного Собрания. Разумеется, что большевики не торопились с созывом Учредительного собрания и выборы растянулись с ноября по декабрь. Всего было организовано 79 округов с 90 миллионами избирателей. В голосовании приняло участие 45 миллионов человек. Таким образом, Учредительное Собрание было гораздо более легитимно, чем Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на

котором большевики фактически захватили власть.

Первое время В.И. Ленин и его окружение полагало, что им удастся обеспечить себе большинства на Учредительном Собрании, но итоги выборов делегатов не оправдали их ожидания. 12 по 14 ноября 1917 года по всей России прошли выборы в Учредительное собрание. На выборах убедительную победу одержали правые эсеры. Они получили в Учредительном Собрании 370 делегатских мест, большевики всего 175, левые эсеры – 40, кадеты – 17, меньшевики – 16, незначительные политические группы – 80. Откровенно против большевиков был настроен и Петроград. Итоги выборов в Учредительное собрание стали серьезным политическим поражением большевиков, наглядным

доказательством того, что взятая ими власть в стране не поддерживается большинством россиян, а потому нелегитимна. Но и это не все! Из всех представленных в Учредительном Собрании партий большевики оказались единственными, кто не опубликовал своей предвыборной программы. Разумеется, это было не случайно. Историки считают, что если бы они официально провозгласили свою политическую цель – установление диктатуры пролетариата, то вряд ли получили бы и свои 175 мест.

Итак, еще до созыва Учредительного Собрания стало совершенно очевидно, что никаких шансов остаться у власти законным путем большевики не имеют. Разумеется, В.И. Ленин и его соратники сразу же начали делать все, возможное, чтобы сохранить захваченную власть в своих руках. Первоначально они перенесли открытие Учредительного Собрания с 28 ноября 1917 года на 5 января 1918 года, рассчитывая, что за это время ситуация может измениться в их пользу. В ответ на это 22–23 ноября в Петрограде из представителей Петроградского Совета, профсоюзов и всех социалистических партий (за исключением большевиков и левых эсеров) был создан «Союз защиты Учредительного Собрания». Однако «Союз» на активные действия так и не решился, прежде всего, из-за того, что в декабре 1917 года царские генералы начали формировать контрреволюционную армию на Дону. В этих условиях, исходившая от большевиков опасность показалась членам «Союза защиты Учредительного Собрания» менее значимой. Большевики рассматривались членами «Союза», как временно запутавшиеся, ошибающиеся, но, в принципе, свои товарищи-социалисты. Это чистоплюйство оказалось роковым.

Дело в том, что отдавать власть большевики не собирались ни при каких обстоятельствах. Что ж, В.И. Ленина можно было понять. Он всю жизнь сражался, создавал боеспособную политическую партию, организовывал восстания и мятежи, сидел в тюрьме, прозябал в ссылке и в эмиграции, скрывался в подполье, рисковал всем, организуя собственную революцию, и вот теперь, когда пришло время пожинать ее плоды, он должен был и «за просто так» отдать власть каким-то демагогам и случайным людям! Разумеется, что для большевиков все было бы куда проще, одержи они победу на выборах в Учредительное

Собрание. В этом случае не нужно было бы ломать копий и все бы устроилось само собой. Но этого не произошло.

Что оставалось в такой обстановке делать В.И. Ленину, чтобы удержать ускользающую власть? Только уничтожить само Учредительное Собрание как политический институт! При этом решать этот вопрос надлежало очень грамотно и ювелирно. При этом Ленин желал решить вопрос с Учредительным Собранием, по возможности, мирно, так как откровенно насильственные действия могли спровоцировать гражданскую войну с непредсказуемым результатом.

При этом отношение большинства самих матросов к Учредительному Собранию лучше всех выразил всеобщий матросский любимец А.Г. Железняков, который, как писал П.Е. Дыбенко, «искренно возмущался еще на втором съезде Балтфлота, что его имя предложили выставить кандидатом в Учредительное Собрание».

Известный историк Ю.Г. Фельштинский пишет: «Большевики... пытались найти менее рискованное, чем разгон, решение проблемы. 20 ноября на заседании Совнаркома И.В. Сталин внес предложение о частичной отсрочке созыва. Предложение Сталина: не разгонять Учредительное Собрание, а оттянуть его открытие. Но кто у нас прислушивался к голосу благоразумия? В то время в партии большевиков безраздельно господствовали политические экстремисты». Фельштинский продолжает: «Решено было подготовиться к разгону. Совнарком обязал комиссара по морским делам П.Е. Дыбенко сосредоточить в Петрограде к 27 ноября до 10–12 тысяч матросов». Учитывая это, можно предположить, что А.С. Штарев и Н.А. Ховрин, нагнетая обстановку в Центробалте, просто выполнили негласное указание П.Е. Дыбенко.

Учредительное собрание ноябрь 1917 г.

22 ноября 1917 года постановлением Балтийско-флотской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии членами Учредительного Собрания оказались кандидаты списка № 2 РСДРП (б) П.Е. Дыбенко и В.И. Ленин. Заметим, что на выборах в Учредительное Собрание по Балтийскому флотскому округу В.И. Ленин и П.Е. Дыбенко набрали равное количество голосов, по 60 тысяч. При этом Дыбенко проходил от Балтийско-флотской избирательной комиссии под № 1, то Ленин, всего лишь под № 2. Это говорит о том, что авторитет Дыбенко в конце 1917 начале 1918 года был, как минимум, равным авторитету Ленина. Это понимали оба. Все другие кандидаты набрали намного меньше. Но почему В.И. Ленин вообще шел в Учредительное Собрание именно по спискам Балтийского флота? Конечно, это не было случайностью. Только Балтфлот, только Центробалт и соответственно только Дыбенко, могли дать Владимиру Ильичу полную гарантию избрания его в члены Учредительного собрания. Более надежных избирателей, как матросы, тогда у большевиков просто не существовало. И в этом большевики снова продемонстрировали свою полную зависимость от матросской массы.

* * *

Итак, уже в конце ноября 1917 года В.И. Ленин попросил П.Е. Дыбенко сосредоточить в столице до десяти тысяч матросов, чтобы произвести должный эффект и припугнуть съезжавшихся в Петроград депутатов. При этом существовала определенная опасность, что матросы могут неожиданно переметнуться на сторону депутатов из левых эсеров и анархистов. Но иного выхода у В.И. Ленина просто не было. На тот момент матросы все еще оставались единственной реальной вооруженной силой, к помощи которой большевики могли прибегнуть. А потому вся надежда В.И. Ленина была только на П.Е. Дыбенко и других авторитетных матросских вожakov, стоявших на большевистских позициях и имевших рычаги управления вечно kloкочущей и непредсказуемой матросской массой.

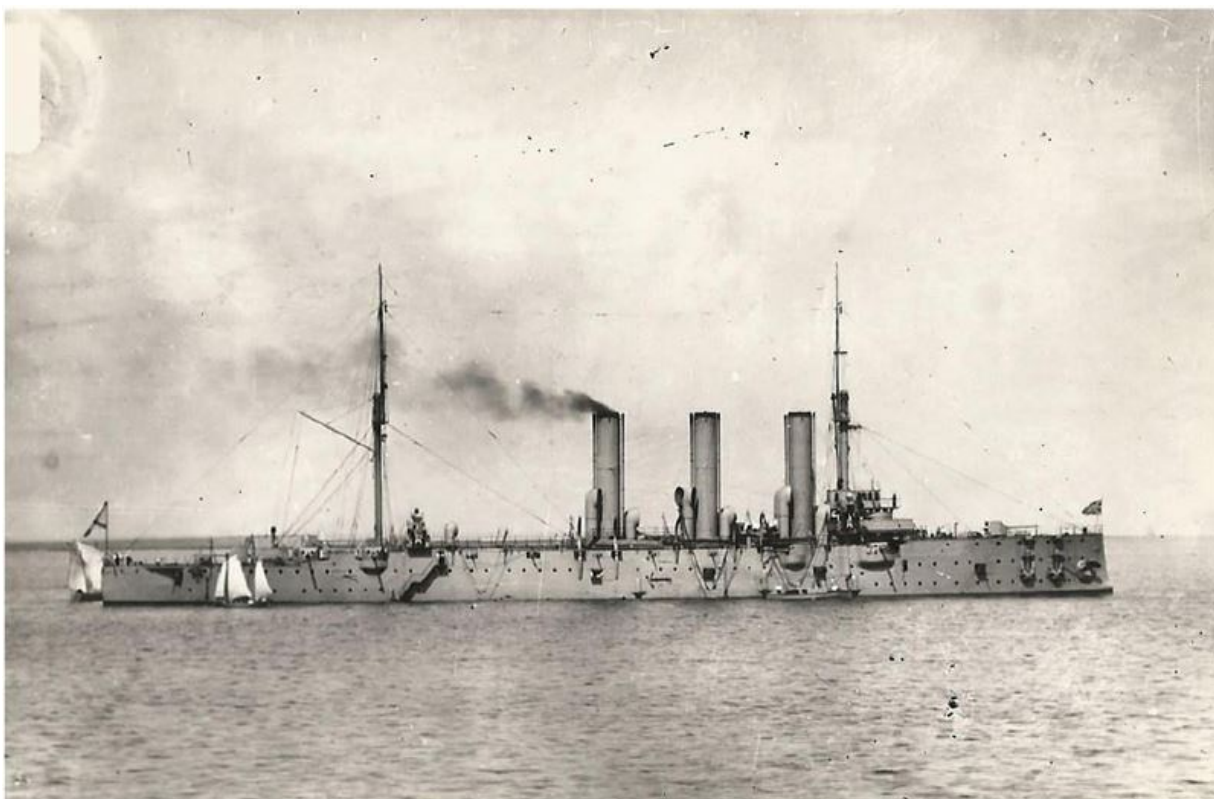
Именно в этот момент происходят два террористических акта. 1 января 1918 года в Михайловском манеже, после выступления перед убывавшим на фронт первым отрядом социалистической армии происходит покушение на В.И. Ленина. В отношении участников этого покушения выдвигались и выдвигаются различные версии, в том числе, что в нем участвовали некоторые большевики, заинтересованные в нагнетании напряженности и введении террористических методов борьбы с контрреволюцией. Не исключено, что в покушении могли принять участие и матросы, особенно связанные с комиссаром Временного правительства на Балтийском флоте Ф.М. Оникко, который проявлял наибольшую активность в планах покушения на В.И. Ленина. Впрочем, само покушение вообще могло быть лишь инсценировкой.

Одновременно на крейсере «Аврора» происходит случай массового отравления, после которого около двухсот человек было отправлено в госпиталь. По некоторым сведениям двадцать матросов в результате пищевого отравления умерли. Позднее выяснилась причина – из порта на корабль поступила большая партия отравленного окорока. Вряд ли в окорок кто-то специально вкалывал отраву. Скорее всего, продовольственные чиновники просто сбывли просроченный и негодный к употреблению продукт. На самой «Авроре», впрочем, думали иначе и ответственность за отравление возложили не на

нерадивых чиновников, а на «провокатора» – стоявшего дежурным по камбузу анархистски настроенного матроса Силаева. Однако в условиях широкого распространения слухов, в связи с покушением на В.И. Ленина, случай на «Авроре» получил большой резонанс.

В ночь с 3 на 4 января 1918 года П.Е. Дыбенко прислал в Центробалт телеграмму, в которой просил прислать в Петроград первый отряд в тысячу матросов, так как «буржуазия готовится разогнать съезд Советов и все демократические организации».

Утром 4 января на заседании Центробалта матрос-большевик А.С. Штарев проинформировал центробалтовцев о гибели двадцати человек на «Авроре» в результате отравления и, связав этот факт с покушением на жизнь «некоторых комиссаров», заявил, что он лично открыл заговор против Советской власти. Матроса А.С. Штарева поддержал такой авторитет, как матрос-большевик Н.А. Ховрин, который к этому времени, так же лично, по его словам, раскрыл другой антисоветский заговор. Пинкертоновские успехи сразу двух матросов-большевиков произвели должное впечатление на членов Центробалта. И, если ранее они не выражали особого желания посылать для «контроля за работой» собираемого Учредительного собрания в Петроград матросов, то на фоне «раскрытия» сразу двух вражеских заговоров, дружно проголосовали о посылке сразу тысячи вооруженных матросов. Честно говоря, создается впечатление, что А.С. Штарев и Н.А. Ховрин, в данном случае, просто выполнили задание П.Е. Дыбенко и вынудили Центробалт в очередной раз выручить РСДРП (б). Отметим, что в своих поздних мемуарах Н.А. Ховрин ни одним словом не упоминает о лично раскрытом им в ноябре 1917 года некоем контрреволюционном заговоре.

Крейсер «Аврора» 1917 год

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «В тот же день я и Железняков встретились с Дыбенко. Он занимал огромный кабинет морского министра. На письменном столе рядом с массивным чернильным прибором лежала матросская бескозырка, и стоял на домятой газете железный чайник. Дыбенко мы видели в последний раз в сентябре перед отъездом на 2-й Всероссийский съезд Советов. С тех пор щеки его заметно ввалились, а борода прибавила в длине. Но, как всегда, от него веяло энергией и решимостью. Он рассказал, что в связи с приближением дня открытия Учредительного собрания, начинают поднимать голову явные и замаскированные контрреволюционеры. Многие революционные части сейчас помогают устанавливать Советскую власть на периферии. В столице есть не совсем надежные полки, в которых враги ведут скрытую агитацию. Что касается Красной гвардии, то люди в ней, безусловно, преданные, но им не хватает воинской выучки и умения.

— Короче говоря, — сказал Дыбенко, — Совнарком решил ко дню открытия Учредительного собрания подтянуть в Питер матросские

отряды. Думаю, что из Кронштадта надо взять примерно тысячу человек. Столько же даст и Гельсингфорс. Формирование отрядов поручается вам.

После разговора с Дыбенко я без промедления отправился на Финляндский вокзал, а Железняков – на Балтийский. Прибыв в Гельсингфорс, пошел в Центробалт, который помещался теперь на бывшей царской яхте «Штандарт». Но и «Полярная звезда», по-прежнему, стояла здесь же, у стенки. Новый председатель ЦКБФ Николай Измайлов встретил меня с распростертыми объятиями, сообщил, что уже знает о цели моего приезда.

– Мы это дело быстро провернем, – говорил он, улыбаясь. – Но не обойдется без трудностей. Уже много матросов с кораблей поснимали. Но раз надо сделаем. А ты сегодня же на заседании должен рассказать Центробалту о делах на юге, о том, как вы ударников под Белгородом били.

– Конечно, конечно, – пообещал я, – как старый член ЦКБФ, обязан отчитаться перед товарищами.

У Таврического дворца, февраль 1917.

Измайлов сдержал слово – отряд гельсингфорских моряков был сформирован в два дня. Получив оружие и небольшой запас продовольствия, мы выехали в Петроград. Железняков со своими кронштадтцами уже был там. Его назначили комендантом Таврического дворца, в котором должно было открыться Учредительное собрание. А наш гельсингфорский отряд разместили на Суворовском проспекте в помещении бывшего военного училища. Оба отряда моряков с двух сторон должны были прикрывать подступы к Смольному».

Через несколько дней в Петрограде было сосредоточено уже более двух с половиной тысяч вооруженных матросов. Позднее их число перевалило за пять тысяч.

Понимая, что появление матросов в Петрограде не случайно и большевики могут затеять провокацию, ЦК партии правых эсеров признал необходимым начать консолидацию «всех живых сил страны, вооруженных и невооруженных». А 4-й съезд правых эсеров постановил сосредоточить вокруг охраны Учредительного Собрания «достаточные организованные силы», чтобы, в случае надобности, «принять бой с преступным посягательством на верховную волю народа». Политическая ситуация все больше накалялась.

В начале заседание Учредительного Собрания было назначено на 28 ноября. В этот день 40 делегатам не без труда удалось пробраться через выставленную большевиками охрану в Таврический Дворец, где должно было открыться Учредительное Собрание. Прибывшие депутаты приняли решение отложить официальное открытие собрания до прибытия достаточного числа депутатов, а до того приходить каждый день в Таврический Дворец. В тот же вечер большевики приступили... к арестам делегатов. Сначала это были кадеты, но уже вскоре пришла очередь и эсеров. Большевистский главнокомандующий В.Н. Крыленко, убывая в Ставку, в своем приказе по армии заявил: «Пусть не дрогнет ваша рука, если придется поднять ее на депутатов».

Что касается матросов, то к началу Учредительного Собрания они провели уже несколько «репетиций», касавшихся в основном разгона различных кадетских организаций, пытавшихся активно участвовать в созыве Учредительного собрания. Матросы претворили в жизнь и декрет Совнаркома от 16 ноября о роспуске Петроградской городской

Думы, не признававшей новую власть. Несколько матросов, во главе с членом петроградского ревкома И.П. Флеровским, явились в зал заседаний Думы и силой в считанные минуты очистили его от двухсот депутатов. Матросам было передано на откуп и расследование по делу арестованных членов комиссии Временного правительства по выборам в Учредительное Собрание. Матросы постановили решить этот вопрос радикально – во время перевозки членов комиссии в Кронштадт всех перестрелять, а трупы выбросить в Финский залив. Лишь личное вмешательство В.И. Ленина, посчитавшего такую расправу, в преддверие приезда депутатов в Петроград, неразумной, спасло арестованных членов комиссии.

В первых числах декабря, по приказу Совнаркома, Таврический дворец был очищен от депутатов и временно опечатан. В ответ на это эсеры призвали население поддержать Учредительное собрание и выразить свое несогласие с провокационными действиями большевиков. 109 депутатов эсеров подписали письмо, опубликованное 9 декабря в эсеровской газете «Дело Народа»: «Мы призываем народ всеми мерами и способами поддерживать своих избранников. Мы зовем всех к борьбе с новыми насильниками над народной волей... Будьте готовы все по зову Учредительного Собрания дружно стать на его защиту». Большого правые эсеры сделать не могли. В отличие от большевиков, они давно забросили агитационную работу в воинских частях и на тот момент почти не имели реальной поддержки в столичных полках.

Тем временем В.И. Ленин поручил матросам охранять Таврический дворец, а так же подступы к дворцу, район Смольного и другие важные позиции Питера. Командовал выставленными караулами лично нарком по морским делам П.Е. Дыбенко. В Таврическом дворце Дыбенко расположил сотню матросов во главе с матросом-анархистом А.Г. Железняковым. В районе Николаевская академия – Литейная – Кирочная расположилось еще три сотни вооруженных матросов, еще четыре сотни матросов заняли Государственный банк. 5 января в газете большевиков «Правда» было опубликовано решение Совнаркома, что всякие митинги и демонстрации в Петрограде были запрещены в районах, прилегающих к Таврическому дворцу. Провозглашалось, что они будут подавлены военной силой. Одновременно большевистские

агитаторы на важнейших заводах (Обуховском, Балтийском и др.) пытались заручиться поддержкой рабочих, но успеха не имели.

В тот же день, 5 января 1918 года открылось многострадальное Учредительное Собрание. Увы, с самого начала, оно мало походило на обычный парламент, как так вся галерка была занята матросами Дыбенко, державшими делегатов... под прицелом. Дворец был буквально наводнен вооруженными матросами. Они сменили даже швейцаров и гардеробщиков, из-за этого большинство депутатов предпочло проходить в зал, не раздеваясь. По свидетельствам правых эсеров, матросы представлялись депутатам «чисто уголовными типами», вели себя крайне развязно, освистывали и материли выступающих, а, кроме этого, реально то и дело целились в них из винтовок и револьверов. «Мы, депутаты, были окружены разъяренной толпой, готовой каждую минуту броситься на нас и нас растерзать» – вспоминал депутат от правых эсеров В.М. Зензинов. Эсер Чернов, избранный председателем, был демонстративно взят матросами на прицел, то же происходило и с теми, кто поднимался на трибуну. Но это были еще цветочки. После того, как большинство членов Учредительного собрания отказалось признать руководящую роль Советской власти, отказались утверждать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и другие декреты большевиков, те, а затем и левые эсеры демонстративно покинули зал заседаний. Оставшиеся депутаты продолжали обсуждать вопросы о земле, власти и т. д.

Как пишет В.Д. Бонч-Бруевич, именно возможность того, что растущее раздражение матросов приведет к беде, и вызвала решение большевистской фракции об ее уходе с Учредительного собрания. Другими словами, большевики сами в определенном смысле боялись вышедших из подчинения матросов и просто боялись попасть заодно с эсерами под раздачу. Уходя, В.И. Ленин оставил для П.Е. Дыбенко записку следующего содержания: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов. Председатель СНК». Возможно, все так и было, однако, кроме этого уход большевиков, а следом за ними и левых

эсеров, помимо всего прочего, привел к параличу Учредительного Собрания.

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «5 января с раннего утра, пока обыватель еще мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верных часовых Советской власти – отряды моряков. Им дан был строгий приказ: следить за порядком в городе... Начальники отрядов – все боевые, испытанные еще в июле и октябре товарищи. Железняк со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец – Учредительное собрание. Моряк-анархист, он искренне возмущался еще на 2-м съезде Балтфлота тем, что его кандидатуру предложили выставить кандидатом в Учредительное собрание. Теперь, гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет: «Почетное место займу». Да, он не ошибся. Он занял почетное место в истории.

В 3 часа дня, проверив с товарищем Мясниковым караулы, спешу в Таврический. Входы в него охраняются матросами. В коридоре Таврического встречаю Бонч-Бруевича.

– Ну, как? Все спокойно в городе? Демонстрантов много? Куда направляются? Есть сведения, будто направляются прямо к Таврическому?

На лице его заметна некоторая растерянность.

– Только что объехал караулы. Все на местах. Никакие демонстранты не двинутся к Таврическому, а если и двинутся, матросы не пропустят. Им строго приказано.

– Все это прекрасно, но говорят, будто вместе с демонстрантами выступили петроградские полки.

– Товарищ Бонч-Бруевич, все это ерунда. Что теперь петроградские полки? Из них нет ни одного боеспособного. В город же стянуто 5 тысяч моряков.

Бонч-Бруевич, несколько успокоенный, уходит на совещание.

Около 5 часов Бонч-Бруевич снова подходит и растерянным, взволнованным голосом сообщает:

– Вы говорили, что в городе все спокойно; между тем сейчас получены сведения, что на углу Кировой и Литейного проспекта движется демонстрация около 10 тысяч вместе с солдатами. Направляются прямо к Таврическому. Какие приняты меры?

– На углу Литейного стоит отряд в 500 человек под командой товарища Ховрина. Демонстранты к Таврическому не проникнут.

– Все же поезжайте сейчас сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Товарищ Ленин беспокоится.

На автомобиле объезжаю караулы. К углу Литейного действительно подошла довольно внушительная демонстрация, требовала пропустить ее к Таврическому дворцу. Матросы не пропускали. Был момент, когда казалось, что демонстранты бросятся на матросский отряд. Было произведено несколько выстрелов в автомобиль. Взвод матросов дал залп в воздух. Толпа рассыпалась во все стороны. Но еще до позднего вечера отдельные незначительные группы демонстрировали по городу, пытаясь пробраться к Таврическому. Доступ был твердо прегражден».

Разумеется, П.Е. Дыбенко, как и обычно, в своих мемуарах многого не договаривает, а то и просто врет. На самом деле никто в воздух не стрелял, и все было намного трагичнее и кроваво. На самом деле в Петрограде была расстреляна мирная демонстрация в защиту Учредительного Собрания. Впрочем, иного выхода, как расстреливать демонстрацию, у большевиков больше не было. Петроград фактически восстал против них, и это восстание надо было топить в крови, и чем быстрее, тем лучше. Особенно массовой и сплоченной была колонна рабочих Александро-Невского района, шедшая от Марсова поля к Таврическому дворцу. Точных данных числа демонстрантов нет, но по утверждению М. Капустина в них участвовало 200 тысяч человек. По другим данным, главная колонна демонстрантов насчитывала 60 тысяч человек. В любом случае демонстрации были массовыми. В составе колонн демонстрантов «под красными знаменами российской социал-демократической партии» к Таврическому дворцу шли рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали. По одним данным убитых было до ста человек, по другим полтора десятка. Среди погибших оказались известные эсеры Е.С. Горбачевская, Г.И. Логвинов и А. Ефимов. В Москве демонстрация в защиту Учредительного Собрания была также расстреляна.

Надо отметить, что не совсем правы, как советские, так и белоэмигрантские историки, которые достаточно огульно приписывают всю вину за жертвы демонстрации матросам. Да, матросы находились в первых рядах оцепления, но, при этом они

пытались воздействовать на демонстрантов не силой, а своим «революционным словом». Кроме этого, все очевидцы отмечают, что на фоне солдат «в серых, небрежно одетых шинелях» и «штатских с красными повязками» красногвардейцев, они выглядели «изящными» и «разодетыми». При этом железняковцы в «черновую» (т. е. расстрельную) работу особо не лезли, предпочитая со стороны наблюдать, как ее выполняют солдаты с красногвардейцами.

Газета «Новая жизнь» писала: «...Когда манифестанты появились у Пантелеймоновской церкви, матросы и красногвардейцы, стоявшие на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы, сразу открыли ружейный огонь. Шедшие впереди манифестации знаменосцы и оркестр музыки Обуховского завода первые попали под обстрел. После расстрела демонстрантов красногвардейцы и матросы приступили к торжественному сожжению отобранных знамен».

Ход заседания Учредительного Собрания 5 января, как справедливо отмечали его участники, целиком определялся развитием событий на улицах в первой половине этого дня. Демонстрация в поддержку Учредительного Собрания закончилась рядом столкновений демонстрантов с оцеплением из матросов. Но массового выступления после разгона демонстрации все же не произошло. На население Петрограда сильно влияло присутствие кораблей на Неве и прибытие в город многочисленных матросских отрядов. При этом, это были матросы уже успевшие поучаствовать в установлении Советской власти в Москве, Киеве и Чугуеве и «отличившиеся» везде расстрелами, грабежами и пьяными оргиями. Поэтому в день созыва Учредительного Собрания, оказавшись на улицах Петрограда, и матросы, и горожане хорошо представляли последствия возможного матросского вмешательства.

* * *

Пока на улице расстреливали мирных демонстрантов, в Таврическом дворце происходили события, не менее трагические, с точки зрения их влияния на будущее России. К этому времени Таврический дворец, как мы уже говорили, был буквально наводнен вооруженными матросами.

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «После партийных совещаний открывается Учредительное Собрание. Вся процедура открытия и выборов президиума Учредительного Собрания носила шутовской, несерьезный характер. Осыпали друг друга остротами, заполняли пикировкой праздное время. Для общего смеха и увеселения окарауливающих матросов мною была послана в президиум учредилки записка с предложением избрать Керенского и Корнилова секретарями. Чернов на это только руками развел и несколько умиленно заявил: «Ведь Корнилова и Керенского здесь нет».

Президиум выбран. Чернов в полторачасовой речи излил все горести и обиды, нанесенные большевиками многострадальной демократии. Выступают и другие живые тени канувшего в вечность Временного правительства. Около часа ночи большевики покидают Учредительное собрание. Левые эсеры еще остаются».

О том, как большевики покидали заседание Учредительного Собрания, спустя годы вспоминал Ф.Ф. Раскольников: «По окончании речи очередного оратора Виктор Чернов (правый эсер – В.Ш.) объявляет:

– Слово имеет член Учредительного собрания Раскольников.

Я поднимаюсь на трибуну и во весь голос, без ложного пафоса, но по мере возможности четко и выразительно читаю наше заявление, подчеркивая наиболее важные места. В сознании серьезности оглашаемого документа весь зал насторожился.

Пустые скамьи левого сектора, где еще недавно сидели большевики, зияют, как черный провал. В матросской фуражке, лихо сдвинутой набекрень, с ухарски выбивающимся из-под нее густым клоком черных смолистых волос, стоит у дверей веселый и жизнерадостный, весь опоясанный пулеметными лентами начальник караула Железняков. Рядом с ним теснятся в дверях несколько депутатов-большевиков, напряженно следящих за тем, что делается в зале. Среди мертвой тишины я открыто называю эсеров врагами народа, отказавшимися признать для себя обязательной волю громадного большинства трудящихся. Весь зал словно застыл в безмолвии.

Несмотря на резкий язык нашего заявления, никто не перебивает меня. Объяснив, что нам не по пути с Учредительным Собранием, отражающим вчерашний день резолюции, я заявляю о нашем уходе и спускаюсь с высокой трибуны. Публика неистовствует на хорах,

дружно и оглушительно бьет в ладоши, от восторга топает ногами и кричит не то «браво», не то «ура». Кто-то из караула берет винтовку наизготовку и прицеливается в лысого Минора, сидящего на правых скамьях. Другой караульный матрос с гневом хватает его за винтовку и говорит:

– Бр-о-о-ось, дурной!»

Фактически матросы всеми силами демонстративно провоцировали депутатов на ответные действия. Последние все понимали и, несмотря на все творимые матросами безобразия, пытались выполнять свои депутатские обязанности и продолжать работу.

И снова вернемся к мемуарам П.Е. Дыбенко: «В одной из отдаленных от зала заседания комнат Таврического дворца находятся товарищ Ленин и несколько других товарищей. Относительно Учредительного Собрания принято решение: на следующий день никого из членов учредилки в Таврический дворец не пропускать и тем самым считать Учредительное Собрание распущенным.

Около половины третьего зал собрания покидают и левые эсеры. В этот момент ко мне подходит товарищ Железняк и докладывает:

– Матросы устали, хотят спать. Как быть?

Я отдал приказ разогнать Учредительное Собрание, после того как из Таврического уйдут народные комиссары. Об этом приказе узнал товарищ Ленин. Он обратился ко мне и потребовал его отмены.

– А вы дадите подписку, Владимир Ильич, что завтра не падет ни одна матросская голова на улицах Петрограда?

Товарищ Ленин прибегает к содействию Коллонтай, чтобы заставить меня отменить приказ. Вызываю Железняка. Ленин предлагает ему приказа не выполнять и накладывает на мой письменный приказ свою резолюцию: «Т. Железняку. Учредительное Собрание не разгонять до окончания сегодняшнего заседания». На словах он добавляет: «Завтра с утра в Таврический никого не пропускать».

...Железняк, обращаясь к Владимиру Ильичу, просит надпись «Железняку» заменить «приказанием Дыбенко». Владимир Ильич полушутливо (!?) отмахивается и тут же уезжает в автомобиле. Для охраны с Владимиром Ильичом едут два матроса. За товарищем Лениным покидают Таврический и остальные народные комиссары. При выходе встречаю Железняка. Железняк:

– Что мне будет, если я не выполню приказание товарища Ленина?

– Учредилку разгоните, а завтра разберемся.

Железняк только этого и ждал. Без шума, спокойно и просто он подошел к председателю учредилки Чернову, положил ему руку на плечо и заявил, что ввиду того, что караул устал, он предлагает собранию разойтись по домам.

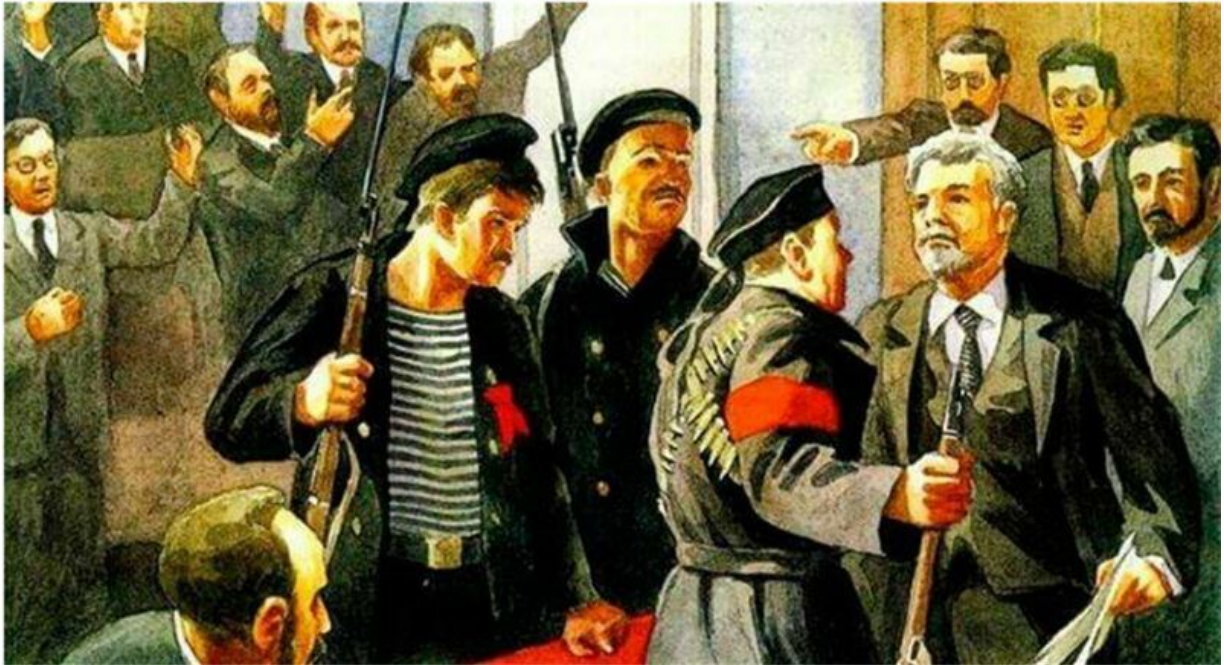
Железняков: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал». Голоса: «Нам не нужно караула».

Чернов: «Какую инструкцию? От кого?»

Железняков: «Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара».

Чернов: «Все члены Учредительного собрания тоже очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашение того земельного закона, которого ждет Россия... Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила!..»

Железняков: «Я прошу покинуть зал заседания!» Чернов: «Объявляю перерыв до 5 часов вечера! Подчиняюсь вооруженной силе! Протестую, но подчиняюсь насилию!» «Живые силы» страны без малейшего сопротивления быстро испарились. Так закончил свое существование долгожданный всероссийский парламент. Фактически он был разогнан не в день своего открытия, а 25 октября. Отряд моряков под командованием товарища Железняка только привел в исполнение приказ Октябрьской революции... Двери Таврического дворца закрылись для членов Учредительного Собрания навсегда. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК утвердил написанный ранее Лениным декрет о роспуске Учредительного Собрания».

«Караул устал!» Разгон Учредительного собрания матросами.

Мы познакомились с версией П.Е. Дыбенко. На самом деле все выглядело несколько иначе. На самом деле В.И. Ленин, хоть и ненавидел оставшихся в зале заседания депутатов, но никакого приказа на их разгон не давал, потому что прекрасно понимал – насильственный разгон Учредительного Собрания неизбежно спровоцирует гражданскую войну, что собственно и произошло. Ильич еще обдумывал, как ему переломить создавшуюся ситуацию с наименьшими потерями, сохранив при этом и мир, и свое лицо. Он еще не потерял надежды на переговоры. Теперь для него главная опасность исходила уже не от депутатов, а от Дыбенко и его матросов, которые вот-вот могли выйти из подчинения и все испортить. Что касается П.Е. Дыбенко, то он, едва почувствовав зависимость Ленина от себя, сразу начал показывать зубы и действовать совершенно независимо. Кстати, вместе с уехавшим Лениным он отправил вооруженных до зубов матросов, то ли как охрану, то ли как конвой...

В 4 часа 20 минут утра 6 января 1918 года, когда в зале заседаний Учредительного Собрания подходило к концу обсуждение вопроса о земле и с трибуны оглашали «Проект основного закона о земле», к П.Е. Дыбенко подошел начальник караула Таврического дворца, матрос А.Г. Железняков и произнес свою знаменитую фразу:

«Матросы устали, они хотят спать». Фраза поистине гениальная и наглядно демонстрирует наглядный расклад сил в те дни. Большевики и левые эсеры покинули зал, остальные депутаты принимают не просто какие-то второстепенные законы, а важнейший для всей России закон о земле. Но матросам до этого нет никакого дела. Они уже изрядно «переработали» и желают спать, а потому им глубоко плевать и на большевика Ленина, и на эсера Чернова. И тот, и другой должны понять, что если матросы сказали, что они устали, значит, они устали, и все должны сделать так, чтобы им не пришлось повторять, а то матросы могут и обидеться, и тогда мало никому не покажется.

Итак, А.Г. Железняков спрашивает П.Е. Дыбенко, что ему делать дальше, т. к. матросам надоело торчать в Таврическом дворце. Два раза матросы повторять не станут, а развернуться и уйдут. Тогда, оставшись без присмотра, депутаты могут напринимать таких законов, что большевикам мало не покажется!

И подумав, Дыбенко приказывает Железнякову... разогнать Учредительное Собрание после того, как все народные комиссары окончательно покинут дворец. Ленин, узнав об этом, разумеется, пришел в ярость. Дыбенко с Железняковым спутали ему все карты! Он буквально с кулаками набросился на Дыбенко и потребовал отменить приказ. На что Дыбенко по-хамски ответил: «Можете ли Вы, Владимир Ильич, гарантировать, что завтра на улицах Петрограда не падет ни одна голова матроса?» В этой фразе весь Дыбенко. Ему глубоко плевать, что рядом происходят эпохальные события, к которым Россия шла сотни лет, плевать на десятки расстрелянных накануне рабочих и студентов, плевать на попрание демократии, ибо насилие над избранными всей Россией депутатами и есть попрание всех демократических основ. Дыбенко не волнуют особо и большевики во главе с Лениным. Он вожак матросской братвы, а потому исполняет исключительно ее желания и действует исключительно в ее интересах. Матросы хотят спать и баста! Ну, а коли интересы матросов и большевиков начали расходиться, то тем хуже для большевиков.

При этом В.И. Ленин, при всей его напористости и уверенности, ничего не может поделать с матросским вожаком. Заметим, что Ленин не приказывает Дыбенко, он его униженно ПРОСИТ! А ведь просит ни кто-нибудь с улицы, Дыбенко просит об одолжении просит глава действующего правительства, Дыбенко просит и умоляет первое

должностное лицо государства! Но Дыбенко глубоко наплевать на первое должностное лицо. Он твердо уверен, что реальная власть в Петрограде не у большевиков, а у балтийских матросов с ним во главе, а потому и ведет себя как хозяин положения.

Поняв, что кроме грубости от Дыбенко ничего не добьешься, Ленин в бессилии кидается к Коллонтай, чтобы попытаться через нее заставить Дыбенко отозвать свой приказ. Но и А.М. Коллонтай не решилась перечить своему Павлуше, так как понимала, что для Дыбенко нет ничего важнее его уставших дружков-матросов, которые уже соскучились по постели и по выпивке. Не добившись успеха, Ленин снова повторил свой приказ напрямую матросу Железнякову, пытаясь заменить приказ Дыбенко на свой. Железняков доложил Дыбенко о повторном приказе Ленин. Но Дыбенко снова не обратил внимания на Ленина и, проигнорировав его, велел Железнякову пойти и закрыть Учредительное Собрание. Понимая все неоднозначность ситуации, Железняков интересуется: «Что случится со мной, если я не выполню приказ Ленина?». Железняков явно испуган. Он не хочет прямой конфронтации с Лениным. На Дыбенко его успокаивает: «Разгоняй Учредительное собрание, а завтра будем разбираться». После этого Железняков подчиняется своему вожаку. Думаю, что в те дни Павел Ефимович Дыбенко искренне полагал, что именно он, а ни какой-нибудь Ленин, вершит историю. После этого А.Г. Железнякову ничего не оставалось, как взобраться на трибуну и разогнать Учредительное Собрание России.

Как знать, уступи Дыбенко Ленину, и история России пошла бы несколько иным путем. Может и не было бы миллионных жертв гражданской войны, не было бы убитых замученных, умерших от тифа и от голода, не было бы исхода части русского народа за рубеж. Но все произошло так, как произошло. И один из главных виновников этого Павел Ефимович Дыбенко.

Когда на следующий день, депутаты Учредительного собрания пришли к месту своей работы, на дверях висел большой замок, а перед дверьми расположился матросский пулеметный расчет. Впрочем, В.И. Ленин, которого утром 6 января П.Е. Дыбенко и Ф.Ф. Раскольников (являвшийся тогда замом П.Е. Дыбенко по Морскому наркомату и зачитавший на заседании Учредительного Собрания декларацию фракции большевиков об уходе с собрания) проинформировали «о

жалком конце Учредительного собрания», как вспоминал в своих мемуарах Ф.Ф. Раскольников, «долго и заразительно смеялся». Действительно, вроде как. смешно...

О действительной реакции В.И. Ленина на разгон Учредительного Собрания вспоминал Н.И. Бухарин: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы... долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне учредилки и вдруг рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Во всю, заразительно, до слез. Хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем». Так что смех Ленина действительно был, но это был смех сквозь слезы...

* * *

Несмотря на все беззаконие большевиков с разгоном Учредительного Собрания, этот разгон все же в известной мере отразил настроения самых широких масс, уставших от бесплодной демократии. Лидеры эсеров и меньшевиков оказались не были готовы к вооруженной борьбе с большевиками, и хотя именно они имели в стране подавляющую поддержку, руководство этих партий испугалось призрака гражданской войны и уговорило депутатов Учредительного собрания разъехаться. Последняя попытка установления демократической власти провалилась. Очевидно, что правильная оценка политической ситуации В.И. Лениным, все же сыграла свою роль в том, что роспуск собрания прошел все же без кровопролития, что имело большое историческое значение. Роспуск Учредительного Собрания продемонстрировал всей России реальную значимость твердой революционной власти по сравнению с аморфной парламентской. Влияние разгона Учредительного собрания глубоко затронуло и эмоциональную сферу значительной части всего русского народа и, — конечно, А.Г. Железнякова с матросами, оказавшихся в центре событий. Обратим внимание и на то, что роль матросов в разгоне Учредительного Собрания была главенствующая. При этом матросы действовали предельно радикально и практически

независимо от директив и представлений В.И. Ленина и Совнаркома. Любопытно и то, что П.Е. Дыбенко в своих мемуарах, ничуть не смущаясь, повествует о нарушении им письменного указания В.И. Ленина. Более того, он показывает, что для А.Г. Железнякова (то есть для матросов вообще) его приказ был куда важнее, чем просьбы В.И. Ленина.

Доктор исторических наук М.А. Елизаров пишет: «В целом матросы, конечно, не были готовы для выполнения высокой миссии, которую они осуществляли, их «заносило» в крайнюю левизну. Но левацкое и «уголовное» поведение А.Г. Железнякова и матросов по отношению к правозсеровским депутатам на собрании вовсе не было обусловлено только случайным стечением обстоятельств. Задачей А.Г. Железнякова и матросов во время поездки на Украину было проведение в жизнь лозунга «Власть Советам!», и они хорошо представляли силу влияния этого лозунга на народные массы по сравнению с лозунгом Учредительного собрания. Военные моряки стремились соответствовать высоте, на которую вознесла их революция... Очевидно, матросов признавали выразителями народного сознания и правые депутаты, знавшие историческую цену и собранию, и матросам в революции».

Кстати, поведение председателя собрания В.М. Чернова, подчинившегося А.Г. Железнякову, нельзя назвать трусливым. Чернов имел хорошее представление о происходящем. Полгода назад, 4 июля 1917 года, когда вооруженные матросы, участвовавшие в июльской демонстрации, требовали освобождения из тюрьмы А.Г. Железнякова и взяли в осаду Таврический дворец с требованием к «соглашательским» Советам взятия власти, именно В.М. Чернов не побоялся выйти к ним с призывами о выдержке. По воспоминаниям самого В.М. Чернова, при возвращении с Собрания, его автомобиль окружили враждебно настроенные матросы. Его бы, наверняка, тут же и убили, если бы не оказавшиеся рядом большевики, которые уговорили матросов уйти. Понять большевиков в данном случае можно: одно дело разогнать «учредиловку» и совсем другие – ловить на улице и зверски убивать делегатов.

Лишь после этого и после того, как выяснилось достаточное спокойное отношение населения Петрограда к насильственному разгону Собрания, 7 января, большевики опубликовали свое решение о

роспуске «учредиловки». Разгон Учредительного Собрания страна встретила с удивительным безразличием. Формой власти в тот момент уже мало кто интересовался. Правая печать сравнивала разгон Учредительного Собрания и расстрел демонстрации в защиту его с событиями 9 января 1905 года. Это сравнение у самого большевистского руководства, во многом следовавшего в это время за стихией событий, наоборот, рождало уверенность в том, что в использовании насилия для руководства страной им всегда проститься то, что никогда не прощалось царю.

Что касается матросов, то они оказались явно не готовы для выполнения столь высокой миссии, которая была на них в данном случае возложена. Матросов, как и обычно сильно занесло влево. При этом, после разгона Учредительного Собрания матросы-анархисты во главе с А.Г. Железняковым имели все основания считать, что успех в разгоне «учредиловки» принадлежит именно им, а не большевикам, проявивших мягкотелость и нерешительность. Кроме этого, в сознании обывателей разгон «учредиловки» еще больше усилил демонический образ матросов. Наряду с этим обрел всероссийскую известность и один из главных участников разгона Учредительного собрания матрос-анархист А.Г. Железняков, именуемый в своей среде «матросом Железняком». Разгон Учредительного Собрания, как известно, одобрил 3-й Всероссийский съезд Советов, собравшийся 10 января 1918 года. На съезде, опять же, не обошлось без активного участия матросов. Так началу работы съезда предшествовало исполнение флотским оркестром «Интернационала». Затем от имени революционных матросов съезд приветствовал встреченный на «ура» главный герой разгона «учредиловки» А.Г. Железняков, который рассказал о разгоне собрания и подкрепил свой рассказ следующим заявлением: «Мы просто и коротко, чтобы вконец сломить сопротивление воронов трудового народа, готовы расстрелять не единицы, а сотни и тысячи! Я уверен, что мы не покинули бы Учредительное собрание до тех пор, пока там не пролилась бы наша кровь. За это мы и шлем Учредительному собранию своё презрение». Железнякову была устроена бурная, длительная овация, сопровождаемая криками делегатов: «Да здравствует революционный флот!» Эти аплодисменты съезда означали также, в значительной степени, сворачивание расследования уголовного дела по убийству матросами бывших

министров Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина.

Зачем вообще вспоминать теперь о каких-то двух министрах, когда Железняков под гром оваций грозит теперь расстреливать буржуев тысячами!

Историк военно-морского флота Б.Н. Назаренко пишет: «Мы полагаем, что демонстративный разгон Учредительного Собрания матросами во главе с А. Г. Железняковым и П.Е. Дыбенко не входил в планы руководства большевиков. Об этом лишний раз свидетельствует то внимание, которое мемуаристы-большевики уделяли доказательству правильности разгона собрания. Складывается впечатление, что они не были твердо уверены в целесообразности такой меры и стремились задним числом убедить себя в этом. Для лидеров же матросов это было лишней демонстрацией их влияния на дела, боеспособности моряков».

События вокруг разгона Учредительного Собрания, наглядно продемонстрировали всей стране отличие революционной власти от парламентской. Многие были очень впечатлены той легкостью, с которой революционные матросы решили вопрос с российским парламентом. Так поэт А.А. Блок, одоббивший разгон Учредительного собрания, именно в эти дни стал «слышать музыку революции» и именно, под впечатлением от разгона «учредилки», написал свою знаменитую поэму «Двенадцать». Именно разгон Учредительного Собрания стал высшей точкой политического влияния революционных матросов на ситуацию в России.

Что касается Центробалта, то он в целом, поддержал роспуск Учредительного Собрания, приняв резолюцию о том, что Учредительное Собрание может быть «на некоторый срок терпимо в Петрограде в качестве докладчика о нуждах народа на местах», но только в случае, если оно утвердит «все завоевания Октябрьской революции и все декреты Народных Комиссаров, содержание и цели коих не идут вразрез с желанием крестьянства России».

При этом «ЦИК не должен допустить власти Учредительного Собрания в настоящем его буржуазном составе с примесью лакеев капитала, т. е. представителей от оборонческих партий». Резолюция Центробалта содержала и ряд указаний Совнаркому об учреждении внутренней областной автономии для всех губерний России и требование того, чтобы «все управление армией должно быть

полностью сосредоточено в Центроармии, вместо кучки случайных обитателей Военного министерства, как и управление флотами должно быть всецело сосредоточено в Центрофлоте». Как мы видим, Центробалт, решив, что время матросской власти пришло окончательно, начал претендовать на то, чтобы быть не только выразителем интересов балтийских матросов, но и диктовать свое представление о государственном устройстве Совнаркому.

Что касается знаменитой фразы матроса А.Г. Железнякова, что «караул устал», то она давно стала нарицательной. Обычно данная фраза используется самыми различными политическими силами для обозначения крайней меры, в зависимости от их отношения к роспуску парламента, причем, как с позиции защиты парламента, так и с позиции защиты «уставшего караула» в понимании «уставшего народа». Радикальность понимания этой фразы заметно снизилась после событий в Москве 4 октября 1993 года. Рядом российских историков теперь она понимается примерно как «полувежливое предупреждение» о возможности применения силы.

Вот один из анекдотов на тему разгона Учредительного Собрания. Телефонный монолог начала 1918 года: «Барышня, барышня, дайте мне Петроград. Что значит, не отвечает?! Да вы знаете, кто с вами говорит?! Это революционный матрос Железняк! Барышня, дайте Смольный. Что значит занято?! Да вы знаете, кто с вами говорит?! Это революционный матрос Железняк! Немедленно дайте Смольный! Але, это Смольный? Дайте Владимира Ильича. Что значит – обедает?! Да вы знаете, кто с вами говорит?! Это революционный матрос Железняк! Немедленно дайте Владимира Ильича! Але, Владимир Ильич? Это революционный матрос Железняк... Что значит – на хрен?...»

Но анекдот, он и сесть анекдот. На самом деле в начале 1918 года В.И. Ленин никогда не позволил бы себе так реагировать на звонок анархиста Железнякова. Как говорится, не та была ситуация... В целом отношения между матросами и большевиками после разгона Учредительного собрания сохранили свою напряженность. В.И. Ленин понимал, что матросский бандитизм следует, как можно скорее, остановить, иначе он неминуемо погубит новую власть. С другой стороны для открытой конфронтации с матросами у большевиков еще не было реальной силы. Поэтому им все время приходилось идти на

компромиссы, пытаясь решать вопросы путем бесконечных переговоров и уступок.

Что касается матросов, то они искренне недоумевали, почему большевики так резко «разлюбили» флот, ведь мировую революцию куда удобней удобно нести на линкорах и крейсерах, чем на пехотных штыках!

Писатель А.Н. Толстой в знаменитой трилогии «Хождение по мукам», очень чутко уловил изменившееся мировоззрение революционных матросов. Если раньше, до февраля 1917 года все их могущество и хозяйство заключалось в нехитром матросском рундучке, то теперь оно увеличить до «вещи широкой, понятной морской душе» – всего мира».

В начале 1918 года в Кронштадте весьма серьезно обсуждался вопрос о собственном «флотском экспорте революции». Для этого предполагалось послать учебный корабль «Океана» с наиболее «левой» командой в Германию для революционной агитации, официально – «за военнопленными и грузом». Этакий «пломбированный пароход»... Слава богу, у кого-то все же хватило ума не поддаваться на эту авантюру. Надо ли говорить, что уже это одно вызывало у немцев огромное желание, как можно скорее покончить с российскими кораблями и загнать куда-нибудь вглубь России революционных матросов. Признаемся, что боялись немцы не зря. Свержение кайзера Вильгельма начнется именно с восстания немецких революционных матросов в Кильской военно-морской базе. Думаю, что в случае встречи со своими русскими братьями, несмотря на языковой барьер, революционные матросы обоих флотов общий язык нашли бы весьма легко.

Матросы жаждали экспортировать «матросскую революцию» в Финляндию и в Румынию, на Украину и в Прибалтику. При этом они хотели действовать совершенно самостоятельно, без оглядки на Советскую власть. Писательница Ольга Форш оставила воспоминания о совместной поездке в поезде с революционным матросом. В ответ на мнения пассажиров, что Европа не примет мировую революцию, матрос доказывал: «Все как надо, весь мир Россия спасет, весь зажжет!» При этом он ссылаясь на революционные выступления в Киле с участием немецких моряков в январе 1918 года и ожесточенно отстаивал свое мнение целыми сутками. И даже, когда грамотные

попутчики, вооруженные цифрами, заставили его признать обман надежд на скорую мировую революцию, матрос это признание выразил в следующей форме: «Ну, хотя бы и обман! За такой обман и помереть не жалко!»

Глава шестая

Страшное в революции...

Вскоре после разгона Учредительного Собрания в Смольный позвонил некий осведомитель из 2-го Балтийского флотского экипажа и сообщил, что там анархизирующие матросы поймали трех случайных офицеров и хотят устроить над ними публичную казнь, В.И. Ленин понял, что далее терпеть беззаконие нельзя. Он распорядился выехать в экипаж и не допустить кровавой расправы, которая в очередной раз запятнала бы новую власть. В.Д. Бонч-Бруевич с рабочими комиссарами и популярным тогда среди матросов поэтом Демьяном Бедным.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич

В январе 1926 году В.Д. Бонч-Бруевич написал свои воспоминания об этой поездке. Прежде всего, необходимо отметить, что В.Д. Бонч-Бруевич в 1917 году занимался вопросами контрразведки в Смольном, а кроме этого осуществлял и личную охрану своего старого друга и старшего соратника В.И. Ленина. Забегая вперед, скажем, что работал Бонч-Бруевич весьма эффективно и, несмотря на многочисленные попытки покушения на Ленина. Ни одно из них не было осуществлено. Но как только в 1918 году Бонч-Бруевича оттеснил от Ленина Я.М. Свердлов, как пули террористов достигли своей цели.

Бруевича оттеснил от Ленина Я.М. Свердлов, как пули террористов достигли своей цели.

Разумеется, можно было бы пересказать воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича, но лучше, все же послушать самого Владимира Дмитриевича, чтобы проникнуться духом эпохи. Автор просит прощения у читателей за весьма пространную цитату, но она, право, того стоит. Свои воспоминания Бонч-Бруевич весьма многозначительно назвал «Страшное в революции». Согласитесь, чтобы старый подпольщик и контрразведчик поставил такое название, для этого надо иметь серьезные основания...

* * *

Итак, представляем слово главному контрразведчику РСДРП(б): «Когда прошли первые дни Октябрьской революции, принесшие с собой удивительный революционный порядок и бодрое спокойствие во взволнованную красную столицу новой России, наступили дни понижения настроения и прямого упадка революционного творчества в некоторых наших рядах. Стала выявляться прослойка такой накипи в рядах восставшего пролетариата, солдат и матросов, которая по своим стремлениям объективно была антиреволюционна. Деятельность этих элементов была антиобщественна, да и сама по себе и могла повлечь дурные последствия и осложнения в напряженном строительстве нового государства. Одним из ярких проявлений этой стороны жизни того времени были так называемые «пьяные погромы», с которыми так ревностно боролся Петроградский Совет рабочих и солдатских

депутатов и о которых надо будет писать особое исследование. В этой полосе петроградских событий того времени ярко выделяется один эпизод, где проявилась стальная воля Владимира Ильича... Матрос, приехавший в Смольный (и рассказавший о беспределе в экипаже – В.Ш.), очень нервничал.

– Вы только не говорите, что я к вам приезжал, – шепнул он мне, – я как есть партийный, потому и приехал, потому что беспорядок! Нешто так молено, – к примеру, я начну арестовывать вот он или, к примеру, вот ты, – указывал он на всех нас, – что из этого получится? Одно плутовство, безобразие, для этого есть наша власть, вот это ее дело... А они, – ух, народ, – убьют, нипочем убьют... Не доезжая до здания 2-го гвардейского флотского экипажа, которое расположено неподалеку от Дворцового моста, матрос запросился слезть... Ясно, что настроение матросов было прескверное, раз их же товарищ так боялся своей собственной среды....

...Мы вошли в довольно просторную комнату, всю сплошь беспорядочно заваленную ящиками с ручными гранатами бомбами, бикфордовым шнуром, ружьями, лентами от пулеметов, ящиками с ружейными патронами. Тут же вперемежку стояло более десятка пулеметов, валялись беспорядочно сложенные ружья, у стены – куча револьверов, и около них груды револьверных патронов. В углу стояли знамена и длинное черное полотно, укрепленное на двух шестах, на котором белыми буквами тянулась бледная надпись: «Да здравствует анархия!» И, действительно, анархия здесь здравствовала. Она была в полной красоте своей. ...К нам подошли. Я сказал, что приехал по делу из Смольного, и что мне, прежде всего, необходимо переговорить с кем-либо из комитета.

– Позовем сейчас... – откликнулся кто-то.

– А по какому делу? – настаивал один из присутствовавших, вдруг беспричинно и неожиданно раздражаясь.

– Так, есть дельце к комитету.

– А вы кто будете? – обратились матросы к рабочим.

– Мы – рабочие комиссары.

В это время легкой походкой, высокий и стройный, подходил ко мне хорошо мне известный матрос Железняков, который оказался здесь председателем комитета части. Я знал его раньше по многим делам и всегда питал к нему большое доверие. Мы дружески поздоровались. Я

отвел его в сторону и показал ему предписание Владимира Ильича. Он смутился. ...Железняков тотчас же послал матросов найти комитетчиков и представителя судебно-следственной части, и мы все вошли в большую залу, где почти посредине тянулись в один ряд длинные столы.

Весть о нашем прибытии разнеслась по экипажу, и со всех сторон стали поодиночке и группами выкатываться матросы, вооруженные револьверами. Громко разговаривая, выкрикивая и насвистывая, двигались они группами по залу. Многие из них были, очевидно, сильно под хмельком. И не прошло и пяти минут, как вся зала была полна народа.

Мы уселись у стола. Прибежал, запыхавшись, представитель судебно-следственной части, несчастный, задерганный человек, и когда я спросил у него, в чем дело, он шепотом сказал:

– Мы все это и многое другое отлично знаем, но что же мы можем сделать? – и робость, и усталость прозвучали в его голосе.

Подошли комитетчики, brave, трезвые ребята... Железняков ударил в ладоши и звонко, отчетливо и повелительно – он был прирожденным вождем сказал:

– Товарищи, займите места. Разговоры прекратить! Начинается заседание. К нам приехали товарищи из Смольного по делу, а по какому – они все скажут.

Я отнюдь не хотел митинговать и ни в коем случае не мог позволить провести правительственное следствие па какое-то всеобщее словопрение, а потому сразу объявил:

– По предписанию председателя Совета Народных Комиссаров, Владимира Ильича Ленина, объявляю начатым следствие по делу самовольного задержания на улицах группой матросов трех офицеров, причем к следствию, согласно выработанных форм, привлекаю представители судебно-следственной части флота и трех представителей комитета вашей флотской части и двух рабочих комиссаров. Все перечисленные, лица образуют из себя местную следственную комиссию под моим председательством по назначению правительства.

Матросы, очевидно, ничего этого не ожидали. Сразу умолкли, еще не зная, как на это реагировать.

– Оглашаю предписание революционного правительства, – и я прочел предписание Владимира Ильича. Все сразу и окончательно успокоились.

Я обратился к председателю комитета флотской части с вопросом:

– Правда ли, что некоторой частью матросов самовольно арестованы три офицера и что они содержатся здесь же у вас в крайне скверных условиях?

Железняков блеснул глазами.

– Правда! – ответил он.

– Прошу сделать распоряжение доставить... В зале прошел ропот. Я в упор смотрел на Железняка. Он вспыхнул и произнес:

– Доставить...

Не прошло и несколько минут, как к столу подошел, запыхавшись, еле дыша, молодой офицер, поручик, растерянно смотревший кругом. Я предложил ему сесть... Он молчал и, словно извиняясь, глядел на нас, прикладывая руку к сердцу.

– В чем тут дело? – подумал я.

– Я-я оч-ч-ень запыхался... Трудно говорить... Бежал...

– Откуда бежали? Почему запыхались? – невольно спросил я его.

– Весь день сидел в холоде, не ел ничего... а потом сразу бегом... Не могу бежать... А он сзади с револьвером...

В зале наступила тишина. Я вопросительно посмотрел на Железняка.

– Спешил исполнить приказание! – особо деланно вдруг громко произнес тот приземистый круглый матрос, который ходил за арестованным.

В зале раздался смешок. Мне это не понравилось. Железняков только посматривал на меня...»

Поле этого В.Д. Бонч-Бруевич допросил офицера, а затем вызвал и допросил еще двух. После этого он условился с комитетом экипажа, что на следующий день под караулом двух арестованных офицеров доставят к нему в Смольный, а третьего выпустят на свободу. Бонч-Бруевич с матросами-комитетчиками составили протокол и подписали его.

Далее В.Д. Бонч-Бруевич пишет: «Мы вышли из залы и, окруженные матросами, пошли в соседние комнаты.

В одной из комитетских комнат, на диване, стульях креслах сидело несколько человек матросов. Мы вошли сюда с Железняковым. Наш разговор быстро перешел на теоретическую тему об анархизме и социализме, а когда он и некоторые его товарищи узнали, что я лично знаю П.А. Кропоткина, они с живым интересом просили рассказать им о нем, и мой рассказ они слушали с жадностью.

В теориях матросы были не крепки, и, чувствуя, что они не могут мне возразить, я постарался этот разговор прикончить, дабы им не было бы обидно. В сущности, анархизма у них никакого и не было, а было стихийное бунтарство, ухарство, озорство и, как реакция военно-морской муштры, неумное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины. И когда мы, несколько человек, вокруг молодого Железнякова пытались теоретизировать, тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, самовольно заделавшийся в матросы корабля «Республика», носивший какой-то фантастический, полуматросский, полустатский костюм с брюками в высокие сапоги бутылками, – сидел здесь и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: «См-е-е-рть!» и опять крест в воздухе: «См-е-е-рть!», и опять крест в воздухе «См-е-е-рть!» и так без конца.

– См-е-е-рть! – вопил этот человек с иконописным, худым, тусклым, изможденным лицом.

– См-е-е-рть! – говорил он, чертя кресты, устремляя в точку свои стеклянные, помутнелые глаза, выпивая время от времени из стакана крупными глотками чистый спирт, болезненно каждый раз, искажавший его лицо, сжимавшееся судорогой. И он в это время делался ужасен и противен, столь отвратительна была его больная, полусумасшедшая улыбка искривленного рта. Он хватался за грудь, как будто бы там что-то жгло, что-то душило его... Глаза его вдруг вспыхивали фосфорическим цветом гнилушки в темную ночь в лесу, и он опять чертил кресты в воздухе и и повторял заунывным, глухим голосом все то лее одно излюбленное км слово:

– См-е-е-рть! См-е-е-рть! См-е-е-рть!

– Да будет тебе! – зло окликнул его Железняков.

Он хихикнул, и я узнал этот смех, хихикнул еще раз, как-то сжался в кресле, точно вдавился в него, захлебнулся, закашлялся, и прохрипел:

– См-е-е-рть! См-е-е-рть! См-е-е-рть!

Был четвертый час ночи.

Вдруг в комнату полувбежал коренастый, приземистый матрос в круглой матросской шапке с лентами, с широко открытой грудью. Его короткая шея почти сливалась кудлатую голову с широкой спиной. Он вдруг остановился посреди комнаты, изогнулся, сразу выпрямился и заплясал матросский танец, широко размахивая ногами, отчего его широкие матросские штаны колебались в такт, как занавески. Другие матросы повскакали с мест и присоединились к нему, выделявая этот вольный танец, сатанинский танец смерти, и когда они, распаленные, вертелись в вихре забвения и вдруг остановились, он, этот коренастый, а за ним и все другие, запели песню смерти – смерти Равашоля: *Задуши своего хозяина,*

*А потом иди на виселицу,
Так сказал Равашоль*^[1].

И каждый из них, а коренастый больше всех и лучше всех, в такт плясу, с чувством злобы и свирепой отчаянности при слове «Равашель» делали быстрое движение правой рукой, как будто бы кого-то хватая за глотку, и душа, и давя, шевелили огромными пальцами сильных рук, душа изо всех сил, с наслаждением, садизмом и издевательством... И когда невидимые жертвы все падали задушенными, – так был типичен и выразителен танец, – они опять неслись в вихре танца, танца смерти, размахисто и вольно выделявая разнообразные коленца там, вокруг тех, кто должен был валяться задушенными около их ног. И опять песня смерти, и опять скользкие, за горло хватающие, извивающиеся пальцы, пальцы, душащие живых людей.

– См-е-е-рть! См-е-е-рть! См-е-е-рть! – громко и заунывно, чертя кресты в воздухе, вопиял тот иконописный, с ликом святого с православной иконы... И он поднялся и, шатаясь, подошел к этим беснующимся и млеющим в танце смерти, и судорожно брался он за свой наган, то оружие, чем приводил он в исполнение свою заветную мечту.

– См-е-е-рть! См-е-е-рть! См-е-е-рть! – и он троекратно осенял большим крестом тех, кто замирал в исступлении кружения.

– Не могу! Не могу! Не могу! Тяжко мне! – кричал тот приземистый и хватался за грудь, точно стремясь ее разодрать, и извивался, и изгибался весь, откидывая назад голову.

Короткая шея его и обнаженная волосатая грудь то смертельно бледнели, то вдруг вспыхивали ярко-красным огнем, заливаемые кровью, и кожа его пупырилась и делилась той, что называют «гусиной кожей».

– Убить! Надо убить! Кого-нибудь убить!.. – и он искал револьвер, судорожно неверной рукой шаря вокруг пояса.

– Жорж, что ты, с ума сошел? – крикнул на него Железняков.

– Накачайте его!..

И ему дали большой стакан чистого спирта. Он выпил его одним духом, бросил стакан. Разбилось и зазвенело... Схватился за голову, выпрямился, замолк с открытым ртом и остановившимися глазами, шатнулся, шарахнулся и рухнул на диван, неподвижный, мертвецки пьяный.

– О-о-о-х-х-х, – пронесся стоп, и все стихло.

– И вот так каждый день, не может! Как наступает рассвет, томится, ищет, душит руками, плачет и хочет убить. На фронте в окопах выползал в эти часы на разведку и переколошматил многих немцев и здесь ищет, кого убить, и, бывает, убивает, да мы за ним следим, вот только спиртом и глушим, спокойно рассказывал кто-то из матросов.

Иконописный все чертил кресты, протрезвился и вдруг, извиняясь, заговорил скороговоркой:

– Вот чудак! Я прощаю! Все прошу в командировку. Приедем с отрядом на станцию, идем тихонько. Где дежурный? Идет офицерик. Я подхожу, улыбаюсь, он идет, сердечный, и не думает, а я раз, – супу вот моего миленька, – и он показал на наган, – и всегда прямо в печенку снизу – трах! – и готово! Кувырк! Глазами хлоп! А я его в лоб, если еще жив. И ничего-с! Готов, и все тут. Очень я этих офицериков люблю угощать. И самому, знаете, приятно, тепло делается, и на душе спокойно, радостно, тихо, словно, ангелы поют... и он закрестил крестами.

– И что же вы много их так?

– А как же? Счет веду, не ошибусь. Сорока трех уже имею. У-п-о-к-о-й, г-о-с- п-о-д-и д-у-ш-и р-а-б-о-в т-в-о-и-х! – затянул он гнусаво и глухо по- дьячковски. – А вот ноне сорок шесть будет! – и он трижды закрестил крестами, радостно улыбаясь.

– Я тебе! Будет! Иди спать. Нажрался... – сердито заговорил Железняков, чувствуя неловкость своего положения сознательного анархиста. – Пшел!

И брат его пошел и закрестил крестами, и возопил гнусаво и глухо:

– См-е-е-рть! См-е-е-рть! См-е-е-рть!...

На стульях, на диванах, на столах, в углах свалились в пьяном сне матросы- анархисты, пившие спирт. Кое-кто бродил по комнатам. В окнах чуть-чуть блекло. Мы переглянулись и двинулись. Комнаты с оружием стояли без охраны, двери растворены, и здесь валялись спящие люди. У крыльца караула не было. Было мертво, запустело, жутко и грустно.

Железняков проводил нас до автомобиля, и мы уехали, подавленные всем виденным. Рабочие комиссары негодовали и говорили, что это одно из самых опасных гнезд. Они все это время были в массе и слышали, как там затевались грабежи, открыто говорилось о насилиях над женщинами, о желании обысков, расправах самочинных. Новое правительство они отрицали, как всякое-другое правительство.

– Мы анархисты, – говорили они.

– Ну и анархисты! – восклицали рабочие комиссары. – Теперь мы видим, что такое анархисты... Это почище наших бандитов, которых мы арестовываем каждый день».

На следующий день В.Д. Бонч-Бруевич выяснил, что «большая группа матросов, организационно связанная между собой, неистовствовавшая вчера вечером, держит в полном терроре других, но преимуществу беспартийных, с особенным недоброжелательством относясь к партийным – большевикам, находя их законниками и умеренными. Себя же эта группа считала очень крайней, отрицающей всякую законность, как буржуазный предрассудок, и не желавшей вообще никому подчиняться. Наибольшим авторитетом среди них пользовался Железняков-младший, но и то уже за последнее время много потерявший в их глазах, так как он имел постоянное сношение с властью и подчинялся ее распоряжениям».

Данное А.Г. Железняковым и матросами-комитетчиками обещание доставить офицеров в Смольный крайне возмутило наиболее буйную часть матросов. Далее В.Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «На этой почве там произошли горячие споры, чуть было не дошедшие до поножовщины. Группа явно раскалывалась. Железняков терял авторитет, многие его не слушались, часть же крепко стояла за него. Железняков-старший, тот, который всех благословлял смертью, возмущен был более всех и неожиданно куда-то исчез с несколькими матросами. Оказалось после, что они забрали в плен с собой трех офицеров, усадили их в два автомобиля и исчезли. В сутолоке дня никто этого не заметил.

Когда я, устав ждать, потребовал немедленной присылки офицеров, то мои комиссары получили ответ, что большинство матросов с этим не согласны, что комитет пока ничего не может поделать, что надо подождать. Я настаивал на категорическом ответе. Двое уполномоченных матросов вызвались ехать в Смольный для объяснения. Среди них был неожиданно тот, который первый принес нам весть об аресте офицеров. Я вместе с рабочими комиссарами принял их очень сурово. Тот, первый, виновато смотрел на нас. Второй держал себя развязно, и когда он что-то лишнее позволил себе в разговоре по поводу нашего комитета, то очень сознательный и молчаливый матрос, командированный к нам для связи с корабля «Аврора» – партиец-большевик, вдруг поднялся, выпрямился во весь свой огромный рост и рявкнул:

– Матрос с корабля «Республика», предлагаю тебе держать себя здесь, как на корабле, иначе с тобой будет поступлено по законам военного времени... Не забывай, ты – перед лицом революционного правительства...

Тот, развязный, отвалился на спинку стула и, как ошеломленный, с полуоткрытым ртом, в испуге остановившимся взором смотрел на этого сумрачного великана, потом вдруг вскочил, вытянулся в струнку, залихватски отдал честь и не то в насмешку, не то в серьез крикнул:

– Есть, капитан!

И оба сели.

Все это произошло так неожиданно, так внезапно и так внушительно, что на некоторое время прекратились все разговоры, и наступила гробовая тишина. Когда неловкое молчание прошло, этот

развязный, сделавшийся вполне серьезным, вынул из широкой пазухи своего бушлата тетрадь, уже фигурировавшую вчера на допросе, в которую были вложены все документы и переписка, отобранные при обыске у арестованных офицеров.

– Вот это вам прислали... А их нет... Они у нас сидят... Можно мне ехать?

– Можно.

И он, откозыряв, пошел. За ним последовал и другой.

Мои комиссары, приехавшие от матросов, сказали мне, что матросы все время пьют, что среди них появились женщины, что настроение их самое отвратительное и что офицеров в эту ночь они, наверно, расстреляют...

Что тут было делать? Конфликт явно назревал, а неподчинение распоряжению правительственной власти, облеченной особыми полномочиями и Советом Рабочих Депутатов, и Революционным Комитетом, – было налицо.

Я чувствовал, что нарыв зреет и что надо действовать... И тотчас же принялись выработать план. Несколько наших товарищей еще были среди матросов. Я вызвал одного из них к телефону и предложил им переписать имена матросов, но мне ответили, что здесь все пьяно, озлобление против них растет, что они хотели бы, чтобы им выслали автомобиль для того, чтобы поскорей уйти отсюда, на что и просят у комитета разрешения. Ясно было, что им там больше делать нечего. Я предложил им немедленно выйти на улицу и сказал, что тотчас же высылаю автомобиль, а в другом – маленький отряд на всякий случай.

Наши комиссары вскоре вернулись, полные возмущения, так как там была ужасная отвратительная оргия. В это же время мне удалось вызвать Железнякова-младшего, и, когда я спросил у него: «Где офицеры?», он глухо ответил мне:

– Они исчезли. Их украли. У нас раскол, прямо беда!

Он обещал тотчас же сообщить мне, если что узнает об офицерах. Я прочел ему по телефону предписание Владимира Ильича.

– Сейчас, кроме некоторых, здесь никто ничего не поймет. Все страшно возбуждены, рвутся на улицы, и еле-еле удастся их сдержать.

Перед нами стал вопрос охранить город от этой пьяной ватаги и отыскать увезенных.

Я вызвал тревогой на линейку сильный дежурный отряд латышей-партийцев, находившихся в Смольном, прибавил к ним десять пулеметов, придал к ним четырех самих стойких комиссаров-рабочих, отправил их для расположения в близлежащих около матросов домах и дал предписание начальнику зорко следить за матросами путем дозорных, сообщая нам в 75-ю комнату о всяком движении их. На всякий случай мы подготовили Волынский и Егерский полки, отличавшиеся в то время трезвостью или, лучше сказать, терпимым пьянством, и среди которых мы имели крепкие организации наших товарищей, предписав им быть в полной боевой готовности. ... Не желая никакого кровопролития, мы тотчас же направили всех наших делегатов-матросов на «Аврору» и к другим матросам, прося их, как можно скорей, проникнуть во второй флотский экипаж и принять все меры, дабы сдержать пыл матросов «Республики»... ...Под утро, часов в шесть, к нам прискакали наши комиссары, дежурившие возле здания второго флотского экипажа, и сообщили, что только что, на всем ходу, подошел автомобиль, из которого выпрыгнули четыре матроса и с ними один офицер, и они, неся что-то в узлах, почти бегом вошли в подъезд, направляя револьверы в спину офицера и понукая его бежать с ними. По описанию это был тот третий офицер-трудовик, фамилию которого я забыл.

Для меня стало ясным, что двух расстреляли, в узлах их одежда, а третьего почему-то сохранили. Я знал, что приехавшие запрут этого офицера, а сами завалятся, конечно, сейчас же спать. Оставалось немного времени, когда молено было рискнуть вывезти этого третьего. Во 2-м флотском экипаже у нас было несколько своих матросов-партийцев. Наши комиссары знали расположение комнат. Я направил автомобиль в ближайший переулок. Двое наших комиссаров свободно вошли в здание второго флотского экипажа, по счастью, скоро отыскивали двух наших матросов, в том числе того, который первый принес весть об аресте офицеров, передали им, в чем дело, сообщили предписание Владимира Ильича, – и они тотчас лее пошли отыскивать привезенного третьего офицера. Очень скоро его нашли лежащим на столе. Когда они вошли к нему, он чуть не провалил все дело, так как с испуга стал кричать:

– Не надо! Оставьте меня! Я достану вам еще денег...

Но видя трезвых, махающих ему руками людей, он умолк, с трудом встал и тихо пошел с матросами... Немного робея и преодолевая первую неловкость, он тихо рассказывает нам:

– Ко мне вчера днем пришел матрос и потребовал, чтобы я шел за ним. Я повиновался. Когда мы вышли из дома, тут стояли два закрытых автомобиля, в одном сидели те два офицера и два матроса, а меня посадили в другой автомобиль, и со мной сели еще два матроса. Мы отъехали, и вскоре тот автомобиль ушел в другую сторону. Меня спросили, кто у меня есть знакомые, которые могли бы дать за меня деньги? «Если соберешь, – говорили они, – пять тысяч – останешься жив, а не соберешь – сегодня расстреляем...» Я помертвел. Я видел всю опасность и чувствовал что вот-вот моей жизни конец... В Петрограде у меня много знакомых. Я колебался, как быть, а они понукают, скорей, да скорей. Я говорю, что не знаю, как быть? А они свое: «Вот расшибем башку, тогда узнаешь». Я решился. Заехал к одним. Звоню. Вхожу, и они со мной. Вынули револьверы. Отзываю в сторону хозяина и говорю: «Простите, но спасите!» В двух словах рассказываю. Они в ужасе, соболезнают и дают 200 рублей. Я передаю матросам. Они деньги кладут в карман. «Ну, – говорят, – так ты долго не соберешь. Отправляйся. Вы тут не шевелитесь», – кидают они моим знакомым. Мы уходим. Я мучаюсь, что дал их адрес, что их могут еще ограбить и начинаю думать, что лучше умереть. «Ишь, как буржуйчики-то перепугались, – говорит один. – Да ты только плохо просишь. Просил бы часы, кольца, шубу, нам все равно... Говори еще адрес, да получше». Я задумываюсь, но страх смерти толкает, и я называю адрес своего знакомого присяжного поверенного. Едем туда. Входим... Там тот же ужас... Упреки по моему адресу, что я их подвел, что их теперь убьют. Я прошу, умоляю... Здесь сносят все, что могут, дают кольцо, часы, портсигар и полторы тысячи денег... Народа здесь было много... Все отозвались... Матросы хладнокровно все это забирали в карманы и, видимо, довольные говорили мне: «Вот давно бы так, скоро будешь на свободе...» И мы заехали еще в два места. Матросы говорят: «Надо поесть. Достали еду и мне кусок дали, и поехали за город. Остановились около какого-то дома в местности мне совершенно неизвестной. Один вышел, скоро вернулся и сказал: «Скоро будут! Действительно, не более, как через полчаса, подъехал автомобиль. Смотрю, там те два офицера и два матроса, довольно

пьяные. Офицеры молчат. Я не решился с ними заговорить. Стало совсем темно. «Едем!» И мы двинулись. Вскоре заехали во двор какого-то домишка, где окна были заперты ставнями. Это оказался притон. Все мы вышли. Матросы вынули револьверы, постучались, нам отворили, и мы все вошли в комнаты. нас здесь встретила женщина-хозяйка. Матросы были здесь, как у себя дома. Началось пьянство. Женщины вели себя отвратительно. Сначала подошли к нам, но матросы им запретили разговаривать с нами. Один офицер, кажется Волк, встал и стал ходить около окон. Матросы это заметили. «Что, удрать хочешь? – закричал один, – небось, не удерешь! Петя, дай ему!» Подскочил коренастый матрос, изо всей силы ударил его под зубы, под подбородок ручкой нагана. Волк зашатался, и у него изо рта пошла кровь. Хозяйка закричала: «Что вы делаете?

Пол запачкаете...» «Дай ему под душу!» – командовал какой-то матрос. И этот ударил его кулаком под ложечку. Волк зашатался, застонал и присел, схватившись за живот. Кровь текла у него на шинель изо рта. Всё стихло. Нас всех посадили в угол. Одного оставили сторожить, а сами разошлись по комнатам с девицами. Хозяйка принесла нам чаю и хлеба. Волк стонал и ничего не ел, у него очень болел рот. Тут, в притоне, мы пробыли часа три. Потом один матрос стал крестить комнату, окрестил и нас. Нам велели собираться. Мы поднялись и поехали в какую-то глушь. На пустыре около забора остановились, нам велели выходить. Мы вышли. «Снимай шинели!» – сказали они нам, площадно ругаясь, окружая нас с выхваченными револьверами. Мы сняли. «Отнеси в автомобиль! – сказали они мне. Я понес и влез сам в автомобиль и замер. Через некоторое время раздались выстрелы и крики, опять выстрелы, еще и еще. И все замерло. Я обомлел. Слышу шаги. Ну, думаю, за мной. Ко мне в автомобиль ввалились все матросы, и тут они заметил и меня. «Ах, сукин сын, ты здесь! – заорал один. – Как же это мы тебя забыли?» «Ну, черт с тобой... заговорил другой, подминая под себя одежду, снятую с расстрелянных. – Ты нам еще пригодишься. Завтра мы с тобой поедем. Трогай!» – и мы двинулись. Меня утоптали под ноги между сиденьями и все колотили каблуками. Матросы, видимо, устали, притихли и только иногда перебрасывались отдельными фразами о том, как ловко всадили они им пули в затылок, в лицо, в

грудь. Так мы приехали в помещение матросов... Я еле встал. Меня втолкнули в комнату и заперли, а потом опять увезли, вот сюда, к вам.

И он умолк. На всех нас этот рассказ произвел потрясающее впечатление.

Едва, успели мы закончить этот предварительный допрос, как к нам позвонили из экипажа. Было уже часа три дня.

– Извольте нам сейчас же отдать офицера, – грубо говорил кто-то в телефон, иначе плохо вам там будет, придем брать... Слышите... – и я сразу узнал полупьяный голос матроса Железнякова-старшего, смертью благословлявшего всех.

Я повесил трубку и не стал с ним ничего говорить... Мне стало ясно, что компания Железнякова-старшего примет все меры, чтобы вырвать у нас этого арестованного ими офицера, так как он был живой свидетель всех отвратительных деяний этой банды, и они прекрасно понимали, что его показания убийственны для них, вот почему они изо всех сил будут добиваться свидетеля убраться. И, действительно, не прошло и получаса, как к нам вновь позвонили из флотского экипажа. Тот же голос еще более нахально стал требовать выдачи нашего пленника. Я сказал, чтобы позвонили через час.

– Ну, то-то, смотри, а то хуже будет, – развязно говорил пьяный голос.

Мне нужно было выиграть время и не только обдумать план дальнейшего решительного действия, но кое-что осуществить за этот промежуток. Необходимо было, прежде всего, переправить арестованного офицера туда, где он был бы в полной безопасности.

...Отдав распоряжение начальнику вооруженных отрядов Смольного быть в полной боевой готовности, я вызвал к телефону Железнякова-младшего и заявил ему, что в его части, где он председатель комитета, творится, черт знает что, и что это не делает ему чести.

– Да они с ума сошли, спились совершенно, у нас полный раскол, мы их знать не хотим!.. – кричал он мне в телефон.

– Тогда сейчас же отделитесь, и, как подобает воинской части, предлагаю вам явиться к Смольному, чтобы продемонстрировать вашу солидарность с правительством...

– Есть... – лихо закричал Железняков-младший, – сейчас будем... А квартиру другую дашь? Мы не хотим сюда возвращаться и быть с

ними...

– Конечно, сейчас же дадим...

Через некоторое время я вызвал Железнякова-старшего и резко сказал ему:

– Что же вы не идете? Или труса празднуете? У меня пулеметы для вас готовы. Узнайте-ка на деле, что значит не подчиняться революционному рабочему правительству...

– Да ты врешь... – добродушно полупьяно ответил он мне. – Да я ведь пошутил...

– А я нет, – я не шучу и предлагаю тебе с твоими молодцами идти сюда...

– Ну! Зачем? Не стоит... Мы спать ляжем...

Я настаивал, чтобы они явились, иначе, – сказал я, – придем мы к тебе в гости... В это время, сообщив обо всем Владимиру Ильичу, я сказал ему, что твердо решил разъединить эту часть, занять помещение флотского экипажа, оружие и снаряды отправить в Петропавловскую крепость и назад матросов туда не пускать. Владимир Ильич вполне одобрил весь план действий, и я тотчас же снесся с тов. Благодановым (комендант Петропавловской крепости – В.Ш.), предупредив его, что, вероятно, скоро придется выступать на работу.

Рабочие комиссары уже выехали на место и наблюдали за всем тем, что происходило среди этих матросов-анархистов, сообщая обо всем по телефону. Мы уже знали, что младший Железняков вместе с некоторыми комитетчиками увлекли за собой порядочную часть матросов и отправились в Смольный под гам и свист остальных. Часть матросов, захватив винтовки и свое имущество, беспорядочно двинулась к Николаевскому вокзалу. Я тотчас же направил туда бывшего матроса, тов. Цыганкова, находившегося в числе рабочих комиссаров вместе с несколькими другими комиссарами и с хорошим отрядом коммунистов стрелков-латышей, отдав им решительный приказ – разоружить этих матросов-анархистов. Они произвели эту операцию очень просто, заняли все входы на Николаевский вокзал, и так как все матросы прибывали разрозненными кучками, то тотчас же отбирали у них решительно все оружие и складывали его в грузовые автомобили, поданные из Смольного. По Николаевскому вокзалу быстро разнеслась весть, что у всех отбирают оружие, и когда Цыганков позвонил мне, что матросы больше не приходят, и все

разоружены, но в вокзале находится много вооруженных солдат и матросов, битком набивших все помещения, добивающихся отъезда с первым поездом и постоянно грозящих оружием железнодорожникам, — я выслал на подмогу еще роту латышей и предложил Цыганкову разоружить и всех остальных, находящихся в вокзале. В высшей степени дисциплинированные латыши, выдавшие виды на Северном фронте, совершенно не признававший опасности.

Цыганков и рабочие комиссары, окружали каждое помещение и предлагали всем добровольно отдать оружие, объявляя, что те, у кого оно будет найдено, будут арестованы. Этот бежавший из Петрограда разложившийся воинским элемент, бросавшим самовольно революционные ряды, как и надо, было ожидать, не отличался храбростью и тотчас же складывал оружие. Наши отряды просмотрели всех до одного и у многих отобрали винтовки, револьверы, ручные гранаты, шашки, патроны. И так перебрали весь вокзал, наконец, освободив железнодорожников от постоянного страха угроз оружием. Оружие было отвезено частью в Смольный, частью в Петропавловскую крепость.

Железняков-старший, чуя для себя недоброе, с небольшой группой своих ближайших сотоварищей, двинулся с Варшавского вокзала на юг, где, как мы получили сведения, он присоединился к бандитской шайке, очень много накуролесил в Черниговской губернии и был убит отрядом красноармейцев, ликвидировавших эту шайку.

В это время Железняков-младший со значительной частью матросов, в полном боевом военном порядке, двинулся к Смольному и, пройдя во главе колонны, выстроился у ворот Смольного, явился к нам... с двумя комитетчиками и чисто по-военному отрапортовал, что во исполнение приказания, поступившего к нему, вверенная ему часть матросов — у ворот Смольного. Мы вышли к матросам, поздоровались, помитинговали, вынесли резолюцию, порицающую деятельность той отколовшейся группы и предложили двинуться ночевать. Тут только матросы узнали, что их выдворили из помещения флотского экипажа и предоставили им помещение по Невскому проспекту, в доме..., откуда недавно все жильцы выехали. Это несколько смутило матросов, и они по команде построились и двинулись во вновь отведенное место.

В это время броневики Петропавловской крепости окружили экипаж, а прибывшая с ними воинская часть спешно нагружала

автомобили ящиками с гранатами, патронами, собирала оружие, патроны, пулеметы и все другое воинское снаряжение, и все это немедленно отвозили в Петропавловскую крепость. Вызванный батальон Егерского полка временно занял все это помещение, выставил караулы и получил строжайшее предписание никого не допускать в помещение флотского экипажа...» После всего прочитанного более чем странно звучат воспоминания бывшего комиссара 2-го Балтийского экипажа матроса-большевика В.И. Захарова: «Только после инструктивного совещания у В.И. Ленина на совещании представителей воинских частей Петрограда в ноябре 1917 года я стал более уверенно управлять всей жизнью матросов экипажа». Какой там «уверенно управлять всей жизнью матросов экипажа»? Какой там инструктаж у Ленина! Какой там комиссар-большевик В.И. Захаров! Ни о каком Захарове у В.Д. Бонч-Бруевиче нет ни слова! Если комиссар В.И. Захаров и был тогда действительно во 2-м Балтийском экипаже, то сидел ниже травы, тише воды, чтобы не попасть под горячую руку братьев Железняковых и их сотоварищей-анархистов. Так что мемуары мемуарам рознь...

Броневик на улицах Петрограда

* * *

Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича многослойны. Фактически речь в них идет о мятеже 2-го Балтийского флотского экипажа, который выступил против правительства большевиков.

Разумеется, что ни Бончу-Бруевичу, ни тем более Ленину, не было никакого дела до судьбы каких-то трех несчастных офицеров. Они были лишь поводом показать мятежным матросам, кто в доме хозяин и, используя этот повод, очистить центр Петрограда от потерявших человеческий облик анархистов.

Наконец, Бонч-Бруевич красочно и детально описал обыденную обстановку в штабах тогдашних матросских отрядов, где процветало пьянство, разгул, грабежи, вымогательство денег и расправы над пленными и наркотики.

В.Д. Бонч-Бруевич пишет, как непросто он «договорился» с А.Г. Железняковым и экипажным комитетом о доставке «подозрительных офицеров» в Смольный «для следствия». На самом деле поездка Бонч-Бруевича лишь спровоцировала матросов. Они сами провели «следствие», согласно которому, двух офицеров расстреляли, и бумаги об этом отправили в Смольный. Этот расстрел, по рассказу третьего офицера был произведен после диких издевательств над арестованными. Сам же третий офицер остался в живых исключительно благодаря деньгам своих родственников и знакомых, по адресам которых его возили предприимчивые матросы 2-го Балтийского экипажа. Этого офицера, как важного свидетеля, Смольному с помощью своих сторонников-матросов удалось тайно вывезти к себе, но после телефонных угроз «братвы» его пришлось... спрятать под чужой фамилией в Петропавловской крепости. После этого обстановка накалилась до предела. Матросы митинговали, обзывая большевиков последними словами, и вполне серьезно собирались захватывать Смольный.

Одновременно, как пишет В.Д. Бонч-Бруевич, были мобилизованы силы Смольного: отряд латышей, «самых стойких комиссаров» рабочих, с десятью пулемётами отправленных в близлежащие к экипажу дома. Заметим, что это был первый случай, когда большевики прибегли к помощи латышских стрелков. Обращение к латышам не было случайным. Это была крайняя вынужденная мера. Отступившие от Риги к Петрограду, латыши остались людьми без Родины и были готовы служить всем, кто им заплатит. Первыми предложили деньги большевики. При этом латыши были классическими наемниками: они умели воевать, были дисциплинированы, особо не интересовались политикой и любили золото. Совсем скоро именно латыши станут новой преторианской гвардией большевиков, вместо непредсказуемых и своенравных матросов.

Помимо латышей для расправы с непокорными матросами были приведены сочувствующие большевикам Волынский и Егерский полки (где, по остроумному замечанию Бонч-Бруевича, трезвых тоже не было, но зато было меньше буйных), а также броневики в Петропавловской крепости. Сам Смольный приготовился к обороне. Не исключалось, что разъяренные матросы попытаются его захватить! Были приняты меры по мобилизации матросского общественного

мнения команды «Авроры» и других кораблей, стоявших на Неве, чтобы заручиться от них хотя бы нейтралитетом. Многие зависело и от позиции лидера анархистствующих матросов А.Г. Железнякова. Поставленный ходом событий перед альтернативой, что ему ближе – задачи мировой революции или власть в районе Благовещенской площади (ныне площади Труда), где располагался 2-й Балтийский экипаж, он, после определенных колебаний выбрал первое. Впоследствии именно этот поступок обеспечить А.Г. Железнякову почетное место в пантеоне героев революции.

После того, как А.Г. Железняков, в обстановке острого внутреннего конфликта, с частью матросов покинул 2-й Балтийский экипаж, уже не могло быть речи о выступлении мятежного экипажа против большевиков в столице. Поэтому часть наиболее активных матросов во главе с Жоржем Железняковым и попыталась удрать на Украину, чтобы делать там уже собственную «матросскую революцию» и куролесить в свое удовольствие.

Что и говорить, нелегко приходилось большевикам в их противостоянии с матросской вольницей. Однако медленно, но верно, шаг за шагом, они упорно шли к своей цели – устранения матросов, как самостоятельной и непредсказуемой политической силы.

Ну, а то, что сам Бонч-Бруевич назвал воспоминания не слишком литературно, то на самом деле от прочитанного становится страшно за тот революционный беспредел, что творился в начале 1918 года в Петрограде.

Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича о выступлении 2-го экипажа явно следует скорректировать в плане оценки его, как бандитского гнезда, констатируя проявления самой примитивной анархии с зачатками демократизма. Кадетская газета «Наш век» (все другие газеты о матросском псевдомятеже 2-го Балтийского экипажа предпочитали молчать) поместила заметку «К заговору против Советской власти». Но в ней «заговорщиками» назвала, почему-то, не матросов, а арестованных ими офицеров». Получалось, что офицерам гораздо больше сочувствовал Смольный, строивший планы использования офицеров против назревавшего наступления немцев, чем кадетская газета, вероятно, строившая планы использования матросов против Смольного. К тому же офицеры в январе 1918 года, пожалуй, как никогда еще в истории России, находились в униженном

состоянии, и их патриотизм многими трактовался, как главная причина продолжения мировой войны.

Что касается позиции, относительно столкновения Смольного со 2-м Балтийским экипажем, то основная часть матросов из Гельсингфорса и Кронштадта, а так же Морской наркомат, во главе с П.Е. Дыбенко (у которого и без данного конфликта в то время были проблемы из-за его авторитарных методов руководства Центробалтом) была нейтральной. Да и сам Смольный искал точки соприкосновения с матросами на почве признания «идейного анархизма», который в это время выступал союзником в борьбе с бандитизмом и к которому тяготели матросы 2-го экипажа, разочаровавшиеся в большевиках.

При этом 2-го Балтийский экипаж не чувствовал себя проигравшей стороной, а наоборот. Так, матросы, уезжавшие на юг с Железняковым-старшим, считали себя истинными бойцами революции. Оставшихся же в столице с Железняковым-младшим матросов, они считали изменниками революционного дела.

Как отмечает сам В.Д. Бонч-Бруевич, у оставшихся в Петрограде приверженцев Железнякова-младшего разложение скоро пошло дальше: «Железняков – младший разместился на новой квартире, – получив лишь небольшую часть патронов. Но и здесь матросы броненосца «Республика» (линейного корабля – В.Ш.) не приняли вид, как другие, действительно боевых, хорошо дисциплинированных частей. Разложение среди них скоро пошло дальше. Беспробудное пьянство, грабежи проходивших мимо, кражи в городе вновь обратили наше внимание на них, и мы решили совершенно избавиться от этого буйного, не поддающегося дисциплине элемента, крайне мешавшего регулировать революционный порядок в красной столице. В один из вечеров наш смольнинский отряд быстро вошел в это помещение, сиял часовых и разоружил всех матросов, среди которых много было пьяных, вповалку спавших с пьяными проститутками. Железняков понял, что ему оставаться здесь больше нельзя, и что его часть разлагается совершенно. Он отобрал около 200 человек, на которых мог надеяться и попросил послать его на фронт...»

Историк военно-морского флота М.А. Елизаров пишет: «Выступление 2-го Балтийского экипажа и другие случаи обозначили противостояние матросов и большевиков, отражение матросами нараставшего недовольства со стороны значительной части народа

тем, как большевики руководят страной. Не случайно тогда имели место слухи о возможном взятии власти матросами (даже при вариантах реставрации царской власти). Позиция В.И.Ленина в этих условиях была неоднозначной. И. Штейнбергу, настойчиво добивавшемуся наказания виновных, Ленин говорил: «Мы что, должны драться с ними? ...Именно потому, что матросы демонстрируют свой гнев и угрожают нам, мы не имеем права уступать... Берегитесь, а то в один прекрасный день и мы окажемся жертвами матросов». Таким образом, выступление 2-го Балтийского экипажа, несмотря на его уголовные формы, было всё же проявлением соперничества между большевиками и матросами, назревшего в первые дни 1918 г., за право быть в авангарде революции, за власть в городе, в котором матросы экипажа вели себя совершенно независимо от власти СНК. К тому же матросы экипажа, отличившиеся в восстании в Петрограде в дни Февральской революции, чувствовали определённую ревность к успехам большевиков в последующем развитии революции и среди них весь 1917 год были распространены антибольшевистские настроения. По логике развития событий матросы неизбежно должны были уступать властные полномочия в революции большевикам. Но большевики смогли подступиться к экипажу только после того, как созрели противоречия в его среде, в частности противоречие между «проправительственным» А.Г. Железняковым и его старшим братом, крайним экстремистом, — анархически настроенным матросом Волжского пароходства. Возможно, впрочем, что первопричиной были противоречия между местным контингентом и прибывшими «героями советизации Украины».

После бегства Жоржа с сотоварищами, сильно поредевший 2-й Балтийский экипаж уже не представлял серьезной опасности для власти. Что касается самого А.Г. Железнякова, вскоре он (к радости Ленина) покинул Петроград и действительно выехал на юг, на Румынский фронт. Вместе с ним покинули Петроград и последние активные матросы 2-го Балтийского экипажа. Оставшихся же расчетливо прибрал к своим рукам П.Е. Дыбенко, рассчитывая создать из них собственную личную гвардию.

Что касается Г.Г. Железнякова, то вскоре его анархистский матросский отряд был обнаружен на Украине, в Черниговской

губернии, где Жорж устанавливал свою собственную «анархистскую власть». Впоследствии в одном из боев с красноармейцами банда Жоржа была уничтожена, а сам он был убит. При этом память о своем кровожадном и экстравагантном вожде-анархисте балтийские матросы сохранили надолго. Вплоть до начала 30-х годов, в советском флоте, активно анархистствующих или просто демонстративно нарушавших дисциплину матросов именовали не иначе, как «жоржиками». Что и говорить, такой своеобразной памяти из революционных матросов не удостоился ни знаменитый младший брат Анатолий Железняков, ни Дыбенко, ни кто-то другой...

Глава седьмая

Кровавый декабрь в Севастополе

Известия об Октябрьском перевороте 1917 года достигли Крыма на следующий день. Уже утром 26 октября в Севастополе было созвано расширенное заседание исполкома Совета при участии представителей профсоюзов, завкомов, корабельных и солдатских комитетов и городской думы. Тем временем только что организованный, по примеру Центробалта, Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот) организовал демонстрацию в поддержку свершившейся революции. Прервав заседание, эсеро-меньшевистский исполком севастопольского Совета принял решение о взятии власти в свои руки. Большевики, хотя и не имели в нем большинства, но пребывали на пике популярности. При этом их пылкие и заманчивые лозунги способствовали разжиганию классовой ненависти. При этом большевики, под влиянием «политического момента», находились в союзе с левыми эсерами (в том числе и с эсерами-украинскими националистами), чем и объясняется решение Совета приветствовать военный переворот большевиков в столице.

В своем рассказе «Возвращение каторжан» писатель Всеволод Вишневский приводит самый популярный в те дни матросский тост: «За вольный флот на Черном море!» В тосте чувствуется влияние левых эсеров, всегда декларировавших именно революционное завоевание воли.

Остальные советы Крыма, а также партии и общественные движения, во многом из-за боязни погромов и резни, встретили октябрьские события в Петрограде отрицательно. Но в Севастополе ситуация была совсем иная. Новую власть в столице, помимо местных большевиков и левых эсеров, поддерживала и анархистско-бунтарская братва, сила в тот момент достаточно авторитетная, хотя и малоуправляемая. Активными распространителями анархистских идей среди черноморцев стали матросы Мокроусов, Алмазов, Евстратов. Любопытно, что неискушенные в политике матросы зачастую вообще не разделяли большевиков и анархистов. Обиженная севастопольская большевичка Н.И. Островская ЦК РСДРП(б) так и писала: «...их

(анархистов) принимают за нас...» Что касается командующего флотом контр-адмирала А.В. Немитца, то, опасаясь осложнений, он приказал поддержать новую Советскую власть.

В первых числах ноября в судовой комитет вспомогательного крейсера «Алмаза» поступило письмо, подписанное кочегарами Ф. Толстых, И. Моравцем, В. Овчаренко и другими. Кочегары писали: «В скором времени мы подлежим увольнению, как отбывшие свой срок службы. Явиться домой в это грозное время, когда решается судьба Советской власти, без оружия мы не можем. Вооруженный матрос в деревне будет опорой Советской власти. Сообразуясь с текущим моментом, предлагаем выдать нам винтовки и патроны, с которыми мы пойдем по домам».

Во второй половине ноября Совет матросских депутатов постановил: «Идя навстречу требованиям представителей увольняемых моряков, желающих с оружием в руках бороться за власть Советов в деревне, выдать каждому увольняемому матросу винтовку и патроны». Узнав об этом, матросы Севастопольского флотского полуэкипажа потребовали на общем собрании немедленно вооружить всех увольняемые в запас призыва 1906 и 1907 годов. «Мы, – заявили матросы, – считаем обязательным увольнение только при полной боевой готовности с оружием и патронами, но не иначе». 6 ноября 1917 года в Морском собрании Севастополя открылся 1-й Общечерноморский съезд. Главной темой съезда стал вопрос об установлении Советской власти на местах и вооруженной борьбе с контрреволюционерами. Большевик Н.А. Пожаров и лидер украинских эсеров К.П. Величко, чувствуя за собой поддержку матросов, заявили о наличии прямой взаимосвязи между революцией и гражданской войной, т. е. гражданская война, по их мнению, являлась логичным продолжением революции, а значит, ее следовало не только поддержать, но и всеми силами разжигать. Те же, кто выступал против разжигания гражданской войны, объявлялся контрреволюционером и подлежал уничтожению. Правые эсеры и меньшевики резко выступили против такого весьма тенденциозного обоснования неизбежности братоубийственной бойни. Дело дошло до взаимных оскорблений, после чего меньшевики и правые эсеры покинули съезд.

В те дни газета эсеров «Революционный Севастополь» писала: «... на митингах некоторые ораторы произносили речи о необходимости

немедленно начать социальную революцию. Это было бы только смешно, если бы за этим не могли быть самые страшные последствия. Причины таких речей две. Одна: тот, кто говорит такую речь, не понимает о чем говорит... Вторая причина: тот, кто призывает начать социальную революцию, понимает значение слов «социальная революция», но совершенно не знает России. Человек с Луны... Тот, кто знает наш народ, тот никогда не станет звать сейчас к социальной революции. Чем могут кончиться такие призывы? Известно, чем. И уже вчера, под влиянием этих речей, в некоторых слоях народа, в городе и на Корабельной слободке говорилось о том, что надо устроить «Варфоломеевскую ночь», резать буржуев и т. д. А если такие социальные реформаторы по собственному усмотрению начнут «резать», то вы можете себе вообразить, во что выльется наша российская социальная революция...» Именно в это время в Центрофлот, с просьбой о помощи, обратилась делегация Ростовского Совета. Дело в том, что после взятия большевиками власти в Петрограде командующий Донским казачьим войском генерал А.М. Каледин отказался признать их власть и приказал разогнать все Советы на Дону.

Надо ли говорить, что после теоретических обоснований Н.А. Пожарова и просьбы ростовских революционеров о помощи, съезд принял решение о немедленном направлении на Дон матросов «для помощи местным Советам в захвате власти и подавлении сопротивления контрреволюции». Командование Черноморского флота и офицерство, разумеется, выступило против. Позиция офицерства сразу же была расценена матросами, как контрреволюционная. Нагнетала обстановку и находившаяся в Севастополе делегация кронштадтских матросов. На митингах, проходивших на кораблях, они делились своим кровавым опытом, призывали к продолжению революции и уничтожению черноморских офицеров. Под влиянием кронштадцев команды начали принимать самые радикальные резолюции: «Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров...», «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно...»

Очевидец севастопольских событий кадет А. Заводов впоследствии вспоминал, что террор в Севастополе начался сразу же после приезда в Севастополь революционной группы матросов Балтийского флота: «...

Конечно, местный Революционный комитет встретил своих собратьев по флоту радостно. И подогретый их советами, наложил на город контрибуцию в два миллиона рублей. Пригрозив, что за невнесение этой суммы будут расстреляны заложники...» И хотя никакими другими воспоминаниями данный факт не подтвержден, требование о контрибуции от севастопольской буржуазии в реалиях тех дней вполне могло иметь место. Вспомним хотя бы воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича о том, что творили в Петрограде матросы-анархисты отряда братьев Железняковых.

Как бы то ни было, но уже 15 ноября 1917 года в Севастополе начались первые самочинные аресты офицеров. В те дни избранный черноморским Центрофлотом «главным народным комиссаром Черноморского флота» матрос-большевик В.В. Роменец получил из Совнаркома «установочную» телеграмму: «Каледины, корниловцы, дутовы – вне закона!» Фактически это являлось приказом начинать повсеместное уничтожение контрреволюционеров. В ответ на эту телеграмму В.В. Роменец сообщал в Совнарком о поднявшемся на флоте «возбуждении против калединской авантюры» и о том, что местными «высшими демократическими организациями были приняты кое-какие меры, чисто демонстративные. В настоящее время посылается еще флотилия в Азовское море, но уже предвидится и столкновение... прошу сообщить... товарищи, что в этом плане предпринято с Вашей стороны, а также как действовать и что предпринимать в дальнейшем Черноморскому флоту, ибо страсти разгораются... я не имею никаких от Вас распоряжений. Быть может мы... и ошибаемся, хотя и думаем, что нет». Предписание Совнаркома главному комиссару Черноморского флота последовало 26 ноября: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледин, Корнилов, Дутов вне закона... На ультиматум отвечайте самым сильным, смелым революционным действием».

После этого черноморский Центрофлот решает направить на помощь Ростовскому Совету по железной дороге большой отряд матросов, а кроме этого послать в устье Дона корабли с десантом. 25 ноября 1917 года из Севастополя был отправлен отряд кораблей (эсминцы «Гневный», «Капитан Сакен», тральщики «Феофания», «Роза», два сторожевых катера). На борту кораблей находилось 150

матросов-десантников. Одновременно более двух с половиной тысяч матросов (1-й Черноморский революционный отряд), под командованием матросов-анархистов А.В. Мокроусова, А.И. Толстова и С.Н. Степанова, отправился в Ростов по железной дороге. Руководство операцией по уничтожению контрреволюции на Дону взяла на себя, т. н. «комиссия пяти» во главе с матросом-большевиком Е.В. Драчуком, оставшаяся в Севастополе. 30 ноября черноморцы прибыли в Мариуполь, где сразу же вступили в бой с казачьими частями и, выбив их из города, установили в Мариуполе власть местного Совета. На следующий день, 1 декабря, они провели аналогичную операцию в Таганроге, выбив оттуда казачьи части генерала Назарова. 4 декабря отряд кораблей прибыл в Ростов.

Донское правительство расценило вмешательство Черноморского флота как нарушение своего суверенитета и через революционную Ставку заявило протест Совнаркому. Комиссар казачьих войск при Ставке Шапкин вручил Крыленко документ, в котором говорилось, что «22 ноября в Таганрогский порт вошло несколько вооруженных траллеров (так в тексте – В.Ш.), посланных Черноморским флотом против Донского войскового правительства... другой отряд направился к Ростову... Кроме того, из самых разнообразных источников поступают известия о том, что против Дона собираются войска с севера... чтобы установить на Дону господство принципов социал-демократов большевиков» Протесты атамана Донского войска генерала Каледина «о недопустимости вмешательства Черноморского флота во внутренние дела Дона» остались без ответа. Когда же Каледин узнал, что отряд Мокроусова, отправленного на Дон, со станции Синельниково был повернут на Харьков и Курск на перехват ударных частей Западного фронта, пробивавшихся на Дон из Могилева. Поэтому в ночь с 5 на 6 декабря отряды казаков, офицеров и юнкеров захватили здание Ростовского Совета и арестовали ряд его руководителей.

Тем временем матросы, сойдя с прибывших в Ростов кораблей, заняли порт и, при поддержке огня корабельной артиллерии начали продвигаться в центральную часть Ростова. Спустя сутки из Севастополя прибыли эсминцы «Поспешный», «Пронзительный», «Дерзкий» и авиатранспорт «Румыния». Благодаря этому с утра 8 декабря наступление матросов поддержала уже не только корабельная

артиллерия, но и гидросамолеты. Через два дня контрреволюционные войска частью покинули город, а частью сдались. После этого среди матросов, как это было принято, началось повальное пьянство и грабеж населения. Часть из них вообще разбрелась по городу в поисках наживы. А вскоре 14 декабря к Ростову подошли свежие казачьи части, и бои возобновились. В результате этих боев плохо обученные к боям на суше, плохо организованные и полупьяные матросы понесли большие потери. 15 декабря оставшиеся в живых в панике, погрузились на корабли и покинули Ростов.

Вину за поражение матросы сразу же возложили на командовавших отрядом офицеров. Позор и горечь поражения надо было на ком-то выместить. Уже в Ростове во время погрузки на корабли, прямо у трапа был расстрелян командовавший отрядом лейтенант А.М. Скаловский (по другим данным А.М. Скаловского расстреляли под станцией Тихорецкой). Остальных трех офицеров убили во время перехода морем в Севастополь. Вряд ли убитые своими подчиненными офицеры, по своей воле согласились командовать этой операцией. Вряд ли, учитывая пьянство и моральное разложение матросов, они вообще могли что-то реальное сделать для организации боя. Разумеется, что о «комиссии пяти» во главе с Е.В. Драчуком, «командовавших» операцией из Севастополя, никто даже не вспомнил. В свое время ситуацию, произошедшую в Ростове, очень хорошо описал писатель А. Малышкин в известном романе «Севастополь», когда, принужденные силой командовать матросским десантом офицеры, находятся в постоянной опасности быть убитыми своими же подчиненными, и, при этом лишены возможности, хоть как-то реально руководить боем.

Что касается, следовавшего из Севастополя в Ростов по железной дороге отряда матроса-анархиста А.В. Мокроусова, то, в связи с тем, что как раз в это время на Дон из Могилева пробивались ударные батальоны, макроусовцы, уже в пути, были перенацелены на перехват ударников. Матросы и ударники столкнулись под Белгородом. В нескольких хаотичных и плохо управляемых боях обе стороны понесли большие потери. Впоследствии ветераны белой гвардии утверждали, что победу одержали они, советские историки утверждали противоположное. Скорее всего, дело закончилось ничьей и противники, по молчаливому согласию, просто разошлись в разные

стороны. После этого отряд Макроусова вернулся в Севастополь 10 декабря в Севастополь вернулись и корабли, ходивший в Ростов. С собой матросы привезли тела 18 (по другим данным 27) убитых товарищей. Их похороны вылились в громадную матросскую демонстрацию. Демонстранты требовали массового уничтожения «изменников-офицеров». Сразу же после похорон на борту эсминца «Фидониси» произошло и первое убийство кочегар Коваленко выстрелом в спину убил механика корабля мичмана Н. Скородинского, сделавшего ему замечание за плохую службу.

В тот же день большевики организовали в Севастополе митинг с требованием немедленного переизбрать Севастопольский Совет (в Совете все еще преобладали правые эсеры и меньшевики), т. к., тот осудил большевистский переворот в Петрограде и не поддержал лозунга «Вся власть Советам!» Копируя действия матроса А.Г. Железнякова при разгоне Учредительного собрания, отряд матросов, вернувшихся из Белгорода, ворвался на заседание Совета и потребовал от его членов в 24 часа очистить помещение, поскольку отряд не признает авторитет и распоряжения Совета. Что касается фракции большевиков, то она еще накануне объявила о выходе из состава Севастопольского Совета.

13 декабря, оповестив флот о своем убытии в Петроград, сбежал на Румынский фронт к генералу Д. Г. Щербачеву командующий флотом А.В. Немитц, фактически бросив своих офицеров на растерзание. В командование Черноморским флотом вступил начальник штаба флота контр-адмирал М.П. Саблин.

Похороны убитого морского офицера

Сам А.В. Немитц так описывает причины своего бегства из Севастополя: «Появление в море «Бреслау» (легкий германо-турецкий крейсер – В.Ш.). Заранее мною выведенный флот у Босфора отразил его, все три прохода через минное заграждение заняты мной. «Бреслау» на горизонте, но прорваться ему нельзя. Готовлю, торжествуя, атаку. В это время на одном из кораблей (линкоре) команда связала командира, корабль бросил позицию и двинулся в Севастополь. В открывавшийся проход пророснул «Бреслау». Этот случай был уже после Октябрьского переворота в Петрограде. В Севастопольском Совете рабочих и матросских депутатов большинством все еще были социалисты- революционеры. После упомянутого случая в море при встрече с «Бреслау» я попросил к себе председателя рабочего и матросского комитета и сказал ему, что я с должности ухожу. Мой собеседник в ответ мне заявил, что комитет меня не освобождает. Черноморский флот незадолго перед тем (без моей инициативы) был подчинен главнокомандующему на Румынском фронте. Я отправился по железной дороге к нему. Доложил о невозможности дальше командовать. Я имел в виду возвратиться в

Севастополь. Доказательства тому – оставленная в Севастополе семья: жена и все дети, 8 человек. Семья всегда была для меня дороже жизни: я бы не оставил ее в Севастополе, если бы предполагал бежать. Стоило, однако, мне уехать из Севастополя, как в нем произошла кровавая расправа с группой офицеров. А приказом из Петрограда, за подписью Раскольников и Дыбенко, я был объявлен дезертиром и приговорен заочно к расстрелу».

На следующий день после бегства командующего флотом состоялись похороны убитого мичмана Скородинского. За гробом через весь город следовало больше тысячи мрачных флотских и армейских офицеров.

У матросов похороны не вызвали сочувствия. С тротуаров вслед процессии они кричали: «Собаке собачья смерть!», «Всем вам скоро конец!». Тогда же комиссар флота В.В. Роменец получил очередную телеграмму от Совнаркома: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа... Переговоры вождями контрреволюционного восстания, безусловно, запрещены».

Для расправы с офицерами все было уже готово. И эта расправа произошла.

Начавшееся на следующий день массовое убийство офицеров, потрясло своей жестокостью весь Крым. Впоследствии поэтесса Анна Ахматова так напишет об этих страшных ночах:

*Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!*

*Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.*

На Малаховом кургане

*Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на белый свет.*

Повод, чтобы начать побоище был выбран весьма грамотно. Уверен, что здесь не обошлось без профессиональных революционеров, уж слишком точно было рассчитано психологическое воздействие на сердца и души матросов. Дело в том, что кто-то внезапно бросил в матросскую массу призыв отомстить за суровые приговоры, выносившиеся военно-морскими судами в 1905 и 1912 годах над бунтовавшими матросами. Кем-то (кем именно, так и осталось неизвестным) было решено найти всех офицеров, принимавших участие в тех событиях, и убить. Но это был лишь повод для начала расправы. В реальности репрессии обрушились на всех морских и некоторую часть сухопутных офицеров совершенно безотносительно событий 19-05-1906 годов. 15 декабря матросы эсминца «Гаджибей», по распоряжению комиссара Черноморского флота В.В. Роменца, арестовали шестерых из семи своих офицеров (включая командира эсминца капитана 2 ранга В.М. Пышнова), как «контрреволюционеров» и отвели их в Севастопольскую тюрьму, желая сдать «под арест». Тюремная администрация отказалась принять самочинных «арестантов». Тогда матросы отвели офицеров на Малахов курган и там расстреляли. По другой версии офицеры «Гаджибея» были расстреляны все же не своей командой, а матросами-анархистами из отряда А.В. Мокроусова В ту же ночь там же на Малаховом кургане были расстреляны начальник штаба командующего флотом Черного моря контр-адмирал М.И. Каськов, главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П.И. Новицкий, начальник школы юнг контр-адмирал А.И. Александров, председатель Севастопольского военно-морского суда генерал-лейтенант Ю.Э. Кетриц, капитаны 1 ранга И.С. Кузнецов (бывший командир линкора «Императрица Мария») и А.Ю. Свиньин (командир судна «Орион»), старший инженер-механик лейтенант Е.Г. Томасевич, трюмный инженер-механик подпоручик Н.А. Дыбко, ревизор мичман Н.А. Иодковский. Следуя примеру команды «Гаджибея», расстреляла своих офицеров и команда эсминца «Фидониси» (в частности был убит

минный офицер лейтенант П.Н. Кондрашин). В числе убитых в те дни были командир минной бригады, капитан 1 ранга Ф.Д. Климов, капитан 2 ранга Н.С. Салов, командиры эсминцев «Живой» и «Пылкий» капитаны 2 ранга Н.Д. Каллистов (выдающийся военноморской историк и поэт-маринист) и В.И. Орлов, старший офицер крейсера «Прут» В.Е. Погорельский. Всего в те дни на Малаховом кургане были убиты тридцать два офицера. Расстрелом распоряжался унтер-офицер Басов.

Из воспоминаний современника: «Особенно острый характер приняли события в приморских городах Кавказа и Крыма, и, прежде всего, в Севастополе, переполненном большевистски настроенными матросами... с 16 на 17 декабря... охота на офицеров шла по всему городу, особенно на Чесменской и Соборной улицах (где было много офицерских квартир) и на вокзале. Типичный ее эпизод: «Вдруг, среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий крик, и человек в черном громадным прыжком очутился в коридоре, и упал около нас. За ним неслось несколько матросов миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычание матросов... Стало страшно...» Журнал «Барабан», издававшийся в Петербурге севастопольцем А.Т. Аверченко, о событиях этой страшной ночи писал: «Над офицерами, приговоренными к казни, матросы страшно издевались. Так, например, к смертной казни был приговорен бывший) начальник порта адмирал Новицкий, больной старик, с ним от пережитого страха при аресте сделался паралич, и он не мог двигаться. Караул же, пришедший конвоировать его на место казни, заставлял его ударами штыков идти, но тот никак не мог даже двинуться с места, тогда находившийся с ним в камере адмирал Александров сжалился над ним, взвалил на себя и на своих плечах донес его до Малахова Кургана, где и были оба расстреляны».

В ту ночь охота на офицеров шла по всему городу и, особенно, на вокзале, откуда офицеры пытались вырваться из Севастополя. Очевидец событий вспоминал о событиях вечера 15 декабря 1917 года: «Мы бросились на балкон и совершенно определённо убедились, что стрельба идет во всех частях города... Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов... слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы,

голубчики»... кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы – словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна... Севастопольский Совет раб. деп. умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом Совета, но Совет безмолвствовал: им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской вольницей».

Обвинения в адрес Н.И. Островской серьезно преувеличены. Разумеется, что никаких расстрелов она не организовывала. Матросы прекрасно с этим справлялись и без нее. Более того, по некоторым данным, Островская даже пыталась как-то остановить матросов, хотя это ей и не удалось. 16 декабря 1917 года, Севастопольский Совет, наконец-то, выразил убийцам свое «порицание». Этим все и ограничилось. В тот же день обратился к матросам и населению Севастополя с воззванием и Севастопольский Военно-революционный комитет. В воззвании признавались допущенные в Севастополе самосуды и подтвержден расстрел «нескольких офицеров»: «Когда стало известно все, что делают в борьбе с революцией и ее защитниками враги революции, из рассказов возвратившегося с Дона отряда и по прибытии бежавших от Каледина товарищей матросов, справедливый революционный гнев начал выливаться в самосуды...» Для предотвращения дальнейших беспорядков был избран Временный Военно-революционный комитет, состоявший из 18 большевиков и 2 левых эсеров. Уже в день своего избрания комитет обратился к матросам, солдатам и населению города-крепости с воззванием. В нем признавались допущенные в Севастополе самосуды и подтверждался расстрел «нескольких офицеров». В воззвании указывалось, что «Временный военно-революционный комитет призывает товарищей матросов, солдат, и рабочих, дабы не осквернять светлого знамени революции, не производить самосудов... всякие попытки к погромам будут беспощадно подавляться...». В тот же день 16 декабря в Севастополе был введен комендантский час.

Следует отметить, что в декабре 1917 года в Севастополе арестовывали не только офицеров, но и либералов, а также лидеров умеренных социалистических партий. Их организации матросы

подвергли разгрому, а активистов расстреливали. Наибольшие потери от матросов понесли в те дни конституционные демократы (кадеты), были убиты среди меньшевиков и правых эсеров.

Советскими историками массовое уничтожение офицеров в декабре 1917 года в Севастополе объясняли следующим образом: «...в городе усилилась активность контрреволюционного офицерства, требовавшего установления военной диктатуры. Убедившись в нежелании эсеров-меньшевистского Совета принять действенные меры против контрреволюционных сил, революционные матросы перешли к решительным действиям. Были арестованы и разоружены реакционные офицеры. Некоторые из них, как участники подавления революционного движения 1905–1912 гг. с санкции главного комиссара Центрофлота были расстреляны». Увы, но то, что происходило в реальности в те дни по ночам на Малаховом кургане и на улицах города не имела ничего общего с уклончивым объяснением сотрудников агитпропа.

Чтобы хоть как-то обуздать озверевшую братву, в ночь на 16 декабря по инициативе Центрофлота был создан Военно-революционный комитет (ВРК), под председательством матроса-большевика И.Л. Сюсюкалова. Временный ВРК объявил Севастопольский Совет распущенным. Фактически это был государственный переворот в отдельно взятом городе. Днем того же дня на объединенном заседании представителей команд и частей Черноморского флота, президиума исполкома Совета рабочих и военных депутатов, Центрофлота, революционных партий был избран уже постоянный Военно-революционный комитет, в который вошли 18 большевиков и двое левых эсеров. 18 декабря был избран новый Севастопольский Совет под председательством большевика Н.А. Пожарова, где большевики и левые эсеры уже получали подавляющее большинство.

Что же касается прекращения репрессий, то когда бывший член Севастопольского совета А. Каппа, после декабрьской резни, спросил председателя Совета Н.А. Пожарова, конец ли это террору, то получил ответ: «Пока да, но вспышки еще будут...».

В те дни многие флотские офицеры покинули Севастополь и бежали в Симферополь, Ялту и Евпаторию. Наконец, 17 декабря Севастопольский комитет большевиков выпустил воззвание «Против самосудов!». В нем говорилось: «Гнев народный начинает выходить из

своих берегов... Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы... Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом... и тогда голос народа станет законом для всех». Одновременно ВРК принял решение разоружить, вернувшихся с Дона матросов, которые были в первых рядах убийц.

Но бессудные расправы продолжились – в ночь с 19 декабря на 20 декабря 1917 года было убито еще семь человек, содержащихся в арестантском доме, в том числе надворный советник доктор В. Куличенко и настоятель военной Свято-Митрофаниевской церкви на Корабельной стороне отец Афанасий (Чефранов). Настоятеля убили прямо в храме, а тело сбросили в море. Тогда же в собственном доме был задушен другой священнослужитель – отец Исаакий (Попов).

Современный историк ВМФ М.А. Елизаров пишет: «Утверждение Советской власти на Юге, на Черноморском флоте сопровождалось волной офицерских самосудов. Глубинные причины их были те же, что и на Балтике в Февральскую революцию. На Юге в февральско-мартовские дни эти причины, как отмечалось, были приглушены во многом именно потому, что Черноморский флот мог не волноваться за свой революционный «имидж». Развитие революции быстро было повёрнуто в русло эсеровского революционного оборончества, которое временно объединяло офицеров и матросов. Но примерно к декабрю 1917 г. стало ясно, что развитие революции идет по пути Советов и выхода из войны. Как выше было указано, в Севастополе эсеровское «мартовское» прошлое лояльного отношения к офицерам стало играть обратную роль. Поэтому утверждение Советской власти в Крыму сдетонировало не только старые причины, связанные с непримиримостью к офицерам, как «стрелочникам» за самодержавие, японскую и мировую войны, но и новые, связанные с корниловской «контрреволюцией». Тем более, что центр корниловской «контрреволюции» переместился с севера на соседний Дон и что Балтика показала пример экстремистских методов борьбы с ней».

Историк флота из Екатеринбурга (Уральский Федеральный университет) А.П. Павленко так оценивает декабрьские события 1917 года в Севастополе: «...Всякая расправа, кажущаяся со слишком близкого или слишком далекого исторического расстояния стихийной

и бессмысленной, убийства были вызваны вполне определенными причинами и проходили по определенному сценарию. Декабрьские погромы были вызваны возвращением с корниловского и калединского фронта воевавших там моряков 1-го Черноморского отряда, сильно обозленных упорным сопротивлением, в основном белого офицерства. Через некоторое время разошедшиеся боевики дестабилизировали ситуацию, и повели агитацию за убийство офицеров. В проведенных убийствах, кстати, отчетливо просматривает мотив личной мести — значительная часть убитых, либо имела плохие отношения с матросами, либо участвовала в подавлении революционных выступлений на флоте в 1905-07 гг. К тому же основная их масса состояла из средних офицеров, чаще других имевших конфликты с матросами, да еще и часто использовавшая дисциплинарные меры для выслуживания перед начальством, так как этот контингент состоял в основном из честолюбивых офицеров молодого или среднего возраста. В общем, налицо личная месть обозленных матросов, притом, что рукоприкладство перед революцией было, в целом не слишком распространено и потому, надо полагать, воспринималось еще более обидно. Забавно, что, так как эсеровский Совет не мог контролировать ситуацию, то за дело взялся самочинно организованный большевистско-левоэсеровский ревком, который установил порядок в городе, а заодно взял и власть».

К большому сожалению, все происшедшее в декабре 1917 года в Севастополе и на Черноморском флоте, говорило о том, что принесенные на алтарь революционного беззакония жертвы были далеко не последними. Черноморские матросы, в своем подавляющем большинстве, по-прежнему, оставались неуправляемыми. Более того, вкусив человеческой крови, и уверовав в свою полную вседозволенность, они были готовы теперь к новым массовым репрессиям против всех, кто казался им недостаточно революционными. Самое страшное для Севастополя и Черноморского флота было еще впереди.

* * *

Между тем, ситуация в Крыму все накалялась и накалялась. В конце декабря по Севастополю распространились слухи о, якобы, готовящемся захвате города крымско-татарскими боевиками, т. н. «эскадронцами». Поэтому в Севастополе, в ожидании появления татарских отрядов, не раз объявлялась тревога, береговые части и корабли приводились в боевую готовность, а шоссе Инкерман-Бахчисарай периодически освещалось прожекторами.

В это время росло напряжение и в Бахчисарае. Среди татар усиленно распространялись слухи о готовящемся приезде в город матросов-большевиков и неизбежных репрессиях. Страшные события середины месяца связанные с убийствами в Севастополе не оставляли сомнений, что в случае прибытия матросов, все именно так и будет. «По нашим сведениям, несомненно, существуют какие-то темные силы, которые стараются спровоцировать в Крыму национальную бойню», – писала в те дни газета «Вольный Юг». – Ибо кому это нужно – всюду создавать какую-то панику с обеих сторон».

Как всегда в трудные для России времена, немедленно подняли голову украинские националисты. Серьезным фактором, дестабилизирующий обстановку в Севастополе и на Черноморской флоте, стала активность соседней украинской Центральной рады, которая заявив о своих притязаниях на Черноморский флот, пыталась организовать украинизацию кораблей. Так в октябре, вопреки запрету еще Всероссийского Центрофлота, украинские националисты пытались поднять свои флаги на миноносцах «Завидный» и «Гаджибей». Исподволь велась ими агитация и на крейсере «Память Меркурия».

17 октября в Севастополь был прислан из Киева капитан 2 ранга Е.Н. Акимов, назначенный генеральным комиссаром Центральной Рады, прямо агитировавший за полную «украинизацию» Черноморского флота и передачу его Украине на правах собственности. Увы, но истории свойственно повторяться, порой вплоть до деталей, и 1917 год был практически повторен Киевом в 90-х годах. Впрочем, с тем же результатом... С ноября 1917 года Центральная рада уже открыто заявляла о подчинении Крыма своей власти. Для быстрейшего решения вопроса украинизации флота 1 ноября в Киеве была создана даже особая Морская генеральная рада.

В начале ноября украинские националисты создали некий морской курень имени Сагайдачного (несколько офицеров и около шестисот матросов). Так никакого понимания в Севастополе националисты не нашли, то в том же месяце дружно убыли в Киев. Дальнейшая участь матросов-украинцев была печальной. В январе 1918 года их бросил в бой против рабочих киевского завода «Арсенал», где частью они были перебиты, а частью разбежались. После остатки куреня были пленены, после чего полтора десятка офицеров и матросов были расстреляны, а остальные стремительно «прозрев», забыли про свое надуманное украинство и дружно пополнили матросские анархистские отряды.

9 ноября команда старого линкора «Георгий Победоносец», где оказалось особенно много матросов-малороссов, приняла резолюцию с признанием власти на Украине в лице Центральной рады «считая её действия справедливыми и законными». Однако украинский флаг матросы поднять все же отказались. Были попытки украинизировать эсминцы «Зоркий» и «Звонкий».

12 ноября часть команды крейсера «Память Меркурия», где засилье матросов с Украины также было велико, в результате деятельности агитаторов из Киева, приняла решение не поднимать единственный во всем российском флоте Георгиевский Андреевский флаг, полученный в 1829 году бригам «Меркурий» за геройские дела с турками и унаследованного крейсером. Вместо него вывесили сине-желтый прапор. Однако треть команды (более 200 матросов) отказались продолжать службу под ним и вместе с офицерами, покинула корабль. К борту крейсера была подведена баржа, на которую перешли сохранившие верность матросы и офицеры с развернутым Георгиевским флагом и под звуки музыки отчалили на буксире катера. Сцена была потрясающая, матросы и офицеры рыдали. По прибытии на берег флаг, простреленный неприятельскими снарядами, был торжественно перенесен в Морское собрание.

В третьей декаде декабря вопрос украинизации флота вновь обострился. Тогда на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг, после чего 300 русских и 400 матросов-украинцев пригрозили покинуть корабль. 23 декабря на заседании Черноморского Центрофлота экстренно рассматривался вопрос о событиях на линкоре. Было принято решение о созыве судовых и береговых комитетов. На следующий день собрание приняло решение «спустить

с линкора «Воля» украинский и поднять красный флаг». На этом инцидент был исчерпан.

Заметим, что тогда, в 1917 году, Центральная рада, и Мусисполком крымскотатарского Курултая, не доверяя ни одной из сторон в борьбе за власть в Крыму, старались использовать друг друга в борьбе против большевиков и революционных матросов, вступая для этого во временные альянсы. Как это похоже на события 1991–1992 годов, когда очередная киевская власть, захватив Крым, пыталась отобрать у России ее Черноморский флот, используя и украинских и татарских националистов!

Упоение властью революционными матросами было не по нраву большевикам. Да, и они были обязаны очень многим им за октябрь 1917 года и готовы были делиться чем угодно, кроме одного – власти. Но именно власти, причем, именно своей – матросской и желали матросы революции, считавшие именно себя творцами социалистической революции, ее гарантами и ее совестью. Конфликт между двумя сторонами был обозначен. Пока, в условиях разгоравшейся с каждым днем Гражданской войны, большевики еще нуждались в столь могучем союзнике, как матросы. Но придет время и они расправятся с ними с такой жестокостью, которая ужаснет мир...

**УПОЕНИЕ ВЛАСТЬЮ.
РЕВОЛЬВЕР, СПИРТ И КОКАИН
1917 ГОД**

ВЛАДИМИР ШИГИН

Примечания

1

Равашоль (Франсуа Клавдий Кёнигштейн) — знаменитый французский анархист, прославившийся своими терактами и казненный в 1892 г. Почитался матросами-анархистами, как идеальный революционер.

[Вернуться](#)